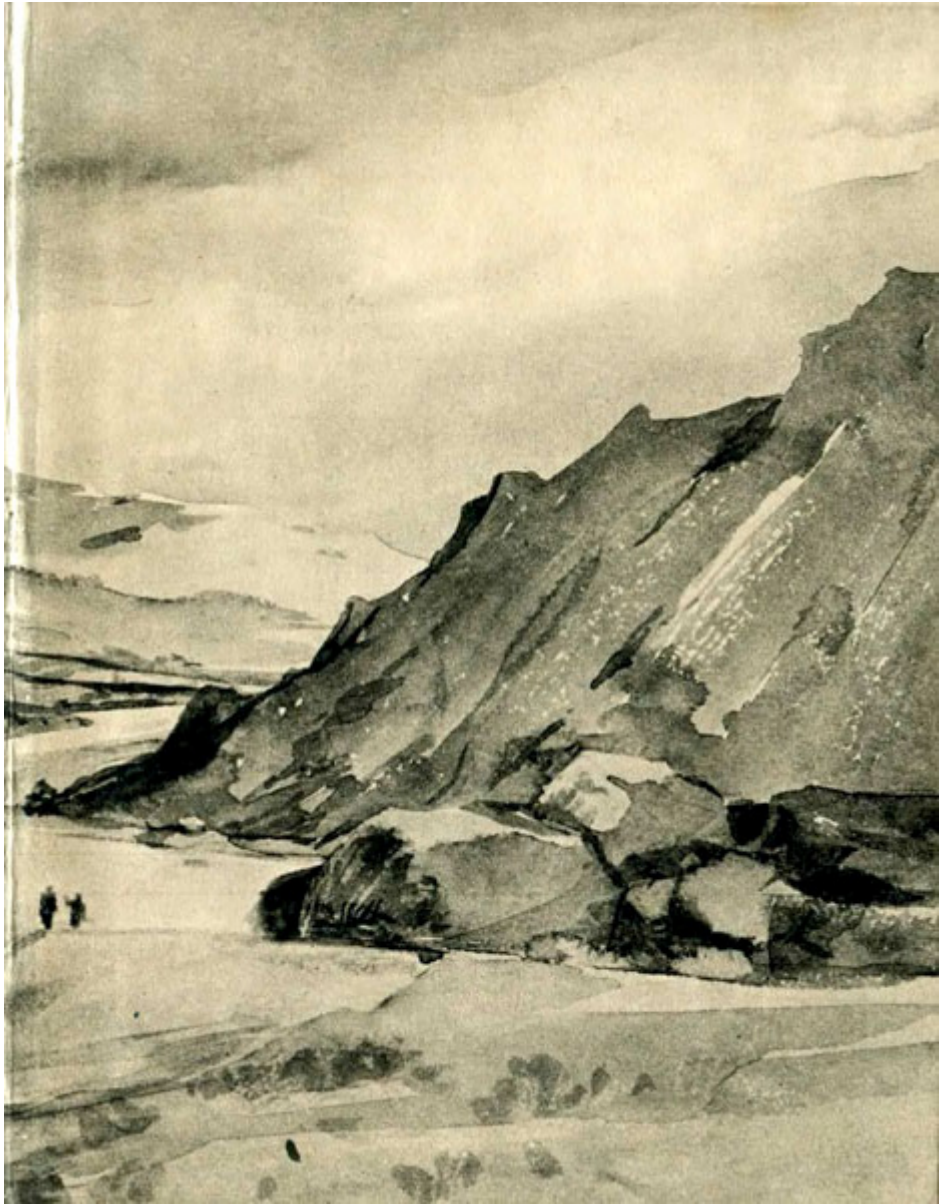

Вадим Охотников
В мире исканий

БИБЛИОТЕКА
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКВА 1952 ЛЕНИНГРАД

ВАДИМ ОХОТНИКОВ

В МИРЕ ИСКАНИЙ

*Научно-фантастические повести
и рассказы*

Рисунки А. Васина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об
этой книге присылать по адресу:
Москва 47, ул. Горького, 43, Дом
детской книги.*

Новое зрение

Студент пятого курса Электроакустического института Миша Савин был доволен сложившимися обстоятельствами. Еще бы! Он едет к берегам южного моря. Впереди интересная практика в Научно-исследовательском институте морской электроакустической техники.

Приподнявшись и высунув голову из окна автобуса больше, чем это полагается для всякого приличного пассажира, он с нетерпением ждал, когда вдали покажется искрящаяся на солнце голубая полоска. Им овладело ребяческое желание во что бы то ни стало первым увидеть море.

Было приятно подставлять голову теплову ветру, чувствовать, как он шевелит волосы, прислушиваться к шелесту шин, трущихся об асфальт, и к звонкому, почти металлическому стрекоту цикад.

– Не вертитесь, товарищ! Вы мешаете мне сидеть! – раздался строгий голос девушки-соседки.

Пришлось оставить окно и сесть.

– Море скоро будет видно, – словно извиняясь, пробормотал Миша.

– Ну и что ж, что море, – сухо ответила девушка, не глядя на Мишу. Затем, повернув голову, добавила: – Море от вас никуда не уйдет. Скоро к нему подъедем.

«Сухое существо, лишенное элементарных романтических чувств...» с обидой подумал Миша, присматриваясь к соседке, маленькой и действительно «сухой», с черными глазами и еще более черными, гладко причесанными волосами.

– Вам, конечно, этого не понять, но для меня море – это не только энное количество соленой воды... – путано заметил Миша.

– А почему вы думаете, что для меня море – это только «энное количество воды»? – вдруг обиделась девушка.

– Обладаю некоторым жизненным опытом и могу определять характер людей по внешности, – хвастливо заявил Миша.

При этом он постарался улыбнуться, чтобы хоть немного скрасить смелость подобного заявления и в то же время подчеркнуть, что все это шутка.

Однако девушка не обратила никакого внимания на улыбку и повернулась к своему соседу спиной, давая понять, что о дальнейшем разговоре не может быть и речи.

«Обидчивая и в людях не разбирается... – решил Миша. – Разве трудно было догадаться, что я шучу и не собираюсь ссориться!»

– Нехорошо, молодые люди... – укоризненно проговорила старушка, сидевшая сзади. – Вы бы, молодой человек, уступили девушке место у окна, да и все тут!

Между тем автобус, круто поворачивая по извилинам горной дороги, уже спускался вниз, к видневшемуся вдалеке маленькому приморскому селению. Мимо потянулись

опрятные белые домики с красными черепичными крышами и стройные шеренги кипарисов.

– Вот и ваше море. Скорее любуйтесь, а то прозевааете, – проговорила с улыбкой девушка.

Однако прежде чем Миша успел взглянуть в указанном направлении, автобус сделал резкий поворот и въехал в улицу, окаймленную трехэтажными зданиями. Пассажиры заметно оживились. Многие начали готовиться к выходу. Пора было собираться и Мише.

– Помогите достать чемодан, – обратилась к нему девушка очень любезным тоном, в котором чувствовалась, однако, не только просьба, но и уверенность, граничащая с приказом. – Вон справа, желтый.

«Подумаешь... Еще распоряжается мною...» мелькнуло в голове у Миши. Однако он молча снял с сетчатой полки довольно увесистый чемодан и потащил его к выходу.

– Мне приходилось видеть море, когда я был совсем маленьким. А сейчас мне предстоит работать у моря целое лето, – говорил Миша, с трудом протискиваясь сквозь толпу у автобусной станции. Миша тяжело дышал, так как груз оказался не слишком легким, а яркое южное солнце, безраздельно царившее на совершенно безоблачном небе, давало о себе знать нестерпимым зноем. – А вы, вероятно, местная жительница?

– Вы очень догадливы, – немного насмешливо заметила девушка. – Вы, наверное, также догадались, что я не обладаю достаточной физической силой, чтобы нести чемодан?

– Конечно, – процедил сквозь зубы Миша. – Куда прикажете его доставить?

– Спасибо. Давайте его мне.

Девушка быстрым и ловким движением выхватила чемодан из рук Миши и понесла его с необыкновенной легкостью.

– Еще что вы думаете обо мне, товарищ провидец? – Она повернула голову к Мише, отставшему на несколько шагов.

– Думаю, что сейчас вас встретят мама, или тетя, или дядя и будут выражать радость по поводу благополучного возвращения домой, а мне предстоит разыскивать Морской научно-исследовательский институт, куда я прибыл на практику, – небрежно ответил Миша.

Неожиданно девушка остановилась и поставила чемодан на землю:

– В какой институт вы приехали на практику? Ну-ка, повторите!

– В Морской. В Научно-исследовательский институт морской электроакустической техники. Вы, как местная жительница, наверное слышали о таком и, возможно, даже знаете, где он тут находится. Это на Приморском шоссе, недалеко от города, – ответил Миша останавливаясь.

Девушка улыбнулась:

– Почему вы все-таки решили, что я местная жительница?

– Вы смуглая, как и полагается жителям юга. С явным безразличием относитесь, как говорится, к местным красотам – я наблюдал за вами во время дороги.

– Вы ошиблись, товарищ знаток человеческих качеств, – насмешливо промолвила девушка. – Я не местная жительница, а из Ленинграда и приехала на практику в тот же институт, что и вы. Понятно?

– В таком случае прошу больше не называть меня ни «знатоком человеческих качеств», ни «провидцем». Моя фамилия Савин, а зовут Миша. Разрешите познакомиться, – забормотал Миша, искренне обрадованный тем, что девушка оказалась товарищем по будущей работе.

– Люда Камаринская, – проговорила девушка, протягивая руку, и тут же добавила: – И я знаю, чему вы улыбнулись.

– Я улыбнулся? – удивился Миша.

– Да, представьте себе, и улыбнулись потому, что подумали: «Если у этой фамилии делать ударение не на «и», а на вторую букву «а», то получится название русской плясовой...»

Молодые люди долго стояли в тени, недалеко от большой пальмы с мохнатым, словно укутанным войлоком стволом и остроконечными листьями. Пальма росла рядом с тротуаром

и являлась центром ансамбля декоративных растений перед зданием автобусной станции.

Мимо проходили люди, одетые преимущественно в светлые костюмы, и с улыбкой поглядывали на юношу и девушку: может быть, у жителей этого приморского города был обычай приветствовать каждого только что приехавшего сюда человека добродушной улыбкой. Во всяком случае, улыбки прохожих, безоблачное, голубое небо, яркий свет, отражающийся от белых стен зданий, и теплый, ласковый ветер, в котором ясно чувствовалась близость моря, – все это создавало у Миши праздничное настроение.

К институту решили идти пешком – пробежавший мимо мальчик объяснил, что это совсем «недалеко»: пройти улицу, набережную, повернуть налево, на асфальтированную дорогу вдоль моря, и через какие-нибудь три-четыре километра этот самый институт и будет.

Конечно, на свете существуют люди, которые, выслушав объяснение мальчика, очень озорного на вид, с большим количеством веснушек на лице, пришли бы в ужас и прибегнули к помощи местного автобуса, такси или, наконец, носильщика. Но мои герои, как я уже объяснил, были молоды и задорны. Каждому из них хотелось продемонстрировать друг перед другом свою физическую подготовку и выносливость. К чему торопиться! Времени сколько угодно. К работе они должны приступить только с завтрашнего дня.

Позже они не только не жалели, что решились на пешеходное путешествие от города к институту, но даже были довольны этим, так как иначе не столкнулись бы с одним очень интересным, до некоторой степени странным и даже таинственным обстоятельством.

Город проходили медленно. Останавливались у витрин магазинов и даже заглянули в

один из них, поинтересовались местными кустарными изделиями – коробками и разными безделушками из морских ракушек. Затем, выйдя и минуя какие-то лечебные учреждения с соляриями на крыше, быстро очутились за пределами города. Перед ними открылась асфальтированная дорога, идущая вдоль пустынного берега, усеянного мелкими круглыми камешками – галькой.

Было жарко. Мише нестерпимо хотелось искупаться – об этом он мечтал еще дома, когда стало известно, что его направляют на юг.

Девушка, идущая рядом, теперь уже казалась Мише вполне достойной того, чтобы продемонстрировать перед ней свою выдержку и солидность.

– Гидроакустика, конечно, будет развиваться очень быстро и займет еще более высокое и ответственное положение, – стараясь придать своему голосу «академическую» сухость, говорил юноша своей спутнице. – Вспомните, Люда, что еще совсем недавно на практике применялись только эхолоты – как вам, наверное, известно, приборы, определяющие глубину моря по скорости отражения звука от морского дна... Кстати, мой товарищ по курсу Степан Голубицкий придумал новую систему эхолота и собирается воспользоваться ею как темой для диссертации. Очень оригинальная вещь. Необычайно быстро позволяет определять глубину моря.

– В чем ее оригинальность? – заинтересовалась Люда.

– Представьте себе, что ко дну корабля прикрепляется излучатель ультразвука, мало чем отличающийся от обычного. Он приводится в действие от электрического генератора звуковой частоты, тоже почти обычного типа. Вот... Подается, значит, от этого генератора электрический сигнал на излучатель, что прикреплен ко дну корабля, и последний приходит в действие – начинает излучать в воду звуковые волны, не слышимые человеческим ухом, – ультразвук.

– Ну и что же? – нетерпеливо спросила Люда, которой чрезмерная популярность объяснения казалась излишней.

– Идут эти звуковые волны от корабля в толще воды, но не во все стороны, а главным образом в одном направлении: у корабля предусмотрены отражатели оригинальной конструкции – вогнутые зеркала из стали.

– А дальше что?

– Ну, дальше звуковые волны распространяются в морской воде, как вы знаете, с определенной скоростью, а, отразившись от дна, возвращаются к кораблю с той же скоростью. Значит, можно засечь время, прошедшее с того момента, когда звук ушел от корабля и вернулся обратно: определить расстояние от поверхности до дна.

– Да знаю все это! – наконец не выдержала Люда. – Я спрашиваю, что дальше, то есть какое ваш однокурсник придумал оригинальное устройство для приема звука, определения времени и быстрого перевода его на цифры определяемого расстояния? Ведь излучатель, как вы уже сказали, у него самый обычный.

– Да я же к этому иду! Неужели вам не ясно? Миша принялся подробно и с увлечением объяснять сущность изобретения своего товарища.

Разговаривая о технике, связанной с будущей их профессией, об обычных житейских делах, об институтах, в которых они учились, о товарищах и друзьях, они незаметно прошли довольно длинный путь. Впереди уже показалась большая, многоэтажная постройка, окруженная парком. Очевидно, это и был Институт морской электроакустической техники – место их практики.

– Да... – мечтательно протянул Миша, когда они, не уговариваясь, остановились, чтобы отдохнуть. – Вот он какой... Действительно у самого моря! Интересно, где расположены жилые помещения: ближе к морю, чем главный корпус, или дальше? Признаюсь: собираюсь купаться утром, перед началом работы, перед обедом и после работы...

– Знаю, знаю... – проговорила Люда, испытующе глядя на своего спутника. – Вы бы непрочь искупаться и сейчас.

– Действительно, ваш покорный слуга готов немедленно окунуться в морскую

пучину, – весело ответил Миша, шутливо раскланиваясь и пытаясь изобразить ногами что-то вроде реверанса.

– Посмотрите, сколько рыбацких лодок! А вон большой белый катер. У него несколько необычные очертания, – проговорила Люда, любуясь морем.

– Действительно, интересный катер! Первый раз такой вижу. Вероятно, он возит пассажиров между ближайшими приморскими селениями, – ответил Миша...

К берегу шли торопливо. Первым с разгону бросился в воду Миша и тотчас же окунулся с головой. Затем, издав пронзительный крик: «Чудесно!!!», он принялся бить по воде руками и ногами, притом до такой степени энергично, что весь скрылся в облаке брызг, игравших на солнце всеми цветами радуги.

Люда медленно подошла к берегу, застегивая на голове резиновый шлем – обязательную принадлежность хорошей пловчихи. Таковой она в действительности и оказалась. Положив голову на поверхность воды, Люда поплыла стилем «кроль».

Вначале Миша решил догнать девушку, чтобы плыть с ней рядом, но вскоре убедился, что эта задача ему не под силу: Люда плыла слишком быстро. Пришлось, чтобы не очутиться в смешном положении, прекратить погоню, вернуться и сделать вид, что ему доставляет громадное удовольствие лежать в воде у самого берега и подставлять свое тело маленьким волнам прибоя.

В ожидании, пока девушка возвратится, Миша решил, не отплывая далеко от берега, нырнуть с открытыми глазами, чтобы полюбоваться морским дном: во время купанья это было его обычным, любимым занятием.

Не успел он опуститься достаточно глубоко под воду, как его поразила странная вещь. В воде был слышен отчетливо и достаточно громко какой-то высокий протяжный звук, часто меняющий свой тон. Ему вторил другой звук – низкий и рокочущий. Звуки сливались в жалобную и отвратительную какофонию. Мише сейчас же вспомнилась ночь, как-то проведенная в лесу. Дело было весной. Перелетая с дерева на дерево, стонали и улюлюкали совы. Зловеще скрипели деревья, дико завывал ветер. Теперешний звук напоминал крик сов, но был более протяжным.

«Что за история? – с удивлением подумал Миша, поднимая голову из воды. – Может быть, мне все это только кажется?»

Поразмыслив немного и не придя ни к какому выводу, он снова окунулся с головой в воду и начал прислушиваться. Странный звук был слышен теперь еще громче. Иногда он усиливался, словно приближался, а иногда все затихало. Именно в тот момент, когда появилась настоятельная необходимость поднять голову над водой и вздохнуть, звук стал необычайно громким, а затем сразу оборвался. Только откуда-то издалека доносился тонкий писк, жалобный и постепенно затихающий. Миша напряг всю свою волю, чтобы, не дыша, задержаться под водой еще на некоторое время. Но странный звук больше не повторялся. Изредка было слышно, как глухо шелестят трущиеся друг о друга круглые камешки, которые перекатывают волны.

Вскоре возвратилась Люда. Она быстро вышла на берег. Сняв купальный шлем, растянулась на гальке с закрытыми глазами, подставляя свое мокрое лицо солнцу. Миша также вышел на берег и улегся рядом.

– Вы ничего не слышали в воде? – спросил он немного озабоченно.

– В воде? Интересно, что можно слышать в воде? – удивилась девушка.

– Как вам, вероятно, известно, звук распространяется в воде быстрее и дальше, чем в воздухе.

– Да, мне все это доподлинно известно. И неясно только одно: что именно может порождать какие-либо звуки в воде. Рыбы, как вы, вероятно, заметили с присущей вам наблюдательностью, совершенно безмолвны.

– А я вот только что слышал, когда нырял, очень странный и совершенно необъяснимый звук. Вы слышали когда-нибудь, как улюлюкают совы?

– Признаться, нет... – ответила девушка, приподнимая голову и с любопытством

присматриваясь к своему собеседнику. – Я вижу, вас что-то беспокоило и взволновало, – добавила она через некоторое время, снова опуская голову на камни.

– Нет, я просто сильно заинтересовался. Такой уж у меня характер: если наблюдаю что-либо непонятное, то не нахожу себе покоя, пока не получу полного и исчерпывающего объяснения.

– Похвальная черта подлинного исследователя, – пошутила Люда, не открывая глаз. – Если бы я тоже услышала в воде этот беспокоивший вас звук, то, наверное бы, помогла вам отгадать природу его происхождения. На что же все-таки он был похож? Хотя... позвольте... Вот теперь начинаю вспоминать. Когда я плыла, то, естественно, шум воды, который производишь руками и ногами, заглушал все посторонние звуки; кроме того, у меня на голове был резиновый шлем, плотно закрывающий уши. Но тем не менее, если только это мне не показалось, я иногда действительно слышала что-то похожее на вой.

– К сожалению, я слабо знаю биологию моря, – вздохнул Миша, переворачиваясь со спины на бок. – Быть может, тут водятся какие-либо морские животные или рыбы... Я вот вспоминаю, что когда-то читал описание битвы на дне моря между спрутом и большим омаром. Путешественник наблюдал за этой картиной с борта лодки. Он описывал, как морские животные, вцепившись друг в друга, долго боролись, как спрут пытался задавить врага своими щупальцами с присосками, а омар, обладавший клювом хищной птицы, рвал тело спрута на куски. Но дело не в этом. Важно то, что наблюдатель слышал при этом пронзительный крик омара, что-то вроде свиста и рева. И этот звук был настолько громким, что, как выяснилось позже, на него обратили внимание даже рыбаки, находившиеся у берега, на расстоянии около километра от места схватки.

– Какая гадость! – возмутилась девушка. – Зачем вы это мне рассказываете? Пользуясь способностью определять характер людей, чем вы так хвастались в начале нашего знакомства, вы должны были бы угадать, что я ненавижу драку даже среди животных, хотя бы и морских. Но, может быть, вы просто решили меня напугать омаром и спрутом, чтобы впредь я не заплывала слишком далеко? Зря! Мне прекрасно известно, что у этих берегов подобных страшилищ не водится. Единственной опасностью для купальщиков, заплывающих далеко, являются только дельфины. Они, конечно, никогда не нападают на человека, но могут немного порезвиться – так сказать, поиграть – и при этом случайно зацепят пловца хвостом или своим телом.

– Простите, простите, – улыбаясь, начал Миша. – Я не собирался вас пугать, хотя могу честно признаться, что вашему «кролю» завидую. Меня просто интересует научное объяснение странных звуков, услышанных только что в воде. Что же касается моей способности определять сущность человека по внешнему виду, то это оружие я покорно складываю у ваших ног. Кстати... вон идет вдоль берега, направляясь к нам, какой-то человек. Давайте определим вместе: кто он такой, какая у него профессия, для чего он тут ходит в одиночестве и о чем думает.

Мишу мало интересовал случайный прохожий, но юноша решил, что необходимо немедленно переменить разговор. Действительно: над ними празднично сияет замечательное южное солнце, рядом тихо плещется теплое, ласковое море, зеленовато-голубоватое вблизи и темно-синее вдаль, – и вдруг эти разговоры об отвратительном звуке, услышанном в воде, и о драке между спрутом и омаром...

Вдали, почти возле кромки воды, шел человек с палкой в руке. В его движениях чувствовалась какая-то скованность. Он часто останавливался, словно к чему-то прислушиваясь, и принимался шевелить палкой рядом лежащие камешки. Затем снова шел своей настороженной походкой, почти не сгибая колен и немного подняв голову вверх.

– Быть может, он плохо видит? – предположила Люда.

– Что делать слепому на берегу моря без провожатого!.. Обратите внимание: снова остановился и смотрит на море, именно смотрит!

– А мне кажется, что он все-таки плохо видит, – произнесла Люда приподнимаясь.

Вскоре одиноко бредущий вдоль берега прохожий приблизился настолько, что его

можно было рассмотреть. Это был человек лет тридцати пяти, с бледным лицом, одетый в светлосерый опрятный костюм. Глаза прохожего были почти неподвижны: все время устремлены в одну точку.

– Обратите внимание на его лицо... – почти шепотом проговорила Люда. – Какое выразительное! Такое не всегда встретишь у слепых.

– Что же, по-вашему, оно выражает? – так же тихо спросил Миша.

Люда ответила не сразу. Она еще некоторое время смотрела на незнакомца, остановившегося невдалеке и повернувшего свое лицо к морю. Только после того, как человек снова зашевелил своей палкой, собираясь тронуться дальше, Люда прошептала:

– Лицо выражает мужество, непреклонную волю к победе... Человек, видно, много испытал в своей жизни, но это не сломило его. Он не только слепой или плохо видит, но и больной... Однако это человек сильный духом – вот мое мнение...

– Не слишком ли: «воля к победе», «сильный духом»? – иронически заметил Миша, осторожно, чтобы не шуметь, поднимаясь на колени.

– А вы что думаете?

– По-моему... – начал Миша сбивчиво. – По-моему, до своего несчастья, до потери зрения, он был энергичным и даже, возможно, обладал частью качеств, которые вы ему приписали. Но сейчас – это только отражение прошлого. Теперь он, конечно, инвалид, получает, вероятно, пенсию и живет себе спокойно у моря.

Люда собралась возразить, но прохожий был уже в нескольких шагах и мог услышать даже тихий шепот: ведь всем известно, как обостряется слух у слепых.

– Простите, товарищ, – обратился Миша к подошедшему, – быть может, вам трудно самому выйти на дорогу? Может быть, вас нужно проводить?

– Благодарю вас, – ответил незнакомец мягким, грудным баритоном. – К сожалению, я должен отказаться от вашей помощи. Дорога мне не нужна: я просто прогуливаюсь вдоль берега.

– Может быть, посидите с нами? – предложила Люда.

Незнакомец повернул голову в сторону Люды. На его лице появилось выражение, свидетельствующее о каком-то усилии. Можно было подумать, что он напрягает зрение, чтобы получше рассмотреть людей, встретившихся на его пути.

– Ну что ж... Воспользуюсь вашим предложением и, пожалуй, присяду на несколько минут.

Миша быстро вскочил, чтобы помочь подошедшему опуститься на гальку.

– Спасибо. Я сам, – запротестовал незнакомец. – Вы, вероятно, обратили внимание, что зрение у меня не совсем в порядке. Однако нельзя сказать, что я совсем уж слепой, – продолжал он, садясь и бережно укладывая рядом свою палку. – Вижу! Не слишком отчетливо, но – вижу! Для вас сейчас яркий день, светит солнце, море переливается красками, а для меня все это только лунный пейзаж. Море – серая масса. На ней я вижу светлую дорожку, наподобие той, что вы видите в лунную ночь. Люди – это почти силуэты. Правда, усилием воли, как говорится, я иногда вижу и более отчетливо, но, признаться, напрягаю зрение редко, только при крайней необходимости: очень утомительное дело...

– А нас вы рассмотрели? – спросила Люда, чтобы прервать наступившее неловкое молчание.

– Да, рассмотрел, – ответил незнакомец, чуть кивнув головой. – Вы в купальных костюмах. Рядом с вами чемоданы. По-видимому, вы приезжие...

Снова наступило молчание. Миша считал, что поддерживать разговор об испорченном зрении не совсем удобно. Очень многие люди, охотно рассказывающие о своей болезни, не терпят, когда им об этом начинают напоминать посторонние. То же самое решила и Люда.

– Большое счастье – иметь настоящее зрение, – задумчиво продолжал незнакомец. – Человек должен видеть далеко. Все видеть. Всюду! В любых условиях!

– Вы, вероятно, думаете только о том, чтобы вылечить? – осторожно произнес Миша.

– Я?... – спросил незнакомец с таким искренним удивлением, словно ему задали

совершенно нелепый вопрос. – Я? – продолжал он, поворачивая голову в сторону Миши. – Да откуда вы это взяли?

– Вы же только что говорили, что каждый человек должен видеть далеко, всюду и, кажется... в любых условиях, – встала Люда.

– Конечно!

– Так почему же вы удивляетесь?

– Да как-то странно это звучит: «Думаете только о том, чтобы вылечиться». Меня удивляет слово «только». Конечно, я лечусь, но, кроме этого, думаю и забочусь еще о многом. Кстати – и о зрении других.

– Вы врач! – воскликнул Миша. – Вы, вероятно, ищете какое-нибудь новое радикальное средство против слепоты?

– Извините – ничего не смыслю в медицине.

– Значит, вы не врач? – растерянно спросил Миша.

– Нет, – загадочно улыбаясь, подтвердил незнакомец, как бы намекая на то, что разговаривать о своей настоящей профессии он не слишком расположен.

Снова наступило неопределенное молчание. Судя по нетерпеливым движениям, с которыми собеседник принялся нащупывать свою палку, Миша и Люда поняли, что он собирается уходить.

– Всего несколько минут назад, – начал Миша, – я наблюдал очень забавное явление. Можете ли поверить, что в воде было слышно совершенно отчетливо какое-то странное завывание? Какие-то жалобные звуки... Только нырнул – сразу же услышал. Как вы думаете, что это может быть?

– Право, не знаю... – растерянно ответил незнакомец, и при этом его лицо сразу же приняло озабоченное выражение. – Каких только звуков не существует в природе!

– Посидели бы еще с нами, – попросила Люда.

– Нет, нет, благодарю... К сожалению, должен торопиться. Время, предназначенное для моей послеобеденной прогулки, кончилось. Не могу задерживаться ни одной минуты.

Незнакомец говорил быстро. Озабоченность, граничащая с тревогой, чувствовалась во всех его движениях.

– Счастливого оставаться. Желаю вам отдохнуть как следует, – проговорил он также скороговоркой, слегка кивнув головой. Затем, повернувшись, торопливо зашагал в том направлении, откуда пришел.

– Очень странный человек! – заметил Миша, когда незнакомец уже находился сравнительно далеко.

– Да... пожалуй... – протянула Люда.

– Знаете что? – продолжал Миша, провожая пристальным взглядом удаляющуюся фигуру. – Ручаюсь чем хотите, что его обеспокоило мое сообщение о звуке, услышанном под водой. Вы заметили это? Заметили, как он сразу после моего рассказа заторопился уходить?

– Да, заметила, – тихо проговорила Люда, переворачиваясь на спину и закрывая глаза. – И все же он мне нравится. Очень нравится... – закончила она уже совсем тихо.

– У вас, наверное, такой же странный характер, как и у этого товарища... потому он вам и нравится, – пробормотал Миша, внимательно приглядываясь к девушке. Он неожиданно поймал себя на мысли, что слова Люды почему-то задели его.

Люда открыла глаза и внимательно, немного удивленно посмотрела на своего собеседника.

– Вы сердитесь? – спросила она приподнимаясь.

– Нисколько! Это вам показалось. Станным людям всегда могут казаться странные вещи! – шутливо ответил Миша, вскакивая на ноги.

– Нет, он все-таки очень интересный человек. Жаль, что нам не удалось с ним поближе познакомиться, – с упрямством проговорила Люда, принимаясь торопливо натягивать платье.

Научно-исследовательский институт морской электроакустической техники произвел на Мишу большое впечатление. Он был размещен в огромном здании со множеством больших и светлых комнат. Почти всюду были разостланы мягкие ковры, и человек, идущий по ним, всегда передвигался настолько бесшумно, что казалось, будто он совсем не соприкасается с полом. Тишина была обязательным условием для этого научного учреждения, занимающегося исследованием звука.

Лаборатория, в которой Мише предстояло проходить практику, носила короткое и ничего не поясняющее наименование: «Л-3». Конечно, легко было догадаться, что буква «Л» обозначала «Лаборатория», что же касается цифры «3», то тут было трудно что-либо предположить: в институте имелось пять лабораторий, каждая из которых делилась на пять-шесть отделений.

Лаборатория номер три – Л-3 – занимала на третьем этаже девять смежных комнат.

В одной из них, с двумя распахнутыми настежь окнами, из которых было видно море и верхушки деревьев парка, за длинным лабораторным столом уже с утра работал Миша.

Руководитель отделения, человек средних лет, с зачесанными назад чуть поседевшими волосами, инженер Владимир Иванович Говорков встретил Мишу необычайно тепло. Он долго жал ему руку, словно видел юношу не впервые, а знаком был с ним уже очень давно и теперь встретил его после долгой разлуки.

– Главное, не стесняйтесь и усвойте с первой же минуты вашего пребывания здесь, что вы у себя дома. У нас дружный коллектив, вас будут окружать замечательные товарищи... – говорил он, все еще не выпуская руки Миши.

Однако на вопрос практиканта, чем в целом занимается лаборатория, какую решает задачу, Владимир Иванович ответил как-то неопределенно. Миша понял, что поторопился: он знал, что существует много секретных работ, о конечной цели которых иногда не положено знать многим, что бессовестная кража изобретений иностранными проходимцами от науки и техники вынуждает некоторые научно-исследовательские институты прибегать к подобной осторожности.

– В этом отделении мы разрабатываем чувствительный гидрофон особой конструкции, позволяющий принимать звук в воде только из одной точки: гидрофон направленного действия, попросту говоря, – пояснил инженер Говорков, ладонью левой руки очерчивая в воздухе широкий полукруг. – Гидрофон будет служить частью аппаратуры, с которой познакомитесь позже. Разрешите вас представить Евгению Васильевичу Дубину, нашему замечательному механику, у которого, как вы вскоре убедитесь сами, золотые руки. На первых порах вам придется вместе с ним заниматься сборкой и монтажом опытных образцов гидрофонов, – закончил он, подводя Мишу к очень серьезному, сосредоточенному юноше лет двадцати, одетому в синий комбинезон со множеством карманов и застежек «молния».

– Женя... – тихо выдавил Дубин здороваясь.

Вскоре Миша убедился, что его товарищ по работе механик Дубин – в общем очень милый и приятный человек, действительно владеющий искусством механика в высокой степени совершенства – обладает одной своеобразной чертой характера: по любому, даже пустяковому делу он всегда говорит с такой многозначительностью, что самые обыкновенные слова принимают таинственное и даже зловещее значение.

Первый день практики проходил для Миши незаметно и быстро. По-видимому, этому способствовала интересная работа.

В середине дня рассылная занесла в комнату маленький ящик, доверху наполненный прозрачными пластинками и кубиками, попросила расписаться на какой-то бумажке и ушла. Вместе с ней вышел из комнаты и Владимир Иванович.

– Пьезоэлементы, – прошептал Женя, кивком головы обращая внимание Миши на ящик. Так как практикант молчал, то Женя решил развить свою мысль по поводу пьезоэлементов более подробно. – У нас, в нижнем этаже, – начал он, пристально глядя на

Мишу, – имеется цех, где выращиваются кристаллы сегнетовой соли, из которых делаются эти самые пьезоэлементы. Очень забавно... Стоят большие банки с раствором сегнетовой соли, а в них, по мере того как испаряется вода, растут кристаллы. Вот такие иногда вырастают... – Женя растопырил пальцы, указывая размер, и сделал паузу, словно, сообщив своему собеседнику превеликую тайну, ждал, как тот будет на нее реагировать. – Кристаллы пилят на пластинки. Затем поверхность пластинок покрывают электропроводным слоем... и получается пьезоэлемент. А иногда пьезоэлементы делаются не из сегнетовой соли, а из кварца. Вы знаете, как они работают?

Мише хорошо было известно, что такое пьезоэлемент и как он действует, но он попросил механика объяснить: Мишу забавлял многозначительный тон Жени.

– Вот смотрите... – продолжал Женя, вынимая из ящика одну из пластинок. – Вы видите, что с двух сторон поверхности у нее словно серебром покрыты. Это электропроводный слой. Теперь что получается? Присоединяете вы к этим серебристым поверхностям провода с электрическим напряжением – сразу пластинка немного удлиняется. Незаметно на глаз, конечно! На очень маленькую величину! А если подключить переменное напряжение, что будет? А получится то, что пластинка попеременно начнет удлиняться и укорачиваться. Вибрировать! – Глаза молодого механика засветились огнем воодушевления – видно, ему нравилась роль просветителя, и только голос продолжал оставаться приглушенным, каким обычно полагается раскрывать величайшие тайны. – Вибрировать! Колебаться! – продолжал он, быстрым движением пальцев поясняя, как должна вибрировать пластинка. – Это свойство некоторых кристаллов расширяться и сужаться под влиянием электрического напряжения и называется пьезоэффектом... Теперь посмотрим, где это можно применить на практике. Можно сделать излучатель звука. Если такую вибрирующую пластинку из сегнетовой соли прижать, например, к мембране, то она тоже начнет колебаться вместе с пластинкой и излучать звук в воздух или в воду. Самый высокий, даже уже не слышимый человеческим ухом звук – ультразвук – может вырабатывать излучатель, построенный на принципе пьезоэффекта!

– Очень интересно, – вставил Миша.

– Это еще не все, – продолжал механик, чуть-чуть улыбнувшись, что, вероятно, говорило о большом удовлетворении, которое он получил от оценки, данной его рассказу. – А как устроены гидрофоны – приемники звука в воде? Гидрофоны разные, конечно, бывают, но наиболее чувствительны те, которые работают на принципе пьезоэффекта. Тут уже играет роль закон обратимости... Пьезоэлемент, если к нему подводить электрическое напряжение, сжимается или расширяется. А если его самого сжимать и расширять, то на его проводящих поверхностях появится электрическое напряжение. Представьте себе мембрану. Она, конечно, как и всякая мембрана – круглая пластинка из упругого материала: железа, дюралюминия или слюды, – всегда колеблется, незаметно на глаз, от звука – волнообразных колебаний в воздухе или в воде. Значит, если к мембране прочно прикрепить пьезоэлемент, то колебания мембраны передадутся пьезоэлементу. А последний под влиянием этих самых колебаний начнет чуть-чуть сжиматься и расширяться. На поверхности кристалла образуется благодаря этому переменное электрическое напряжение. Таким образом, все это устройство будет принимать звук и превращать его в электрические колебания, что и полагается делать любому гидрофону. Вам ясно?

– Совершенно ясно. Спасибо, – ответил Миша, прилагая все усилия, чтобы не улыбнуться.

– А теперь я вам расскажу, как у нас решается задача направленности в приеме звука: это значит, чтобы гидрофон принимал хорошо только звук, поступающий из определенной точки. Вот слушайте...

Однако объяснить студенту принципы аппаратуры для направленного приема звука механику так и не удалось. Его лицо неожиданно стало еще более сосредоточенным и даже испуганным.

– А лак-то, – наверно, уже просох... – проговорил он глухо. – Значит, мы с вами можем

наматывать катушку дальше! А мы сидим и болтаем... Давайте-ка примемся за работу.

В комнату вошел Владимир Иванович. Он попросил студента подсесть к письменному столу:

– Можете ли вы рассчитать напряжение на обкладках пьезоэлемента вот этой конфигурации? Посмотрите чертеж. Задача довольно трудная. Без трех-четырех интегральных и дифференциальных выкладок тут не обойтись. Учтите также особенность пьезоэлемента этого вида. Он несколько необычен.

– Могу, – тихо ответил Миша и невольно посмотрел в сторону, где сидел Женя.

Ведь сейчас молодой механик поймет, что Миша притворялся, будто бы не знает, что такое пьезоэлемент. Но Миша еще не до конца знал натуру нового товарища по работе. Женя принадлежал к числу тех немногочисленных людей, которые, сосредоточившись на чем-нибудь одном, теряют на время способность слышать и видеть все, что не имеет непосредственного отношения к работе, которой они заняты.

Во время разговора Миши с инженером механик как раз укладывал в узкий прорез катушки витки тончайшей проволоки, диаметром всего в пять сотых миллиметра. Эта работа требовала крайней осторожности, чтобы не оборвать проволоку и распределить ее ровным слоем. И он не обратил внимания, вернее – не услышал того, что говорилось рядом.

После обеденного перерыва Владимир Иванович напомнил, что, по плану сегодняшнего дня, необходимо произвести маленькое испытание в море. Захватив с собой гидрофрон какой-то сложной конструкции, чемодан с портативным усилителем, измерительные приборы, телефонные наушники, Женя и Миша вышли из здания и направились к морю по широкой аллее парка. Владимир Иванович обещал подойти через несколько минут, так как ему необходимо было о чем-то договориться с диспетчером института.

– Вы плаваете? – строго спросил механик, когда они уже подходили к пристани, таким тоном, словно предупреждал: «Смотрите! Плохо вам будет, если не умеете плавать. Сегодняшний выход в море – вещь опасная; может кончиться скверно...»

– А вы? – ответил Миша вопросом.

– Очень неважно. Не более десяти метров без отдыха, – пробормотал Женя смущенно.

– Я люблю нырять, – заметил Миша.

Когда уселись в моторную шлюпку и принялись ждать Владимира Ивановича, на механика снова напал зуд популяризаторства.

– Мы будем измерять направленность гидрофона, – начал он покровительственно и немного таинственно. – А что это значит? Это значит, что будет проверяться, насколько хорошо гидрофон принимает звук в воде с одной стороны, и насколько он, как говорится, отстраивается от звука, идущего с другой стороны.

Предположим, плывет корабль. Излучатель посылает в воду звуковой сигнал. Если звуку по пути встретится подводная скала или льдина, то звук, конечно, от нее отразится и вернется обратно к кораблю. А откуда он вернулся? С какой стороны? Где находится подводная скала или льдина? Впереди корабля, сбоку или сзади? Надо же определить! Опасно ли, так сказать, следовать по курсу и нужно ли его изменить, чтобы не произошло столкновения? Вот для этого и применяются гидрофоны направленного действия. Их устанавливают под ватерлинией корабля сразу несколько штук. Из них один принимает отраженный звук только с одного направления, другой – с другого, третий – с третьего. А бывает гидрофон такой конструкции, что один справляется с этой задачей, – на специальном приборе, вроде как на компасе, стрелка сразу укажет, откуда пришел отраженный звук.

Миша не утерпел и улыбнулся. Объяснения молодого механика ему определенно нравились, и не хотелось показать собеседнику, что со всем этим он прекрасно знаком. Рассказывать студенту покровительственно, но с искренним желанием просветить его, ввести в курс дела, видно, доставляло Жене большое удовольствие.

К пристани подошли Владимир Иванович и моторист. Вскоре, подпрыгивая на волнах, шлюпка помчалась в открытое море, в том направлении, где почти у самого горизонта

виднелись три паруса рыбацких лодок.

Мельчайшие брызги соленой воды, весело сверкающей на солнце всеми цветами радуги, приятно освежали лицо Миши. Широкий водный простор и бурлящая у кормы светло-зеленая вода создавали чудесное настроение.

«Вода, как и время, отбрасывается назад, а мы стремительно несемся вперед, чтобы творить, созидать, строить прекрасную жизнь. И я тоже – участник этой творческой работы!» промелькнула в голове Миши гордая мысль.

– Как, Владимир Иванович, сегодня прикончим? – послышался громкий голос Жени. – Завозились мы с этим номером гидрофона. Просто обидно.

– Да, хотелось бы сегодня «прикончить», как вы выразились, – также громко, чтобы его голос могли слышать сквозь шум воды и мотора, ответил Говорков. – Времени у нас осталось в обрез: послезавтра надо сдавать гидрофон начальнику лаборатории. Нехорошо, если не поспеем к установленному сроку.

Когда наконец берег был совсем далеко и здание института уменьшилось настолько, что казалось совсем игрушечным, Владимир Иванович распорядился выключить мотор. Шлюпка проплыла еще некоторое время по инерции, бесшумно разрезая голубовато-зеленую воду, и наконец остановилась, тихо покачиваясь на волнах.

Женя принялся было привинчивать гидрофон к специальному металлическому штурвалу, но Миша решил взять эту несложную обязанность на себя, чтобы механик смог заняться включением усилителя и измерительных приборов.

Через несколько минут подготовка к опыту была закончена: гидрофон на штурвале опущен в воду, штурвал укреплен к борту шлюпки, приборы расставлены на сиденьях. По предложению Владимира Ивановича, Миша, так же как и Женя, надел на голову телефонные наушники.

Вначале Миша слышал только слабый шум радиоламп. Но затем, по мере того как Владимир Иванович вращал черную пластмассовую ручку, регулируя таким образом чувствительность усилителя, в наушниках начали появляться другие звуки – звуки, порожденные морем. Это был неясный гул, рокочущий, с переливами на разных тонах. Гул этот создавали волны, вечно перекатывающиеся по поверхности моря, даже в самую тихую погоду. Время от времени громкие удары, в которых явно слышался всплеск воды, заглушали равномерный гул.

– Эх, вот досада... – вдруг громко сказал Женя. – Опять плещется!

– На какую глубину вы опустили гидрофон? – нахмурясь, спросил Владимир Иванович.

– Три метра, – ответил механик.

Инженер начал пристально всматриваться в измерительный прибор. На нем судорожно прыгала стрелка, отзываясь на каждый удар, раздававшийся в наушниках.

– Помехи хоть и меньше тех, что были в прошлый раз, но все же большие, – проговорил он, не отводя глаз от стрелки. – Товарищ Савин, – инженер обратился к Мише, – резкие удары, которые вы слышите в наушниках, – это всплески воды о борт нашей шлюпки. Понимаете? Помехи!

– Вот беда!.. – тяжело вздохнул Женя. – Я, признаться, думал, что после нашего последнего реконструирования их не будет вовсе.

– Совсем пропасть помехи не могут, – продолжал Владимир Иванович, обращаясь главным образом к Мише. – В обычных условиях гидроакустической техники такие помехи считались бы совсем незначительными, если принять во внимание большую чувствительность испытываемого гидрофона. Но наш гидрофон предназначен для особого прибора, и потому требования более жесткие.

– Понимаю, – ответил Миша. – Направленность гидрофона не настолько большая, чтобы он не воспринимал помехи.

– Правильно! – с гордостью проговорил Женя. Возможно, ему показалось что в осведомленности студента имеется и его заслуга.

– Давайте направим гидрофон вон в ту сторону, где виднеется моторная лодка, –

предложил Миша. – Интересно – услышим ли шум ее винта?

– Давайте попробуем, – согласился инженер. Женя принялся осторожно поворачивать штурвал.

Вскоре в телефонных наушниках послышался бурлящий шум. Это через водную толщу, с расстояния многих километров, гидрофона достиг звук работающего винта. Стоило Жене лишь немного изменить положение штурвала, повернуть гидрофон, находящийся под водой, чуть в сторону, как звук исчезал.

– Замечательная направленность! – восторженно проговорил Миша.

– Да, направленность хорошая, – согласился Владимир Иванович, снимая с головы наушники. – В обычных условиях, повторяю, ничего лучшего и желать не следует. Но для нас эта направленность мала. Условия, поставленные начальником лаборатории, более жесткие, чем обычные. – И, глубоко вздохнув, инженер принялся записывать в блокнот результаты наблюдений.

– Что бы еще такое можно сделать? – пробурчал Женя, также снимая с головы наушники. – Еще бы два отражательных зеркала поставить... А? Владимир Иванович! – продолжал он, стиснув зубы.

Вдруг Миша насторожился. В телефонных наушниках он услышал очень слабый, почти еле различимый, тот самый странный звук, который ему пришлось услышать вчера во время купанья. Студент вопросительно посмотрел на Владимира Ивановича, затем на Женю, собираясь задать вопрос. Но инженер был углублен в вычисления, которые он производил в блокноте, а механик возился с каким-то прибором. Мише показалось неудобным их сейчас беспокоить. Он молча протянул руку к штурвалу и принялся его осторожно вращать. Почти сразу же звук резко усилился. Практикант оторвал взгляд от лимба с делениями и перевел его в море, в том направлении, откуда, согласно указаниям прибора, поступало звучание. Он увидел вдали белый катер, несущийся полным ходом к берегу: тот самый катер, на который вчера во время купанья обратила внимание Люда. Сомнений не было: звук порождал катер.

– Вот что, товарищи! – громко начал инженер, нервно стуча карандашом по блокноту. – Прошу слушать внимательно.

Мише пришлось снять наушники.

– Положение наше скверное, – проговорил инженер. – Сегодняшнее испытание говорит ясно, что остается еще два пути для уменьшения помех в гидрофоне. Первый из них, и наиболее действенный, это монтаж нового гидрофона с увеличенными рефлекторами. Второй – переконструирование уже существующего гидрофона. К сожалению, первый путь в настоящее время практически недоступен: в нашем распоряжении только два дня, и, конечно, за этот срок сделать новый гидрофон не удастся при всем желании. Остается второй путь – переделка старого гидрофона. Тоже, должен сказать, задача нелегкая, учитывая малое количество времени!

Завтра нам придется напрячь все силы, чтобы хоть с этим справиться. – Инженер закончил и внимательно оглядел своих слушателей.

– Быть может, следует попросить у дирекции института еще людей для помощи? – робко предложил Миша.

Инженер нахмурился.

– Вы не в курсе всех дел не только института, но даже нашей лаборатории Л-3, – проговорил он, вынимая из портсигара папиросу и закуривая ее. – Сейчас конец квартала. Большинство лабораторий подытоживает свои работы. У всех спешка. Получить нам еще людей – это значит оторвать их у других лабораторий, занятых своей работой, тоже срочной и ответственной. Прийти к начальнику лаборатории с подобной просьбой – признаться в том, что мы работали плохо!..

Владимир Иванович выбросил в воду недокуренную папиросу, углубился в размышления, а затем тотчас же полез в карман за портсигаром.

– Сделаем, Владимир Иванович... Сделаем все как полагается... – говорил Женя. – Можно свертывать установку?

– Да... Тронемся к берегу, – ответил инженер, пряча портсигар в карман.

Во время обратного пути Мише все время не терпелось спросить о звуке, снова услышанном с помощью гидрофона, и о белом катере, безусловно служившем причиной возникновения этого странного звука. Но в ушах Миши еще звучали слова инженера: «Вы не в курсе всех дел не только института, но даже нашей лаборатории...» Что, если инженер на вопрос Миши ответит: «Излишнее любопытство не характеризует вас с хорошей стороны, молодой человек... Вы работаете в секретной лаборатории. Узнаете в свое время...»

Инженер сразу после испытаний пошел на производственное совещание, и в лабораторию Миша возвратился только с Женей. Миша заметил, что молодой механик преобразился. Его походка и движения стали твердыми. Расхаживая по комнате, он бросал на лабораторные столы, заставленные измерительными приборами и инструментами, такие решительные взгляды, что напоминал полководца, собирающегося отдать приказ о наступлении.

– Так... – бормотал он. – Две заготовки имеются – третью займем у соседей... Не забыть бы также позаимствовать алюминиевую панель. Да! Сверла!.. Хорошо, что вспомнил про сверла!

Потом он подошел к маленькому токарному станку, стоявшему в углу комнаты, и зачем-то погладил рукой его лакированную поверхность, устремив при этом свой взгляд в окно.

– Товарищ Савин! – проговорил он глухо, поворачиваясь к Мише. – Есть серьезный разговор... Вот какое дело... – Он приблизился к Мише, словно собирался сообщить ему зловещую тайну. – Сегодня вечером... – механик подозрительно посмотрел на закрытую дверь. – Сегодня вечером, а может быть, и ночью...

Если бы Миша не был знаком с повадками этого юноши, то обязательно подумал бы, что ночью намечается убийство, поджог института, страшный взрыв или что-то в этом роде. Но Миша уже давно сообразил, в чем дело.

– Остаемся работать, – спокойно добавил он.

– Правильно, – с угрюмой решительностью промолвил Женя. – И будем работать до победного конца... – добавил он после некоторой паузы.

– А как же Владимир Иванович? Если он не сможет остаться с нами?

– А он нам и не нужен, – тихо ответил механик. – Чертежи и расчеты уже имеются: они лежат в правом ящике письменного стола. – Женя покосился при этом на письменный стол, словно там лежала мина замедленного действия. – Владимир Иванович – замечательный инженер, но руками он плохо умеет работать, только мешать будет. Вот вы – другое дело. Я уже заметил, как вы орудуете инструментами: ничего, кроме одобрения, выразить не могу. Значит, на часик вы свободны. Я тут должен сбегать в разные места и все организовать.

Миша взглянул на часы. Подходило время, в которое он условился с Людой встретиться после работы. Видно, оттого, что юноша выезжал в море с непокрытой головой, подражая местным старожилам, у него с непривычки начала болеть голова. Очень хотелось пойти в гостиницу и полежать. Но Миша пересилил себя. Неудобно было подвести девушку.

Он вышел в парк и направился по главной аллее. На скамейке, под огромным платаном, сидела Люда и читала книгу.

– Кроме всего прочего, вы еще отличаетесь неточностью, – проговорила девушка здороваясь.

– А вы – излишней язвительностью! – ответил Миша как можно более шутливым тоном: с момента разговора на пляже они оба только и делали, что говорили друг другу колкости.

Начались взаимные расспросы. Люда рассказала, что в своем отделении ей приходится помогать в сборке и монтаже установки с катодной трубкой большого размера.

– Что-то вроде телевизора с экраном в полметра шириной, – заявила она. И тут же добавила: – Непонятно, зачем нашей лаборатории, занимающейся звуком и ультразвуком, понадобилась установка, имеющая прямое отношение к передаче изображений...

Миша с восторгом говорил о своем отделении и о своих новых друзьях. Ему удалось красочно нарисовать образ Жени, и Люда долго смеялась.

В довершение, Миша с очень важным видом сообщил, что сегодня вечером, а может быть, даже и ночью ему предстоит работать с Женей, чтобы не сорвались сроки окончания какого-то ответственного дела. При этом он как бы мельком упомянул, что у него от непривычки к солнцу разболелась голова и потому работать ему будет трудно.

– Намеряете на героизм? – спросила Люда улыбаясь.

– Ну и что ж такого! Может, и героизм своего рода, – ответил Миша, для пущего впечатления потирая ладонью свой лоб. – Работать вечером и ночью я не обязан – никто меня не заставляет, а все-таки иду, как видите, несмотря на то что болен. Или вы думаете, что мне следует отказаться, чтобы не разыгрывать героя?

– Нет, нет, – проговорила Люда, став серьезной. – Идите и работайте. И не вздумайте показываться мне на глаза, если уйдете, оставив механика одного. Слышите? Головная боль... Да об этом даже стыдно говорить в вашем возрасте... Да, я забыла вам сообщить! – вдруг встрепенулась Люда. – Я случайно видела сегодня странного человека, с которым мы познакомились на берегу. И знаете как? Из окна лаборатории. Гляжу: подходит к нашей институтской пристани белый катер – тот самый, которым я любовалась вчера, когда мы купались. И, представьте себе, с катера на берег сходит как будто бы знакомая фигура. Присмотрелась – он самый. Потом я наблюдала из окна, как он шел вместе со своими спутниками по этой вот аллее, где мы сидим.

– Хм... – протянул Миша, вспоминая про услышанный сегодня вновь, с помощью гидрофона, странный звук, распространяемый в воде, как ему удалось установить, с белого катера.

– Он, вероятно, работает в нашем институте, – мечтательно продолжала девушка. – Теперь я уверена, что нам с ним придется познакомиться поближе.

– Кому это «нам»? – как можно более безразличным голосом спросил Миша.

– «Нам»? Вам и мне! Ведь это же очень интересный человек!

– Да, конечно... – пробормотал Миша смущенно и начал внимательно рассматривать циферблат на своих ручных часах. – Собственно говоря... мне пора идти.

– Ну что же... Идите! – заторопила девушка. – И помните – никакой головной боли...

В лаборатории Миша застал Владимира Ивановича.

– Вы чего пришли? – спросил инженер. – Рабочий день ведь кончился.

– Мы тут условились с Женей немножко поработать вечером, – ответил Миша.

– Знаю, как «немножко», – улыбнулся инженер. – Повадки нашего дорогого Жени мне хорошо известны, – продолжал он, подходя к шкафу и доставая оттуда синий рабочий халат.

Вскоре явился и Женя, нагруженный разными деталями и запыхавшийся, по-видимому, от быстрого бега по лестнице.

– Вот... – прошептал он, сваливая на стол свой груз. – Обдирку корпуса произвели в механическом цехе вне очереди, при мне: объяснил мастеру, в чем дело А вот эту заготовку взял в Л-8, заимообразно...

– Зачем же нам нужна эта заготовка? – удивился инженер. – Ведь мы не будем делать новый вариант гидрофона. Не успеем при всем желании! Нам бы только справиться с переделкой старого!

– На всякий случай... – таинственно проговорил Женя. – Заготовка всегда пригодится...

* * *

Работа спорилась. Миша не мог не любоваться руками Жени, быстрыми и ловкими. Молодой механик необычайно рационально распределял все свои движения.

Например, когда его правая рука еще кончала заворачивать отверткой винт, левая уже тянулась за молотком. Проходя мимо стола, он быстро, между делом, перекладывал

инструменты, приводил их в соответствующий порядок, необходимый для последующей работы.

Инженер помогал чем мог. Но Миша заметил, что механик не особенно ему доверяет. Каждая гайка, завинченная инженером, обязательно проходила последующую проверку Жени.

У Миши не на шутку разболелась голова. Казалось, она собирается расколоться на части. Но юноша крепился и не подавал виду. Навык к механической работе у него появился давно, с детства. Еще совсем маленьким он с увлечением выпиливал из фанеры лобзиком разные безделушки, которые затем дарил матери и сестре. Позже он увлекался радиолюбительством, без конца строил радиоприемники, начиная от простых, детекторных, и кончая многоламповыми суперами. Все это помогло ему впоследствии очень быстро и хорошо освоить технику механической работы в мастерских и в институте.

Женя был доволен работой Миши и доверял практиканту все более сложные операции. Миша гордился этим обстоятельством, почему-то думая при этом о Люде: «Посмотрела бы, как я справляюсь с механической работой. Убедилась бы тогда, что я буду тем инженером, который может показать руками, как надо делать, а в случае необходимости – даже заменить механика, слесаря, сборщика...»

Владимир Иванович снял рабочий халат и в изнеможении опустился на стул возле своего письменного стола.

– Шли бы домой, Владимир Иванович! – посоветовал Женя.

– Нет, я уж подожду. Видно, вы всё закончите значительно раньше, чем я предполагал. Просто удивительно!

Действительно, работа подходила к концу, несмотря на то что до двенадцати часов – времени, условно считаемого полночью – оставалось еще сорок минут.

За несколько минут до двенадцати на столе Владимира Ивановича уже стоял переделанный гидрофон.

– Просто поразительно! Просто поразительно! – твердил инженер, внимательно осматривая гидрофон. – Золотые руки у вас, Женя.

– Ремесленное училище у нас было самое лучшее... – скромно «оправдывался» механик. – Преподавал такой Василий Кузьмич. Может быть, слышали? Он книжку потом написал... Так чем он нас брал? Примером и задушевностью! А мастер был замечательный! Всем ребятам хотелось стать такими, как он.

– И вы прекрасно владеете инструментом! – похвалил инженер Мишу.

– Радиолюбительство – замечательная школа, – ответил Миша. И тут же добавил: – Если бы у меня не болела голова, то я мог бы работать еще лучше.

– Так идите скорее домой! – забеспокоился Владимир Иванович. – Хотя нет... позвольте. Чтобы не заходить в аптеку, прошу вас на минутку ко мне. Я точно знаю, что дома найдутся таблетки.

В это время Миша почувствовал, что Женя тихонько толкает его в бок. Пришлось незаметно оглянуться. На лице молодого механика было написано ясно: «Не уходи. Останься. Есть дело».

– Спасибо, – пробормотал Миша, обращаясь к инженеру. – Собственно говоря, голова у меня уже прошла. Я еще немного задержусь в лаборатории, чтобы помочь Жене все убрать.

– Тогда и я останусь, – решил заведующий.

– Не стоит, Владимир Иванович! Вам, как заведующему, все равно не полагается заниматься уборкой. Мы – быстренько, – забеспокоился Женя.

– Ну, как хотите, – согласился Владимир Иванович. – Еще раз спасибо, товарищи. Выручили вы меня. Теперь без всякой спешки завтра с утра проведем испытание в море, и еще останется время для каких-нибудь доделок, если таковые понадобятся.

– Для чего вы просили меня задержаться? – спросил Миша механика, когда за инженером закрылась дверь.

– У вас действительно болит голова? – осведомился Женя с таким видом, словно

спрашивал: «Умираете вы или нет?»

– Болит.

– Ну, тогда никакого разговора быть не может, – нахмурился механик.

– А в чем дело?

– Дело в том, что я вот тут подговорил нескольких ребят... Ну, одним словом, положение-то какое? Хорошо, если этот гидрофон, переделанный из старого, будет работать как следует. А если направленность при проверке на опыте опять окажется недостаточной? Что тогда? Одним словом, повторяю, если поднатужиться как следует... а ребята у меня боевые – из того же ремесленного училища...

– Неужели вы хотите смонтировать еще новый гидрофон? – удивился Миша. – За ночь это вряд ли возможно!

– Вы правильно сказали – вряд ли. А я смотрю на это дело так: ничего невозможного в нашей сегодняшней действительности нет. Захочу я, например, стать инженером – стану! Захочу стать доктором наук – стану! А сейчас гидрофон смонтировать новый хочу... В чем дело? Чертежи есть. Все детали подготовлены, кое-что подыскал в соседних лабораториях.

– Все это мне начинает нравиться, – проговорил Миша искренне.

– Вот видите! – обрадовался механик. – Даже, предположим, этот только что переделанный гидрофон будет работать хорошо. А вдруг наш новый заработает еще лучше! Да только для того, чтобы лишний раз обрадовать Василия Ивановича, стоит ночь поработать! А ведь дело-то Василия Ивановича по серьезности проблемы – это же...

Дальше механик сбился и не договорил фразы, видно так и не подобрав звучного слова, в полной мере характеризующего значение проблемы.

– Кто такой Василий Иванович? – спросил Миша.

– Замечательнейший человек... – прошептал Женя. – Разве вы его не знаете? Начальник нашей лаборатории...

– К сожалению, я знаком только с заместителем начальника лаборатории, – ответил Миша и тут же добавил: – Решено! Остаюсь с вами.

– В таком случае, я поручу вам небольшую работенку – нельзя терять ни секунды, а сам сбегая за ребятами.

Минут через двадцать Женя вернулся в сопровождении двух юношей, одетых в такие же, как у него, комбинезоны, со множеством застёжек «молний».

– Знакомьтесь, – проговорил он, подталкивая вошедших, чтобы они скорее подошли к Мише: – Николай Николаев и Сергей Сорокопудов, мои товарищи по комсомолу и по ремесленному.

Не дожидаясь, пока кончатся взаимные рукопожатия, Женя вышел на середину комнаты, оглянулся вокруг, словно желая убедиться, что все на месте и в порядке, и вдруг громко провозгласил срывающимся голосом:

– Хлопцы!.. Покажем класс работы во славу нашего ремесленного училища! Тряхнем так, чтобы жарко было!

Покажем нашему новому товарищу, студенту и будущему инженеру, на что способны проворные руки!

А затем принялся очень ловко отбивать чечетку, взмахивая руками и приседая.

Мише никогда бы в голову не пришло, что этот, с виду необычайно серьезный и всегда сосредоточенный, парень способен так плясать.

– Это иногда с ним случается перед какой-нибудь срочной работой, – пояснил с улыбкой Мише один из комсомольцев. – Это у него называется «гимнастикой для разгона»...

* * *

Всем хорошо известны факты, когда во время Великой Отечественной войны огромные заводы, эвакуированные в глубокий тыл, монтировались и пускались в ход в течение одного-двух месяцев вместо полагающихся десяти-пятнадцати. Воля людей,

одухотворенных верой в победу, всегда делает чудеса.

Поэтому не было ничего особенного в том, что три молодых механика вместе с практикантом смонтировали самый сложный гидрофон новой конструкции всего за одну ночь, вместо того чтобы заниматься этим делом по крайней мере пять дней.

Присутствие студента-практиканта во время ночной работы оказалось очень кстати. Незадолго до окончания сборки гидрофона неожиданно выяснилось, что в чертежах имеются неясные места. Миша сменил трехгранный напильник на логарифмическую линейку и быстро помог устранить затруднения.

Было решено спрятать новый гидрофон в шкаф, незаметно взять его с собой в море и показать Владимиру Ивановичу только после испытания старого гидрофона, усовершенствованного вчера вечером.

Так и сделали.

Выяснилось, что старый гидрофон стал работать значительно лучше. Его направленность в приеме звука возросла. Помехи, в данном случае всплески волн о борт шлюпки, были слышны в телефонные наушники теперь уже не так громко, как раньше, а стрелка прибора, измеряющего силу звука, качалась значительно слабее. Инженер подсчитал, что теперь гидрофон почти удовлетворяет требованиям, поставленным начальником лаборатории: разница между заданными техническими условиями и полученными результатами была незначительная, и ею можно было пренебречь.

Инженер горячо поблагодарил механика и практиканта и предложил им собирать аппаратуру. Каково же было его удивление, когда Женья, оглянувшись по сторонам, словно желая убедиться, что в море нет посторонних свидетелей, неожиданно сказал:

– А как вы относитесь, Владимир Иванович, к тому, чтобы... на всякий случай, конечно... проверить еще один гидрофон? Может быть, он будет работать еще лучше!

– Какой гидрофон? – удивился инженер.

– А вот этот! – ответил механик и принялся разворачивать сверток, лежавший рядом с ним на сиденье шлюпки. – Только что собранный по новым чертежам.

– Ничего не понимаю... – пробормотал Владимир Иванович, принимая из рук Жени новенький прибор с начищенными латунными деталями. – Где вы взяли? Что это значит?

– Наука требует жертв, – сурово заявил механик, хитро подмигнув при этом. – Призвал на помощь двух дружков, работающих в механических мастерских восьмой лаборатории. Мы вместе учились в ремесленном. Товарищ Савин тоже принимал участие. Работать руками он умеет!.. Вот мы с ребятами говорили, что если бы он побывал в нашем ремесленном, то...

– Да не тяните! – не выдержал инженер. – Если вы хотите сказать, что новый гидрофон собран вами за одну ночь, то я все равно не поверю...

– Как ни странно, Владимир Иванович, но это действительно так, – вставил Миша.

Новый гидрофон немедленно прикрепили к штурвалу. Уже с самого начала проверки стало ясно, что работает он лучше предыдущего. Всплесков воды о борта шлюпки почти не было слышно в телефонных наушниках. Измерительные приборы показывали, что направленность действия значительно превышает заданную. Проверку вели очень долго. Инженер ставил все новые и новые опыты, стараясь как можно более тщательно исследовать свойства прибора. Только к концу рабочего дня он решил прекратить испытания и отдал распоряжение о возвращении на берег.

Несмотря на ночь, проведенную без сна, Мише не хотелось спать. Головная боль прошла к утру сама собой, без всяких лекарств, и Мишей овладело радостное возбуждение. Он – участник трудового подвига! Ведь налицо пример трудовой доблести! Люди сами, без чьей-либо просьбы, остались ночью, чтобы ускорить и улучшить научно-исследовательскую работу! Он был нездоров, самочувствие было отвратительное, а он не ушел домой спать, остался в лаборатории и работал изо всех сил. Разве это не героизм? Пусть маленькое, но все-таки героизм. И вот результат: гидрофон, построенный за ночь при его непосредственном участии, работает замечательно...

Все эти мысли назойливо преследовали Мишу. Поэтому, когда после работы он встретился в парке с Людой, то первым делом сказал:

– Вы не представляете, Люда, какое замечательное чувство я сейчас испытываю! Теперь я начинаю понимать по-настоящему, сколько радости может приносить человеку самоотверженный труд в нашей стране.

Люда посмотрела на своего товарища очень внимательно.

– Вид у вас немного болезненный. Лицо бледное, под глазами синяки, – заметила она тревожно, усаживаясь на скамейку.

– Все это ерунда. У меня всю ночь болела голова и я не спал ни одной минуты, но зато... – Миша гордо поднял голову. – А какие замечательные ребята! Сами! Понимаете, сами вызвались работать ночью. Да как работать! За ночь они сделали то, что следовало бы делать в течение трех-пяти дней!

И он с увлечением принялся рассказывать о Жене, его товарищах, о ночной работе и ее чудесных результатах.

* * *

Явившись наутро в лабораторию, практикант застал механика в озабоченном и растерянном состоянии. Он поздоровался с Мишей и тут же мрачно прошептал:

– О результатах вчерашних испытаний слышали? Опять сорвалось...

– Что сорвалось? – спросил Миша. Тревожный шепот механика подействовал на него угнетающе.

– И наши гидрофоны не помогли, – продолжал механик.

Мише было известно, что вчера вечером должно было состояться генеральное испытание технического объекта, над которым, в целом, работала вся лаборатория номер три. Поэтому Миша догадывался, о чем идет речь.

– Подвел наш гидрофон? – спросил он, усаживаясь за свой стол, чтобы продолжать расчет пьезоэлемента новой конструкции.

– Ну, это уж положим! – покачал головой Женья. – Наш гидрофон работал безупречно, то есть так, как и должен был работать. Дело не в нем. Там у них какая-то неувязка произошла. Какая точно – мне неизвестно. А все-таки обидно!

– Конечно, – согласился Миша.

– Трудно работать Василию Ивановичу... Ох, как трудно! Другой бы начальник лаборатории на его месте давно в гроб лег... – добавил Женья, произнося слово «гроб» особенно мрачно.

В комнату вошел Владимир Иванович. Его лицо также было крайне озабоченным. Поздоровавшись, он принялся молча расхаживать взад и вперед, изредка останавливаясь, чтобы хмурым взглядом посмотреть в окно, откуда была видна ярко-синяя полоска моря.

– Женья! – обратился он к механику, останавливаясь у его стола. – Через несколько минут к нам зайдет Василий Иванович. Я собираюсь доложить ему о самоотверженной работе над новым гидрофоном именно в вашем присутствии. Запишите мне фамилии и имена товарищей, принимавших участие в работе, чтобы я не напутал, когда буду составлять докладную записку. Понимаете?

У Миши радостно забило сердце. Он представил, как начальник лаборатории будет благодарить его и жать ему руку. Наверное, Владимир Иванович не забудет также упомянуть, что практикант остался работать ночью, несмотря на то что был нездоров... Но все повернулось совсем иначе.

– Владимир Иванович! – начал механик, приподнимаясь со своего стула и не выпуская из рук паяльника. – Вот я думаю... Стоит ли сейчас говорить об этом? Ну, как бы это объяснить? У товарища Буранова неприятности: испытания прошли плохо, его постигла неудача... а мы будем хвастаться нашими удачами и достижениями. Вроде как-то не время... Разговор, наверное, будет о дальнейшем плане работы – серьезном деле, а мы собираемся

отвлекать его внимание мелочами...

Инженер снова принялся ходить по комнате.

«А ведь механик прав! – вдруг пронеслось в голове у Миши. – Какой он замечательный парень!»

– Правильно говорит Женя! – немного волнуясь, заметил Миша.

Владимир Иванович остановился и попытался улыбнуться, но это у него вышло неестественно: видно, мешала озабоченность.

– Пусть будет по-вашему, – проговорил он, направляясь к дверям.

Неожиданно на пороге появился уже знакомый Мише человек, которого он видел на берегу моря.

– Здравствуйте, – тихо проговорил вошедший. – Давненько я у вас не был. Просто позабыл о вашем существовании. Вы уж простите меня, Владимир Иванович. К сожалению, у нас так получается, что если на каком-либо участке все обстоит благополучно, то и внимание к нему ослабевает.

– Это совершенно естественно, Василий Иванович! – ответил инженер.

Молодой сотрудник, сопровождавший Василия Ивановича, осторожно подвел его к столу.

– А вот и не совсем естественно, – возразил Василий Иванович, садясь на стул. – Оттого, что я у вас не был, вам приходилось делать лишнюю работу.

– Не понимаю, о какой лишней работе вы говорите? – забеспокоился инженер.

– Сейчас объясню... Дело, видите ли, опять в недостатке моего зрения – не иначе... Просматривая чертежи последнего варианта схемы, я, представьте себе, не доглядел и не учел одного обстоятельства. Новый вариант ведь позволял пользоваться гидрофоном с пониженной направленностью! Понимаете? А я требовал от вас, наоборот, повышенной!

– Но ведь повышенная направленность, насколько я понимаю, никогда не помешает? – заметил инженер.

– Совершенно верно, не помешает. Но ведь я задал вам лишнюю работу! Вы старались тут, ломали голову и, как мне кто-то сообщил, даже ночью работали!

– Я ночью не работал... – смущенно заметил инженер. – Это вас неправильно информировали. А вот механик Дубов, наш новый сотрудник – практикант Савин и два механика из лаборатории восемь – те действительно за одну ночь смонтировали последний вариант гидрофона. Кстати, я должен познакомить вас с товарищем Савиным: ему еще не приходилось вас видеть.

Миша встал и подошел к столу. Начальник лаборатории повернул голову в сторону Миши, приподнялся и протянул руку. Было заметно, как напрягается его лицо: он силился рассмотреть практиканта.

– Да ведь мы с вами уже виделись! – с искренней радостью проговорил он, пожимая руку юноше. – Помните? На берегу моря. Во время обеденного перерыва я часто гуляю по берегу моря. Эти прогулки позволяют сосредоточиться, собраться с мыслями. Рад вас видеть, очень рад... А я, признаться, подумал, что вы приехали сюда отдыхать.

– Нет, работать. И девушка, которая была вместе со мной, тоже приехала к вам на практику, – ответил Миша, вдруг вспомнив про Люту.

– Вы из одного института?

– Нет, из разных. Случайно встретились в автобусе и разговорились.

– Так вот, Владимир Иванович, – начальник лаборатории повернул голову к инженеру, – вы уж меня простите, но, как видите, получилась неувязка, в которой я целиком виноват. А теперь давайте поговорим о дальнейшей работе.

Сотрудник в синем халате развернул и положил на стол большой чертеж на плотной бумаге, стремившейся все время снова свернуться в трубку.

Миша возвратился к своему столу и оттуда стал с удивлением наблюдать, как начальник лаборатории, водя пальцем по чертежу, объяснял Владимиру Ивановичу сущность схемы. Иногда он сбивался и указывал не то место на чертеже, о котором говорил.

«Зачем все это нужно? – вдруг пронеслась в голове у Миши неожиданная мысль. – Почему лабораторией руководит почти слепой человек? Неужели нет здоровых инженеров, могущих заменить его? Ведь ему трудно работать, и это мешает делу. Ведь дело прежде всего! Пусть бы он лечился, а не занимался работой, которая требует от него такого напряжения и, конечно, не способствует выздоровлению...»

Вскоре Миша, словно нарочно, получил подтверждение своим мыслям.

– Отдохнуть бы вам пора, Василий Иванович, – услышал Миша слова инженера, обращенные к начальнику, когда разбор схемы был окончен. – Так же нельзя – без отдыха столько времени! Напряженная работа и лечиться вам не позволяет как следует.

– Ничего, ничего! Все в свое время... Знаете, Владимир Иванович, никакое лечение мне не поможет! Врач объяснил, что мне нужно полное спокойствие. А какое может быть спокойствие, когда с работой не ладится? Вот закончим разработку – тогда другое дело.

«Странный человек», решил Миша, когда начальник попрощавшись, ушел вместе с Владимиром Ивановичем.

– Да... Дела... – хмуро протянул Женя, отложив в сторону паяльник и повернувшись вместе со стулом к практиканту. – Жаль... Очень жаль...

Что впустую пришлось работать? – спросил Миша.

– Нет, что вы! – удивился он. – Без этого в экспериментальной работе не обойтись. Бывает, сделаешь что-нибудь, а потом оказывается, что это не нужно. Если бы все наперед было видно, то и опытов бы делать никаких не требовалось, прямо строй готовые аппараты. Я про другое говорю: жаль, что вчерашние опыты были неудачны. Ведь ожидалось, как говорится, победное окончание разработки. После этого Василий Иванович смог бы отдохнуть и подлечить свое зрение. Вы же видите, какой он...

– Конечно... – неопределенным тоном ответил Миша. – Скажите, Женя, – обратился он к механику, – если это не секрет и не нарушает здешних порядков: над чем все-таки работает наша лаборатория?

Механик покосился, как обычно, на дверь и ответил приглушенным голосом: – Над зрением...

– То есть, как над зрением? Над каким зрением?

Но Женя сделал еще более таинственное лицо, а затем хитро улыбнулся, словно отвечая: «Рано тебе интересоваться подробностями, всего четыре дня тут работаешь. Лаборатория секретная. Уж извини... Начальник отдела введет тебя в полный курс дела, когда найдет нужным».

* * *

Как и было условлено, Миша увиделся с Людой сразу же после работы у ворот института.

Девушка встретила Мишу необычайно радостно. Завидев его, она бросилась по песчаной дорожке навстречу с веселым возгласом:

– Наконец-то! Я ожидаю вас вот уже десять минут! Разве так можно?

Было решено совершить прогулку вдоль берега моря, к нагромождению скал, казавшихся издали покрытыми голубой дымкой.

– У меня оказалась интереснейшая работа, – заговорила Люда возбужденно. – Вы даже не представляете... На приборе, о котором я вам рассказывала, можно принимать изображение, словно на телевизоре. Это и есть телевизор, предназначенный для специальных целей... А вы чем недовольны? – вдруг спохватилась она, заметив угрюмое выражение лица своего собеседника.

– Да так, ничего... – ответил Миша. За ворота института вышли молча.

– Может быть, вы недовольны, что я оторвала вас от какого-нибудь срочного дела? Наверное, у вас намечалась опять какая-нибудь спешная работа?

– Нет, нет...

– В таком случае, – продолжала девушка, понизив голос, – вы, вероятно, не хотите меня видеть и делаете это просто потому, что условились.

– Что вы! – встрепенулся Миша. – Как вам это могло придти на ум? Я, знаете... – Миша смутился и принялся усиленно теревить в руках свою кепку. – Я ведь очень часто думаю... о вас.

– Ну и чудесно... – также смущенно пробормотала Люда. – Я тоже... Вот сегодня к нам приходил начальник лаборатории. Как только я на него посмотрела, так сразу вас вспомнила. Знаете, кто у нас начальник лаборатории? Человек, с которым мы встретились на берегу! Помните?

– Помню и знаю, что он наш начальник, – хмуро ответил Миша, натягивая кепку на голову.

– Я же говорила, что это интереснейший человек! – продолжала Люда. – Если бы вы знали, какой он милый! Как он разговаривает с сотрудниками! И как они все его любят...

– Знаю и это, – пробурчал Миша.

– А чем вы все-таки недовольны?

– Представьте себе, Люда... – начал Миша, снимая с головы только что надетую кепку и размахивая ею в воздухе, – представьте себе, что вы делаете какую-либо работу. Вам объясняют, что работа эта очень ответственная. Вы работаете, не щадя сил. Ночью работаете! Какое радостное чувство испытываете вы, когда удастся выполнить задание! А потом... вам говорят, что труд ваш и ваша самоотверженность оказались ненужными. Произошла ошибка. Эту работу не нужно было делать совсем... Приятно было бы вам?

– Нет. Неприятно, – ответила Люда настороженно.

– Вот такая история произошла и со мной. Сегодня утром выяснилось, что монтировать новый гидрофон было необязательно. Зря я сидел ночью в лаборатории. Зря старался, преодолевая адскую головную боль, – закончил Миша, делая ударение на слове «адская».

– Бедный, мне вас жаль! – с искренней отзывчивостью проговорила девушка.

– И знаете, кто в этом виноват? Ваш Василий Иванович! – с сердцем выговорил юноша.

Затем он принялся рассказывать подробности. Высказал свое мнение о том, что почти слепой инженер не имеет права руководить ответственной лабораторией. Это мешает делу. Отсюда получилась ошибка с гидрофоном. Отсюда, вероятно, вытекает и неудача со вчерашним испытанием, о котором Люда, конечно, уже слышала.

– Разве у нас не нашлось бы здоровых инженеров, которые могли бы заменить Василия Ивановича? В чем дело? Почему я обязан работать, преодолевая головную боль, ночью, работать как вол, изо всех сил, чтобы затем убедиться в никчемности этой работы по вине недостатка зрения у моего начальника?

– Стойте! – вдруг громко перебила его Люда. – Помогите мне разобраться... Почему это вы так настойчиво, вот уже который раз, все время подчеркиваете, что вам было трудно работать, что болела голова?... Вы действительно уверены, что совершили героический поступок? А теперь скажите: когда работает человек, почти теряющий зрение, ему ведь стоит больших усилий работать, и, конечно, его никто не заставляет... разве это не героизм! Почему вы думаете только о себе и своей головной боли? Почему вы не подумаете о Василии Ивановиче и хотя бы на минуту не сравните его положение с собственным?

– Так пусть бы он вылечился, а потом работал... – растерянно ответил Миша.

– Значит, по-вашему выходит, что вы не должны были по просьбе товарищей оставаться в лаборатории ночью, а лечь в постель и лечиться от головной боли?

– Моя головная боль никому не мешала.

Люда повернулась всем корпусом в противоположную сторону, показывая этим, что не намерена продолжать прогулку и собирается возвращаться обратно.

– Люда... – взволнованно пробормотал Миша. Ответа не последовало. Девушка медленно побрела назад.

– Люда! – продолжал Миша, нагоняя девушку. – Вы меня, вероятно, не поняли.

– Поняла, – последовал сухой ответ.

– Что вы поняли? Объясните!

– Я внимательно присматривалась к вам. Я не умею с первого взгляда определять человека, я не провидец, за которого, кстати, вы выдавали себя при нашем знакомстве.

– Я шутил.

– Согласна. Но это к делу не относится. Я увидела в вас много хорошего. Вы искренний, вы действительно самоотверженный. Вы способный – из вас выйдет неплохой инженер...

Оба медленно брели по узкой тропинке к белому институтскому зданию, окруженному зеленой полосой парка. Девушка шла впереди, подняв непокрытую голову, на которой теплый ветер шевелил волосы, черные и блестящие на солнце.

– Несмотря на то что вы часто говорили мне разные колкости, я чувствовала ваше дружеское отношение ко мне. Это было дорого для меня, так как мне казалось, что я встретила хорошего товарища и друга.

– Это все верно! Я отношусь к вам очень, очень хорошо! – подтвердил Миша, стараясь обогнать девушку и заглянуть ей в лицо.

– Подозрения, что для вас дороже всего на свете – это вы сами, появились у меня и раньше. А теперь я окончательно в этом убедилась...

– Я не понимаю...

– Не перебивайте, сейчас поймете. Такой пустяк, как работа ночью, с головной болью, вы считаете чуть ли не героическим поступком... Говорили мне о нем десятки раз и, вероятно, рассказывали бы десятки раз другим знакомым. А то, что полуслепой инженер руководит огромной лабораторией, вас совершенно не интересует. Почему? Что заставляет слепого инженера поступать так? Вы удосужились только обидеться на него за одну бесполезно потерянную ночь...

Девушка остановилась, осматриваясь, видно в поисках места, где можно было бы удобно присесть.

– Я дружила бы с вами... если бы вы не любили так сильно самого себя... – проговорила она, присаживаясь на камень.

Миша молча опустился рядом.

– Теперь слушайте внимательно, – продолжала Люда, обхватив колени руками. – Представьте себе морского офицера, здорового, цветущего и полного сил. Он – начальник гидроакустической службы на военном корабле. И вот во время войны корабль получает боевое задание: прорваться через мощную полосу вражеского минного заграждения, чтобы выйти в открытое море и там вступить в бой с неприятелем. Медленно идет корабль, лавируя между минами, плавающими под водой. Каждый неосторожный поворот, каждое неверное движение несет гибель судну и его экипажу... Понятно вам состояние начальника гидроакустической службы? Его приборы, посылающие в воду волны ультразвука и принимающие эти волны, отраженные от мин, работают на полную нагрузку. То и дело приходят сигналы от незаметных под водой мин...

Люда повернула голову к своему собеседнику, словно желая убедиться, слушает ли он ее достаточно внимательно.

– Я представляю состояние этого офицера. Капитан не видит мин и не знает, как вести корабль. Вся ответственность за целостность корабля лежит на звукометристах, – проговорил Миша, уже догадываясь, что речь идет о биографии начальника лаборатории.

– Не только капитан не видит, но и звукометристы тоже не видят! – продолжала Люда. – Они ведь только слышат! Их приборы отмечают невидимый отраженный звук от невидимых мин. И вот корабль почти уже прошел минное поле. Вдруг раздается взрыв! Трудно сказать, как произошло, что корпус корабля все же соприкоснулся с миной. Быть может, какая-либо плавающая сбоку мина, увлеченная водоворотом, догнала корабль, а быть может, кто-либо из звукометристов допустил какой-нибудь просчет. Корабль не получил сильного повреждения, выводящего его из строя. Он поплыл дальше и выполнил свое боевое задание. Но в корабельном госпитале в числе других раненых оказался и офицер, начальник

звукометрической службы.

– Вы говорите о Василии Ивановиче Буранове? – тихо вставил Миша.

– Совершенно верно. Речь идет о нем... В результате контузии в голову Буранов лишился зрения. Врачи предсказали, что оно может восстановиться со временем, если моряк будет вести спокойный образ жизни. Так оно и получилось. Спустя несколько лет зрение вернулось, но не полностью.

– Сейчас он видит все-таки очень плохо, – заметил Миша.

– А я объясню почему, – продолжала Люда. – Нельзя было заниматься напряженной работой, а он... Одним словом, ему, морскому инженеру, пришла в голову мысль построить новый гидроакустический аппарат. И знаете какой? Аппарат, позволяющий видеть под водой на большом расстоянии. Понимаете – видеть!

– Я уже слышал от Жени, что наша лаборатория занимается зрением. Мне это показалось странным: институт ведь занимается звуком, и при чем же тут зрение!

– Инженер принялся настойчиво продвигать свое изобретение. Перед ним возникали трудности. Он преодолевал их одну за другой. Наконец он добился, чтобы ему предоставили лабораторию, где бы он мог осуществить свое изобретение. Напряженная работа привела к тому, что его зрение снова ухудшилось. Ему предлагали, от него требовали, чтобы он оставил работу и снова занялся лечением, а он отказался: считает, что работу над изобретением должен закончить сам.

Теперь поймите создавшееся положение: слепнувший человек в ущерб своему зрению работает над тем, чтобы дать зрение людям под водой! Чтобы наши советские корабли, будь они пассажирские или военные, были вооружены новыми приборами, столь же нужными под водой, как радиолокация в воздухе! Радиолокация позволяет видеть приближение вражеских самолетов за сотни километров, видеть с самолета, сквозь туман, очертания берегов, определять профиль местности. Но радиолокация совершенно бессильна под водой. Вода не пропускает сквозь себя короткие радиоволны, они поглощаются ею. Только длинные радиоволны проникают на небольшую глубину, но они не годятся для радиолокации.

Буранов работает над аппаратурой, позволяющей далеко видеть под водой при помощи ультразвуковых волн, как известно хорошо распространяющихся по воде. Он хочет подарить своей родине новый способ зрения, чтобы вооружить наши научные экспедиции, исследующие море, водолазов, ищущих потонувшие корабли, новым могучим оружием. Чтобы еще безопаснее стало вождение кораблей. Чтобы нашим военным судам совсем не были страшны вражеские мины. Буранов работает над новым зрением, не считаясь со своим собственным. А вы, уверявший меня, что быстро распознаете людей, ничего этого не узнав, обиделись на Буранова из-за какого-то пустяка.

– Работа секретная, и я не вправе был настаивать на подробном объяснении того, чем занимается наша лаборатория Л-3, – решил оправдаться Миша. – А вы как это узнали?

– Секретности подлежат схема аппаратуры и принципы ее действия. А сам факт разработки не является большим секретом, вы просто плохо интересовались. А о биографии Василия Ивановича Буранова мне рассказала сотрудница из отделения, в котором я работаю, – ответила Люда.

– Мне Женя намекал относительно зрения, но от подробных объяснений отказался.

– В этом нет ничего удивительного. По вашим рассказам, Женя любит делать тайну из любого пустяка. А вы любите больше всего на свете самого себя и интересуетесь только тем, что, так сказать, непосредственно связано с вами...

– Это неверно! Я докажу вам, – наконец забеспокоился Миша. – Я сам, конечно, виноват, что дал повод так думать, но я докажу. Вот увидите!

– Ладно. Поживем – увидим, – ответила Люда приподнимаясь.

Миша шел за своей спутницей совершенно подавленный и обескураженный. Он понимал, что все сказанное Людой имеет под собой почву.

У ворот в институтский парк они встретились с Женей.

– Товарищ Савин, можно вас на минуточку? Я должен кое-что сообщить, – обратился

он к Мише на этот раз не только с таинственным, но и со зловещим видом.

Люда простилась с юношей и быстро скрылась за железной калиткой.

– Товарищ Савин... – начал Женя, приближаясь к студенту. – Я узнал, что Василий Иванович договорился с нашим начальником, чтобы он отпустил нас завтра на испытание. У нас ведь срочных дел нет, а на белом катере, видно, нужны люди. Завтра с утра поплывем... А там кое-что вам удастся увидеть...

* * *

Белый катер. Вот уже месяц работает Миша на этой замечательной плавучей испытательной станции, оснащенной по последнему слову техники. Каюты-лаборатории, каюты-мастерские – все предоставлено в распоряжение исследователей. В просторном полукруглом помещении, расположенном на носу катера, находилось то, что было в центре внимания всех людей, работающих на катере, – аппарат с матовым экраном, словно у большого телевизора. От этого аппарата расходились скрытые в металлические трубки бесчисленные провода к специальным излучателям и гидрофонам, укрепленным за бортом катера.

Постепенно Миша стал входить в курс всего дела. Теперь он уже знал, на каком принципе работает подводная звуколокационная аппаратура и что означает странный звук, услышанный им когда-то в воде во время купанья.

Излучатели ультразвуковых волн отправляли в море мощный, но очень непродолжительный сигнал. Звуковые волны, отразившиеся от дна или каких-либо плавающих в воде предметов, возвращались к катеру и поступали в ряд гидрофонов, снабженных специальными зеркалами, фокусирующими звук в одной точке. Секрет изобретения заключался именно в фокусирующем устройстве и комбинации гидрофонов.

Все это действовало словно фотографический объектив, принимающий отраженные от предметов волны света и проектирующий на матовом стекле фотоаппарата изображение этих предметов.

Только тут работали не электромагнитные волны – свет, а механические волны в воде – звук. Свет мы видим, а ультразвуковые волны невидимы. Здесь приходила на помощь замечательная область радиотехники – телевидение.

Катодная трубка, обычно применяемая в телевизоре для приема изображения – кинескоп, – с помощью электронного луча, словно карандашом на бумаге, рисовала на флюоресцирующем экране яркое изображение. Изображение держалось на экране недолго. Оно потухало, словно стираемое невидимой резинкой, а на его месте электронный луч, управляемый электрическими токами от гидрофонов, рисовал новое изображение. По мере того как катер плыл, люди могли наблюдать движущуюся картину подводного мира, различать очертания далекого берега.

Аппарат уже работал. Ему нехватало лишь дальности действия, и над этим упорно трудился коллектив научных сотрудников, возглавляемый Бурановым.

Для настройки и регулировки аппаратуры применялось дополнительное устройство, излучающее в воду звуки самых разнообразных и в то же время беспрерывно меняющихся тонов. Когда происходили измерения или аппаратура регулировалась, то толщу воды пронизывали воющие звуки. Именно это заунывное звучание и слышал Миша, купаясь в день своего приезда. Теперь он знал, что звучание это является, так сказать, подсобным в работе гидротелеаппаратуры. Настроенная аппаратура работает совершенно бесшумно, так как в ней применяется звук очень высокой частоты – ультразвук, не слышимый человеческим ухом.

Буранову понравился молодой практикант, и Мише вскоре была поручена довольно ответственная работа – расчет и обработка математических данных во время испытаний. Остался работать на белом катере и Женя, сообразительность которого и точность выполнения механических работ были также вскоре замечены начальником лаборатории.

Чем больше наблюдал Миша за Бурановым, тем все более и более проникался к нему глубоким уважением. Настоящая самоотверженность инженера стала понятна Мише, когда он убедился, сколько требуется сил и напряжения воли, чтобы руководить таким сложным участком работы. Теперь, когда Миша вспоминал о своей ночной работе, этот поступок уже не казался ему «геройским».

В один из дней, ничем не отличающихся от других рабочих дней, Миша заметил, что Василий Иванович чем-то возбужден. Начиная с момента, когда катер отплыл от берега, и в течение всей дороги начальник лаборатории веселее, чем обычно, разговаривал с сотрудниками, шутил и, казалось, чему-то радовался.

– Вчера установили возле телевизора новый анализатор звуков. Анализатор Бурановым придуман недавно, и он надеется, что это поможет значительно увеличить чувствительность прибора, – таинственно заявил Мише Женя.

– Вот было бы хорошо, – мечтательно заметил практикант.

– Конечно! – продолжал механик. – Вчера вечером водолазы укрепляли за бортом еще один гидрофон и дополнительные провода – сам видел. Это для скорости, значит. Вообще провода нужно было бы тянуть внутри катера и выводить наружу, под воду, через специальные втулки в корпусе судна. Но, видно, чтобы не задерживать работу и как можно скорее проверить действие анализатора, Василий Иванович распорядился временно перекинуть провода прямо через борт и укрепить их под водой, тоже временно.

– Знаю, Женя. Мне как раз поручалась проверка электрического сопротивления кабеля после установки его водолазами, – сказал Миша.

Как обычно, белый катер остановился на значительном расстоянии от берега: опыты требовали большой глубины. Задача состояла в том, чтобы увидеть на телевизионном экране дно моря, лежащее далеко от поверхности воды.

По команде Василия Ивановича, сотрудники принялись приводить в действие звуколокационную аппаратуру. Загудели умформеры – электрические машины, преобразующие ток низкого напряжения в высокое. Кто-то при помощи шнура принялся «задраивать» шторами верхние окна, и полукруглая комната стала погружаться в темноту. Вспыхнули красные контрольные лампочки на распределительном щитке. Экран телевизора озарился бледно-голубым светом.

– Совсем ничего не видно! – раздался в темноте чей-то голос.

– Проверьте подачу сигналов от основных гидрофонов! – скомандовал Василий Иванович.

Послышались хлопанье крышек измерительных приборов и приглушенные слова:

– Тут в порядке... Тут – также... Все в порядке, Василий Иванович! Сигналы от основной группы гидрофонов поступают в полной мере! – закончил этот же голос громко.

– Что же это значит? – спросил Василий Иванович. – Может быть, нет соединения проводов с гидрофонами, работающими на анализатор? Это маловероятно. Вчера после работы водолазов линия проверялась и оказалась исправной. Но на всякий случай проверьте еще.

Снова послышалось бормотанье сотрудника, работающего у распределительного пульты с измерительным прибором. А вскоре раздался его недовольный голос:

– Чтоб ты рассыпалась на мелкие части и растворилась в морской воде без остатка!

– Это кого вы там? – спросил начальник лаборатории.

– Линию! – раздался возмущенный ответ. – Не работает!

– Так зачем же вы желаете ей рассыпаться без остатка, да еще раствориться в воде? – весело спросил Василий Иванович. – Этак мы совсем без линии останемся! Пожелайте ей лучше исправиться!

– Контакт может быть нарушен только под водой, Василий Иванович, в соединительной муфте у гидрофона. По всей длине провод без паяк, новый, – заметил кто-то в темноте.

– Придется вызывать водолаза, – сокрушенно промолвил Василий Иванович. –

Свяжитесь по радио с берегом и попросите срочно прислать водолазный вельбот... А вас, товарищ Савин, попрошу проследить за работой водолазов.

– Хорошо, Василий Иванович, – ответил Миша. Раздвинули шторы, и сверху полился дневной свет.

Лаборант Погончук, производивший проверку проводов, приземистый и широкоплечий, в матросской робе, быстро поднялся по трапу, чтобы исполнить приказ начальника.

– Обидно... – протянул Василий Иванович, неподвижным взором уставившись в одну точку. – Но это ничего, – продолжал он, поднимаясь с кресла. – Возвращаться на берег нет смысла. Мы займемся другим делом: надо будет проверить синусоидальность кривой генератора.

В это время Миша почувствовал, что его кто-то толкает в бок. Рядом стоял Женя и строил какие-то гримасы, незаметно покачивая при этом головой. Миша, уже хорошо изучивший своего друга, понял, что это значит: «Идемте: нужно сообщить секретную вещь...»

– Вот какое дело, Миша, – глухо заговорил Женя, когда они вышли на палубу. Механик, как всегда, бросал подозрительные взгляды по сторонам. – Мне точно известно, что нашего водолаза сейчас нет в институте... Понимаете? Я слышал, как он просил у своего начальника дать ему отгул за сверхурочную работу. У него сестра, живущая где-то далеко отсюда, замуж выходит. Конечно, может статься, что он и не уехал – я ведь точно не знаю. Ну, а если уехал? Значит, день сегодняшний пропащий для Василия Ивановича? А ведь он надеется...

Как нарочно, до их слуха донесся голос Погончука, ходившего в радиорубку разговаривать по телефону с берегом. Он объяснял кому-то на ходу:

– Диспетчер принимает меры, чтобы разыскать заведующего хозяйственной частью, которому подчинен водолаз. Потом заведующий хозяйственной частью будет искать водолаза. О результатах диспетчер обещал сообщить по радиотелефону немедленно.

– Скверное дело! – прошептал Женя. – Наверно, не найдут водолаза. Вот если бы я умел как следует...

– Нырять? – перебил его Миша.

– Естественно, – ответил механик.

– Надо об этом договориться с Василием Ивановичем... – начал было Миша, уже направляясь ко входу в испытательный зал, но Женя перебил его.

– Ни в коем случае! Не разрешит! – запротестовал он, хватая практиканта за рукав. – Я его знаю... Не разрешит вам нырять, да и только. Не разрешит никому. А что, собственно говоря, может случиться?.. Я ведь видел, как вы ныряете! Превосходно! Возьмите с собой разводной ключ и быстренько-быстренько – гайки в сторону! Я осторожно потяну провод и вытяну гидрофон. Тут мы проверим соединительную муфту, исправим что надо – и обратно все это устройство в воду. Работы всего на двадцать минут, и никто не заметит. Будем купаться, а все это как бы между делом...

Миша направился решительным шагом к капитанской рубке. За ним с видом заговорщика последовал Женя.

– Товарищ капитан! – обратился Миша к моряку с седыми волосами и шрамом через всю левую щеку – капитану белого катера. – Разрешите спустить веревочный трап и искупаться? Нет никаких сил – очень жарко!

– А вы, собственно говоря, молодой человек, на работе тут находитесь или на гулянке? – ворчливо спросил моряк.

– Сейчас, по не зависящим от меня обстоятельствам, небольшой перерыв в работе, – отрапортовал Миша, стараясь подражать заправскому матросу: он знал, что это нравится «морскому волку», как в шутку называли капитана.

Купанье с катера во время перерыва в работе не было новостью для капитана. Пришлось разрешить. Правда, при одном условии: чтобы на борту возле спасательного круга

стоял матрос и зорко следил за купающимися. Этому же матросу давалось право при малейшем подозрении, что кто-либо плавает плохо, немедленно извлекать купальщика из воды.

– Одному купаться не дело, – заворчал старик. Что ж, из-за вас одного матрос будет дежурить? Надо еще пригласить желающих. Сейчас схожу вниз и спрошу.

Появилась угроза полного провала намеченного плана. Но Женя не растерялся.

– Уже оповещены, товарищ капитан, – проговорил он вкрадчивым голосом. – Вот я, например, буду купаться, еще подойдут люди.

– Ну-ну... – проворчал капитан и, откашлявшись, позвал зычным голосом дежурного матроса.

Пряча подмышкой разводной ключ, чтобы его не заметил матрос, Миша спустился по веревочной лестнице на несколько ступенек и бултыхнулся спиной в воду. Затем, чтобы не вызывать подозрения у матроса, он выплыл на поверхность и крикнул Жене, что собирается нырнуть на дальнейшее расстояние.

Быстро работая руками и ногами, Миша стал опускаться вглубь, одновременно приближаясь к днищу катера. Вода в этом месте отличалась необыкновенной прозрачностью. Был хорошо виден борт судна, покрытый зеленоватым мхом и серыми ракушками. А вот и временный кабель, идущий вдоль борта вниз, к гидрофону. Миша зажал разводной ключ между ног и, ухватившись обеими руками за кабель, начал быстро спускаться вниз.

«Успею или не успею? Хватит ли времени, в течение которого я смогу не дышать, чтобы отвинтить гидрофон, прикрепленный, как известно, тремя болтами?» сверлила голову навязчивая мысль.

Гидрофон оказался укрепленным на меньшей глубине, чем ожидал Миша. Быстро заработал разводной ключ. Гайка подалась легко: она только вчера была завинчена и еще не успела ни заржаветь, ни обрасти водорослями. Вторая и третья гайки также подались легко. Теперь их можно будет отвинтить руками, но... Миша почувствовал, что задыхается. Нужно было быстро всплывать на поверхность. Снова зажав разводной ключ между ног, Миша принялся работать руками, хватаясь ими за кабель, что значительно ускорило подъем.

Голова Миши появилась на поверхности у самого борта. Держась за кабель, Миша вздохнул несколько раз как можно глубже и, чтобы не возбуждать подозрения дежурившего матроса, крикнул:

– Женя, вот где я вынырнул! Ты засек продолжительность моего пребывания под водой?

– Засек! – ответил механик.

Вслед за этим сверху послышался негодующий голос матроса:

– Что же вы делаете, товарищ! Разве можно так долго находиться под водой? Это вам не шутки! Вылезайте. Я не разрешаю вам больше купаться.

Положение становилось серьезным. Миша быстро соображал, что нужно предпринять в этом случае. Попробовать уговорить матроса? Судя по его голосу, он настойчив и не пойдет на уступки.

– Сейчас! Только одну минуточку – и вылезу! – прокричал Миша и снова скрылся под водой.

На этот раз спуск оказался более трудным, чем в первый раз: сказывалась усталость. Руки заметно дрожали и работали не так проворно, как хотелось бы.

Вот Миша уже у гидрофона. Гайки, которые, казалось, при первом нырянии вертелись совсем легко, теперь поддавались с трудом. Первая гайка в руке. Куда ее девать? Она будет мешать отвинчивать остальные. Миша сунул ее под трусы и завернул их возле резинки в трубочку. Вторая гайка. Хочется дышать. Перед глазами плывут красные круги... Третья гайка... Рывком Миша снял гидрофон с болтов и ухватился руками за кабель. Теперь подъем. Лишь бы как можно скорее добраться до поверхности...

Когда Миша вздохнул полной грудью и посмотрел вверх, то увидел совершенно неожиданную картину. На палубе, наклонившись через перила, стояли чуть ли не все

сотрудники плавучей испытательной станции. Держась за веревочную лестницу одной рукой, в плавках, по пояс в воде, висел дежурный матрос, показывавший Мише свободной рукой огромный кулак. Видно, он только что собирался нырнуть, чтобы спасти исчезнувшего под водой практиканта.

– Что это значит, товарищ Савин? – раздался сверху грозный голос начальника лаборатории. – Вы нарушаете порядок! Не подчиняетесь распоряжению капитана! Прошу вас ко мне...

Миша подплыл к веревочной лестнице и начал подниматься вверх.

– Топить таких мало... – тихо прошипел матрос, пропуская Мишу.

– Простите... я не из-за озорства, – также шепотом ответил Миша.

– Объясните ваш поступок, чтобы я мог более точно сформулировать выговор в приказе, – обратился к Мише начальник лаборатории.

– Э-э-э! Да что это у него подмышкой? Никак, разводной ключ? – проговорил кто-то.

В это время выскочили из-под резинки мокрых трусов две гайки и со стуком покатались по палубе, гладкой и тщательно надраенной.

– Вам удалось отвинтить только две гайки? – сухо спросил Василий Иванович.

– Нет. Все три. Третья – вот... – ответил Миша, тяжело дыша. – И гидрофон снят с

болтов. Его можно вытянуть из воды за кабель, – добавил он передохнув.

– Понятно, – все так же сухо продолжал начальник лаборатории. – Выговор будет сформулирован следующим образом: «За самовольные действия во время работы, связанные с риском для собственной жизни, и отказ подчиниться представителю капитана, практиканту третьей лаборатории Савину объявляется строгий выговор. О взыскании сообщить дирекции втуза, откуда студент прибыл на практику».

– Василий Иванович! Василий Иванович! – раздался взволнованный голос Жени. – Выговор придется разделить пополам, на равные части! Я тоже виноват. Это мы вместе придумали! Водолаз-то, вероятно, у сестры на свадьбе. Если даже его срочно сюда доставить, так он все равно в скафандр не влезет! Известно почему – ему сейчас море по колено!

Кто-то начал было смеяться, но сразу же осекся. Все продолжали стоять молча.

– Василий Иванович! – вдруг раздался голос Погончука. – Василий Иванович! Независимо от проступка этих двух юношей, разрешите вытянуть гидрофон из воды, раз он, по словам человека, совершившего проступок, уже отвинчен.

– И дальше что? – как-то машинально спросил начальник лаборатории.

– Разберем муфту и исправим повреждение.

– А дальше что?

– Очень несложное дело, Василий Иванович! Установим гидрофон обратно под воду без водолазов.

– Кто установит? – все так же машинально, видно находясь в глубоком раздумье, спросил начальник.

– Известно кто! Конечно – я! Разве вы забыли, что я отличаюсь в области ныряния?

– Придется ждать водолаза, – сухо отчеканил начальник.

– Василий Иванович, ну что вы! Он, вероятно, в самом деле сейчас на свадьбе. Ведь выходной день ему дали! Заявок-то на водолазные работы на сегодняшний день ни от кого не было. Я считаю, Василий Иванович, что выговор придется делить не на две части, а на три. Так, чтобы и на мою долю досталось. Как это я не сообразил сам полезть в воду? Только из-за моей несообразительности появился проступок со стороны практиканта!

– Разрешите спросить, товарищ начальник? – степенно пробасил дежурный матрос, собиравшийся спасать Мишу.

– Что у вас? – все так же строго осведомился Буранов.

– Не мог бы я попробовать прикрутить обратно чего там нужно под водой? В данный момент нахожусь в соответствующей форме – одежду еще не надевал.

– Товарищ Коцубейко – опытный матрос. Доверить ему можно, – охарактеризовал дежурного капитан катера.

– Даже смешно говорить, – не унимался матрос: – если этот сухопутный студент, – при этом он протянул руку и указал на Мишу, – в состоянии был отвинтить гайку, так неужели я не смогу завинтить!

– Под вашу ответственность, капитан, – проговорил Буранов и медленно зашагал по направлению к дверям, ведущим внутрь катера.

За ним молча пошли остальные сотрудники.

– Не унывайте, – шепнул лаборант Погончук, подходя к Мише, – уговорим Василия Ивановича...

Через час неисправность в соединительной муфте была устранена и гидрофон установлен под воду. Правда, для матроса, вызвавшегося нырять под воду, это оказалось более тяжелой задачей, чем он предполагал. Пять раз ему пришлось подниматься из воды, чтобы передохнуть. После этого авторитет Миши как замечательного ныряльщика, поднимавшегося из воды всего один раз, возрос в глазах Жени до необычайной высоты. Он с гордостью оглядывал своего друга, подмигивая при этом капитану.

Одевшись, Миша опустился в полукруглую каюту, в которой находился телевизионный экран. При входе он заметил почтительные взгляды, которыми провожали его сотрудники.

– Принесите товарищу Савину стул, – распорядился начальник лаборатории, заметив, что студенту не на что сесть.

Снова загудели умформеры, вспыхнули сигнальные лампочки, и каюта погрузилась в полумрак. На матовом экране начало появляться светлое пятно. Все четче и четче стало вырисовываться изображение. Это было дно моря – далекое дно, находящееся от поверхности на расстоянии нескольких километров.

Послышался одобрительный шепот. Затем возгласы:

– Замечательно! Василий Иванович, победа! Победа, товарищи!

Миша сидел в углу и наблюдал за выражением лица инженера Буранова. Полуслепой инженер, волнуясь, силился рассмотреть экран, но, конечно, не видел его так четко, как остальные.

«Даже результат своей многолетней работы, из-за которой он терял свое зрение, не может увидеть! Какая злая ирония!» с грустью подумал Миша.

Застучал дизель, и катер пошел гулять по морю на полном ходу. Быстро, словно в кино, когда показывается научно-популярный фильм, поползла по экрану сказочная картина далекого морского дна. Люди видели сквозь толщу воды, куда совсем не достигал свет дня, каждый камешек, каждую расщелину.

Когда белый катер уже подходил к берегу, возвращаясь с рейса, Мише сообщили, что его зовет в свой кабинет начальник лаборатории.

– Садитесь... Миша, – проговорил Буранов, когда студент притворил за собой дверь.

«Он назвал меня по имени», промелькнуло в голове практиканта.

– Сегодня радостный день, – начал Буранов. – Радостный для меня и всех сотрудников. Вы помогли, Миша, приблизить этот радостный день благодаря своему самоотверженному поступку... Скажите, что я должен делать с вами? Наряду с героизмом и самоотверженностью, налицо нарушение трудовой дисциплины! Мне тяжело решать этот вопрос одному. Помогите.

– Пусть будет так, как вы решили раньше: выговор в приказе с сообщением во втуз, – тихо ответил Миша, стараясь не выдавать волнения.

– Вы говорите это искренне?

– Да, искренне. Трудовую дисциплину я нарушил и должен нести за это наказание.

Наступило молчание.

– Может быть... – начал неуверенно Буранов, – может быть, в приказе указать одновременно, что в результате вашего проступка... ну, как бы это выразиться... работа продвинулась...

– Не надо, Василий Иванович, – проговорил Миша, пользуясь паузой. – Предлагаемая вами новая форма приказа будет неточна... Получится так: с одной стороны, человек плохой – нарушил дисциплину, а с другой – он хороший, помог своим проступком общему делу. Пусть приказ останется прежним, как вы его предложили.

Буранов поднялся из-за стола и, подойдя вплотную к студенту, взял его за обе руки:

– Сейчас я хочу сказать вам несколько слов не как начальник лаборатории своему подчиненному, а как человек человеку... Спасибо вам за то, что вы сделали. Еще один отложенный день испытания значил бы для меня очень многое. Было столько неудач, разочарований, что, быть может, совершенно пустяковый толчок – например, отсрочка испытания на один день – свалил бы меня. Я имею в виду свое зрение... Спасибо!

* * *

– Рассказывайте подробно, – тоном, не допускающим возражений, проговорила Люда, за руку увлекая Мишу в глубину парка.

– Все в полном порядке, представьте себе! – весело отвечал Миша. – С сегодняшнего дня можно считать, что разработка аппаратуры закончена. Потрясающие результаты!

– А как было дело?

– Очень просто. Отплыли в море. Буранов отдал распоряжение готовиться к испытанию. Ну... тут произошла небольшая задержка: кабель, соединяющий гидрофон с новым анализатором, оказался испорченным. Устранили. А затем, когда снова включили аппарат, то все увидели на экране отчетливый рисунок морского дна. Вот и все.

– А выговор в приказе по институту кому готовится? – вдруг негодующе спросила Люда.

– Так это же к результатам сегодняшнего испытания никакого отношения не имеет! Насколько я понимаю, вы интересуетесь главным образом испытаниями? – спокойно ответил Миша.

– Скажите, Миша... вы очень обиделись на Буранова за то, что он... одним словом, я имею в виду выговор, – теперь уже тихо проговорила Люда, останавливаясь возле скамейки.

– Нисколько! Я ведь действительно нарушил дисциплину. Полез в воду помогать ремонтировать кабель без разрешения начальника.

– Помогать?

– Да.

– Понятно, – сказала Люда, опускаясь на скамейку. – Все ясно... – Она жестом пригласила Мишу сесть. – Теперь рассказывайте подробно, как было дело.

– Четкость изображения – потрясающая! Виден мельчайший камешек! А ведь глубина, где остановился катер, – огромная! Смотрю я на Буранова и думаю: ведь ему-то не виден так отчетливо, как нам, победный результат своей многолетней работы, – начал Миша, все более увлекаясь.

Но девушка перебила его.

– Миша! – проговорила она. – А ведь я, признаться, ожидала, что вы первым делом начнете хвастаться своей самоотверженностью и геройством! Думала, что будете жаловаться на несправедливость начальника... Мне ведь уже известно, что происходило сегодня на белом катере. До мельчайших подробностей известно.

Миша улыбнулся и промолчал.

– Было время, когда мне казалось, что вы думаете главным образом о себе, о своем геройстве и своих обидах, – тихо продолжала девушка. – А теперь... может быть, вы действительно хороший... настоящий?..

– Возможно, – буркнул Миша, вычерчивая на песке каблуком своего ботинка замысловатую кривую линию.

– Чем вы недовольны? Может быть, вас все-таки омрачает будущий приказ?

– Вообще неприятно, конечно...

– В таком случае, могу сообщить под большим секретом: директор института решил ограничиться словесным внушением, учитывая, возможно, вашу молодость. Завтра вызовет и будет отчитывать. Приготовьтесь к этому.

– Ладно, – равнодушно ответил Миша.

– Что «ладно»? – вдруг вспылила Люда. – Как вы смее говорить таким тоном: «ладно»? Значит, вы не рады, что все обошлось так просто?

Неизвестно, чем бы кончилась вновь вспыхнувшая ссора, если бы не подошел Женя и не сообщил:

– Василий Иванович приглашает всех сотрудников третьей лаборатории собраться вечером у него на квартире. Завтра он уезжает в санаторий лечиться.

* * *

Удивительное дело творит широкая, все время переливающаяся серебристой рябью дорога, та, что в лунную ночь пополам рассекает море и тянется от берега до самого горизонта. Она властно приковывает к себе взгляд человека и заставляет его мечтать.

Спустя месяц после описанных событий у берега, на плоском камне, до которого временами докатывались посеребренные лунным светом волны прибоя, сидели Миша и

Люда. Пришли проститься с морем. Закончилась практика. Завтра утром они уезжали.

Рядом стоял Женя и хмуро поглядывал на волны. Словно для того, чтобы еще больше подчеркнуть свое отношение к морю и к лунной дорожке, Женя время от времени швырял в волны мелкие камни. На самом же деле он просто хотел скрыть досаду оттого, что Миша уезжает.

– Люда! Давай поклянемся, что по окончании института мы обязательно будем продолжать дело Буранова! Давай? – говорил Миша.

– Нет, несогласна! – ответила Люда. – Василий Иванович выздоравливает, зрение к нему возвращается. Он будет жить еще много лет и работать в полную силу. Давай лучше поклянемся знаешь в чем? Что по окончании института мы будем работать над каким-нибудь новым изобретением, которое придумаем сами. Большим изобретением! Изобретением, помогающим как можно скорее завершить построение коммунизма! И поклянемся еще, что работать будем над этим изобретением так же самоотверженно, как Буранов.

– Согласен, – ответил Миша.

– В таком случае... и я поклянусь, – начал Женя. – И поклянусь вот в чем: какое бы ни было изобретение, маленькое или большое, все равно буду осуществлять его быстро и точно вот этими руками...

При этом он разжал кулак, и маленький камешек, подпрыгивая, покатился по берегу прямо к морю.

Тайна карстовой пещеры

1. Исчезнувшая река

– Представьте себе, что восемь веков назад тут был плодородный и цветущий край... – проговорила девушка, делая широкое движение рукой.

– Трудно поверить... Никак не могу представить... – задумчиво ответил юноша.

Они стояли на маленькой площадке, на самом верху каменных руин. Перед ними расстилалась безжизненная песчаная пустыня, освещенная чуть красноватым светом только что взошедшей луны.

– В каком веке жил этот поэт? – спросил юноша.

– В двенадцатом.

– Ну-ка, повторите его слова.

Девушка медленно присела на корточки и, облокотившись спиной на каменный выступ, начала торжественно:

– ...Нет на земле страны прекрасней... Она цветет круглый год, зимой там ветер весенний... Словно Кауеар – самый светлый из райских источников, – омывает ее золотую водою река Янгиер... В тени кипарисов и мускусных ив радуют глаз фазаны и белые куропатки... Вся она – как Ирем, волшебный, зачарованный сад. Светел и радостен становится каждый, кто ступает на ароматную зелень ее лугов и долин...

– И все это было именно тут? Это известно достоверно? – тихо спросил юноша, вглядываясь в лицо девушки.

– Достоверно. И каменные развалины, на которых мы сейчас находимся, – это остатки древнего города... А вон, если присмотреться внимательно, русло исчезнувшей реки. – Девушка протянула руку, указывая на широкую темную ложбину, хорошо выделявшуюся среди бугристого песчаного поля благодаря скользкому свету. – Послышался страшный подземный гул... – тихо продолжала она. – Закачалась земля и стала опускаться вместе с жилищами, дворцами, храмами и людьми, находившимися в них. Воды реки покинули разрушенный край. Подули знойные ветры, исчезло плодородие земли, и наступило царство смерти, царство песка...

Юноша молчал. Он также осторожно присел и, прислонившись спиной к стенке, вытянул ноги. Вниз полетело несколько мелких камней, и тишина нарушилась шуршащими и цокающими звуками.

– Скажите, Люда, – произнес юноша, – я слышал, как Мария Ивановна говорила, что реки, исчезнувшие под землю, – явление нередкое. А может быть так, что река благодаря землетрясению снова появится на поверхности?

– Не предложите ли вы, Костя, ждать нового землетрясения? – немного насмешливо спросила девушка.

– Этого еще не хватало! Может быть, вы думаете, что я боюсь предстоящей

экспедиции?

– Вы говорите таким тоном, будто в задачу вашей экспедиции входит возвращение реки на поверхность! Должна вас разочаровать... Затея, в которой вы будете принимать участие, придают очень малое значение. Едва ли она поможет нашей разведывательной партии найти воду в пустыне. Профессора Полозова больше интересует подтверждение собственной теории относительно подземных рек. Это всем известно... Ведь подземных рек очень много. Некоторые из них текут под землей сотни километров. И не думайте, что все они очутились под землей благодаря землетрясению. Река Янгиер, которую вам предстоит обследовать, – это частный случай. Так вот, ваш профессор думает, что...

Люда не договорила фразы. Внизу послышался шум сползавших камней.

– Ну-ка, помолчим... Найдет или нет? – прошептала девушка, хватая своего собеседника за руку.

Вслед за тем оба замерли, прислушиваясь к приближающимся шорохам. На лице Кости, молодого человека лет двадцати пяти, с черными немного выющимися волосами, застыла добродушная, чуть озорная улыбка. Такая же улыбка, неизменная спутница далеких детских шалостей, появилась и на лице Люды, маленькой девушки с черными, широко открытыми глазами.

– Кажется, удаляется...

– Найдет... Она меня всюду найдет, – также шепотом ответил Костя, наклоняясь, чтобы заглянуть вниз.

– Нет... вы не выглядывайте... Скажите, она действительно вас очень любит?

– Конечно, очень. А как же!

– И вы ее?

– И я ее... Вы, наверное, слышали, что на фронте, при самых необыкновенных обстоятельствах, она спасла мне жизнь. С тех пор не могу с ней расстаться и, признаюсь, очень много времени трачу на ее дрессировку.

Люда улыбнулась и, обхватив руками свои поджатые колени, принялась внимательно осматривать горизонт, почти сливающийся с небом, усеянным крупными звездами.

– Посмотрите, – проговорила она вполголоса: – вон та звездочка, кажется, движется.

– Совершенно верно! – радостно прошептал Костя. – Очень похоже на автомобильные фары.

В это время, теперь уже совсем близко, послышались шорох и учащенное дыхание, а через секунду над площадкой появилась черная лохматая голова собаки.

– Вот видите, нашла! – громко проговорил Костя приподнимаясь. – Назад, Джульбарс! Сейчас мы тоже идем, – продолжал он, обращаясь к собаке.

Спускались медленно. Каждую минуту нога могла попасть в одну из бесчисленных расщелин, перерезавших развалины. То и дело вниз валились оторвавшиеся камни и мелкий щебень. Впереди, поджимая хвост и скользя вниз на всех четырех лапах, спускалась собака.

Иногда собака останавливалась и начинала что-нибудь обнюхивать. Особенно долго она задержалась у широкой расщелины, уже совсем недалеко от земли.

– Идем, идем, Джульбарс! – позвал Костя, поравнявшись с собакой. – Что ты тут нашла?

Но собака только на одно мгновение повернула голову к своему хозяину и снова принялась нюхать, опустившись на передние лапы.

– Непослушная она у вас, – заметила Люда.

– Джульбарс! За мной! – сердито крикнул Костя останавливаясь. – Это что еще такое!

Собака коротко тявкнула и осталась на месте. В ночной тиши послышалось еще более учащенное ее дыхание.

– Тут что-то неладно... – пробормотал Костя, жестом предлагая Люде вернуться назад. – Давайте посмотрим.

Подойдя к отверстию, Костя стал на колени рядом с собакой и, включив электрический фонарик, направил тонкий пучок света в чернеющую глубину.

– Ого!.. Вы только взгляните! – сказал он, наклоняясь еще ниже.

Рядом на колени опустилась Люда.

Из отверстия тянуло затхлым и немного сырым воздухом. Каменные стены провала, изрезанные трещинами, наклонно уходили вниз. Луч электрического фонарика не достигал дна и терялся по пути, рассеиваясь широким молочным пятном.

– А если бросить камень... – тихо сказала Люда. Костя молча стал шарить рукой и, нащупав подходящий кусок, осторожно опустил его вниз.

– Раз... два... три... четыре... – принялась считать Люда.

Наконец где-то совсем далеко послышался отдаленный стук.

– Очень глубоко, – проговорил Костя.

Он хотел сказать что-то еще, но глухое ворчанье собаки привлекло его внимание. Одновременно внизу послышалось тихое шипение.

– Змея... – прошептала Люда. – Идемте!

– Неужели мы ее не увидим? – не унимался Костя, шаря лучом своего фонарика по стенам.

Люда неохотно снова склонилась над щелью.

Поиски были непродолжительны. Вскоре световое пятно остановилось на выступе в стене, на котором лежало огромное желтое кольцо. Голова змеи медленно раскачивалась. Из широкого открытого рта был ясно виден острый язык. Напуганное ярким светом, пресмыкающееся начало двигаться, сползая по стене вниз.

– Замечательный экземпляр, – проговорил Костя, сопровождая уползающую гадину лучом своего фонарика.

– Он, оказывается, любит не только собак, но и змей, – насмешливо сказала Люда, поднимаясь с колен. – Идете или нет? – Еще одну минутку!

– Ни одной секунды. Я ухожу.

Снова луч фонарика нащупал уползавшую змею.

Одновременно в свет фонаря попало маленькое, медленно менявшее свою форму и так же медленно поднимавшееся вверх белое облако.

– Тут какие-то испарения, – проговорил Костя поднимаясь.

Много позже Косте неоднократно приходилось вспоминать об этих испарениях, сыгравших большую роль в тех необычайных приключениях, которые пришлось испытать ему и его товарищам.

2. Афанасий Кондратьевич находит влажный песок

Поднявшаяся высоко над горизонтом луна хорошо освещала брезентовые палатки и несколько автомашин на широких гусеницах, обычно применяемых в сыпучих песках.

У входа в одну из палаток стоял Афанасий Кондратьевич Горшков, грузный, не в меру полный мужчина с угрюмым выражением лица. Он пристально всматривался в горизонт, что-то бормоча себе под нос. Из открытого полога палатки доносились тихие звуки патефонной музыки.

Вскоре человек повернул голову в противоположную сторону и проговорил громко и раздраженно:

– Ползете?

Это слово, произнесенное в тоне вопроса и укора, относилось и к Косте и к Люде, медленно приближавшимся к палатке.

– Что, Афанасий Кондратьевич? – весело крикнула Люда.

– А то, что прогуливаетесь, товарищ Кудинова, а радиосвязь бездействует... Вон машина идет, а какая – так и не выяснено.

Костя и Люда ускорили шаг.

– И вы тоже хороши, товарищ Уточкин, – продолжал брзжать Афанасий Кондратьевич, обращаясь к Косте. – Инженер Дорохов уже три раза вас спрашивал...

К Афанасию Кондратьевичу, размахивая хвостом, подбежала собака.

– Уйди, бездельница, – тихо пробурчал Афанасий Кондратьевич. – Тоже, ходишь неизвестно где...

Палатка, куда зашли Костя и Люда, ничем не отличалась от обычной палатки геологической поисковой партии в пустыне. Под низким брезентовым потолком горела маленькая электрическая лампочка. На узких походных постелях сидели и лежали люди. На большом ящике, перевернутом вверх дном и покрытом, словно скатертью, географической картой, стоял играющий патефон. Возле него сидел человек лет тридцати, широкоплечий, с угловатым подбородком, придававшим его лицу упрямое выражение, и перебирал пластинки.

Это был инженер Андрей Леонидович Дорохов.

– Вы спрашивали меня? – обратился к нему Костя. Дорохов поднялся навстречу вошедшему и заговорил тревожно:

– Во время твоего отсутствия мне в голову пришла простая, но очень полезная мысль: не защитить ли нам винт еще дополнительной сеткой? Как ты на это смотришь?

– Когда же мы успеем это сделать? Кажется, приближается машина профессора, – ответил Костя.

– А может быть, это не он. Тут ожидается машина с водой. У нас найдутся десятимиллиметровые железные прутья?

– Подождите минутку, товарищ Дорохов, – вмешалась в разговор Люда. – Сейчас я узнаю, что за машина.

Люда быстро подошла к маленькому полемому радиопередатчику, стоявшему прямо на полу, и, опустившись перед ним на колени, принялась вертеть ручки настройки.

В дверях появился Афанасий Кондратьевич.

– Давно бы пора... – пробурчал он, остановив свой взгляд на работающей радистке. – Музыка-то прекратите... Мешать будет, – добавил Афанасий Кондратьевич, обращаясь неизвестно к кому.

– Не надо, пусть играет. Слышимость хорошая, – проговорила Люда, надевая наушники.

Горшков неодобрительно посмотрел на пластинку. Бодрая музыка явно не соответствовала его мрачному настроению.

– Пить хочу... просто умираю... Хоть немного воды осталось? – произнес он через некоторое время, косясь на большую бутылку для воды, стоявшую в углу палатки.

– Только на самом дне. Не больше чем по одному стакану на брата, – сухо заметил один из сотрудников экспедиции, отрываясь от книги.

– Может быть, сейчас и разделим, а? Как вы думаете? – продолжал Афанасий Кондратьевич. – Машина уже подходит. Будет через час. Разделим?

Несколько голосов неопределенным тоном высказало одобрение, и бутылку с остатком воды была извлечена из угла. На ящике-столе появились стаканы. Получив порцию воды, Афанасий Кондратьевич залпом осушил стакан и принялся вытирать платком свое красное лицо, лоснящееся от пота.

– Уфф!.. – произнес он, с жадностью поглядывая на стаканы, в которых некоторые присутствующие сочли нужным оставить немного воды. Особенно его привлекал один стакан, совершенно нетронутый.

В это время в палатке раздался удивленный возглас. Все оглянулись на Люду, сидевшую на корточках у радиоприемника.

– Что случилось, товарищ Кудинова? – грозно спросил Афанасий Кондратьевич.

– База ответила мне, что машина с цистерной воды испортилась.

– А почему вы улыбаетесь? – Механик подозрительно посмотрел на Люду.

– Что вы, Афанасий Кондратьевич, вам показалось! – ответила девушка, теперь уже действительно улыбнувшись.

– Безобразие! – громко провозгласил Афанасий Кондратьевич. – Нашли чему смеяться!

Радиаторы у моторов пустые. Бурильные установки простаивают, сами без воды сидим – а вам весело? Первый раз вижу такой состав экспедиции. Больше никогда не буду с вами работать!

– Что вы, Афанасий Кондратьевич! Уж и улыбнуться нельзя, – пробовал кто-то успокоить Горшкова.

Но Афанасий Кондратьевич и не думал успокаиваться.

– Тоже поисковая партия! – продолжал он брюзжать. – Воду ищем, а сами сидим без воды... Не то что умыться, а даже пить нечего... Бурили, бурили, целую неделю бурили, а воды так и нет. Значит, не в том месте ведем разведку... А может быть, в этой проклятой пустыне и вообще воды нет, зря работаем.

С постели медленно приподнялась фигура в синем рабочем комбинезоне.

– Я не позволю! – решительно и твердо произнес мягкий, грудной голос.

Голос принадлежал женщине средних лет с вьющимися светлыми волосами – начальнику поисковой партии Марии Ивановне Александровой. Она подошла к столу и остановила патефон. Музыка резко оборвалась.

– Я не позволю, – продолжала Мария Ивановна, нервно шаря свободной рукой в кармане своего комбинезона, – не позволю вам, Афанасий Кондратьевич, называть эту пустыню «проклятой». Вы думаете, что говорите? В этом месте трудами наших товарищей обнаружены месторождения ценнейших ископаемых. Тут должна вырасти новая добывающая промышленность, необходимая нашей стране...

– Как же, без воды вырастет... – глухо и словно оправдываясь, произнес Горшков.

– Вода нужна – значит, мы ее найдем. Найдем во что бы то ни стало. А пока я отдаю вам свой стакан. Пейте.

– Нет, нет, не надо...

Внезапно радистка подняла руку, призывая к тишине; она напряженно вслушивалась в наушники, по-видимому с трудом разбирая радиотелеграфные сигналы.

– Что нового? – тихо спросила Мария Ивановна, когда Люда принялась осторожно стаскивать наушники с головы.

– Плохи наши дела.

– Что такое?

– Совсем воды не будет! – испуганно произнес Афанасий Кондратьевич.

– Еще хуже, – ответила Люда, печально и в то же время хитро улыбаясь.

– Говорите, Люда, толком, – проговорила Мария Ивановна.

Лицо Афанасия Кондратьевича стало еще более серьезным. Он медленно приблизился к столу и сурово уставился на радистку.

Афанасий Кондратьевич Горшков, механик, заведующий буровыми машинами поисковой партии, был вечно чем-либо недоволен. Его всегда мучили мысли о том, что все делается как-то не так, и всюду он видел, как он часто любил выражаться, «непорядок».

На нового человека брюзжанье Афанасия Кондратьевича производило удручающее впечатление. Однако сотрудники геологической партии, которым пришлось долго работать с Горшковым, настолько привыкли к его вечному недовольству, что совершенно перестали обращать на это внимание. Наоборот, когда случалось, что Афанасий Кондратьевич по каким-либо делам отлучался из лагеря, многие находили, что без него становится скучно.

Инженер Дорохов и механик Константин Уточкин, прибывшие в лагерь всего два дня назад, с удивлением смотрели то на Горшкова, то на радистку. Они также с нетерпением ждали сообщения новости, полученной по радио.

Если машина везет профессора Полозова, прибытие которого ожидается со дня на день, то, значит, не останется времени, чтобы приладить дополнительную защитную сетку к винту автомобиля-амфибии, предназначенного для путешествия по тоннелям подземной реки.

Между тем Люда поступала, как опытный актер на сцене, томящий публику в ожидании какого-либо решительного слова, от которого зависит разворот дальнейших событий.

– Плохи наши дела, – наконец проговорила она. – Теперь воду для пустыни найдут они, а не мы. – При этом девушка кивнула на инженера Дорохова и Костю, стоявших рядом.

– Едет профессор Полозов?! – радостно воскликнул Костя.

– Совершенно верно.

– Безобразие... – проворчал Горшков. – Я думал, действительно что-либо случилось.

Он машинально схватил стакан с водой, от которого ранее отказался, и осушил его залпом.

В палатке снова раздался смех.

Афанасий Кондратьевич обвел присутствующих ничего не понимающим взглядом и наконец, сообразив, что произошло, махнул рукой и вышел из палатки, что-то бормоча себе под нос.

– Ну, поздравляю вас, – проговорила Мария Ивановна, обращаясь к Дорохову и Косте. – Значит, завтра отправитесь.

Но инженер, обеспокоенный намеченным усовершенствованием защитной сетки у автомобиля-амфибии, принял поздравление холодно.

– Да... Конечно... Вот винт бы еще защитить... – ответил он, рассеянно глядя на Костю.

Присутствующие принялись оживленно обсуждать перспективу предстоящей экспедиции по подземному руслу реки.

Река Янгьер, ранее обильно орошавшая край, теперь превратившийся в пустыню, прекращала свое течение всего в двухстах километрах от места стоянки поисковой партии. Река уходила вначале в каменное ущелье, а затем скрывалась в узкий подземный тоннель. Несколько смельчаков с помощью лодок удалось проникнуть на расстояние всего лишь нескольких километров в глубь этого тоннеля, но дальнейшее продвижение оказалось опасным из-за бурного течения и каменных гряд, грозивших опрокинуть лодку. Между тем проследить русло подземной реки сейчас было крайне необходимо. Это значительно помогло бы найти место, где с помощью бурения можно было бы получить воду, необходимую в большом количестве для промывки и флотации руд.

Увлеченные спором, люди не заметили, как в палатке снова появился Горшков.

– Вот что это значит... – глухо проговорил он, стараясь знаками обратить на себя внимание. – Вот посмотрите!..

– Чем вы еще недовольны, Афанасий Кондратьевич? – весело проговорила Люда.

– Да вот... в руке...

– Что в руке?

– Песок.

– Вам не нравится, что в пустыне – песок? – не унималась Люда.

– Это вы мне не нравитесь! – вспыхнул Афанасий Кондратьевич. – А песок... вот посмотрите...

С этими словами он показал начальнику поисковой партии открытую горсть.

– Где вы нашли? – обеспокоенно спросила Мария Ивановна, ощупывая пальцами слипшийся комочек.

– Рядом с буровой скважиной номер три... Пошел посмотреть, убрали ли трубы, а ноги, чувствую, вязнут иначе...

– Странно... – проговорила Мария Ивановна среди наступившей тишины.

– То-то и дело, что странно! Бурили, бурили в этом месте на полную глубину – и никакой воды нет, а тут – вон какое дело...

– И большая площадь?

– Да, в радиусе метров в десять от скважины песок весь такой.

– Посмотрите, какая сейчас влажность воздуха, – отрывисто произнесла Мария Ивановна, обращаясь к одному из сотрудников.

– Очень и очень небольшая, – последовал через несколько секунд ответ человека, склонившегося над гидрометром – прибором, измеряющим влажность воздуха.

– Ничего не понимаю! – продолжала Мария Ивановна. – Влага не могла в таком количестве поступить из воздуха. Что же это значит?

Сгруппировавшиеся вокруг Афанасия Кондратьевича сотрудники с удивлением шупали песок, неожиданно, по неизвестной причине ставший мокрым в этой совершенно безводной пустыне.

3. Профессор ненавидит собак

Раннее утро, когда ласковые солнечные лучи только начинают золотить волнистое песчаное поле, даже в пустыне прекрасно. Пройдет совсем немного времени, и свет солнца превратится в нестерпимый, палящий поток, беспокойный и жестокий.

Может быть, поэтому Костя так рано вышел из палатки и направился к своей машине. Сегодня она должна была покинуть лагерь и, преодолев по пустыне значительное расстояние, отправиться в путешествие по руслу подземной реки.

Рядом с Костей шел Джульбарс. Собака часто забегала вперед и с грустью заглядывала в глаза своему хозяину.

Можно было подумать, что собака понимала человеческую речь и уже знала о категорическом решении, вынесенном вчера: не брать ее в экспедицию.

Возможно, именно от этого настроение у Кости было грустное. Однако причина плохого настроения могла быть и другая. Дело в том, что ему не понравился профессор Полозов, прибывший вчера в лагерь.

Безукоризненно одетый, стройный старик, подтянутый и, как показалось Косте, гордый, производил впечатление кабинетного ученого.

Это впечатление значительно усилилось после небольшого скандала с Джульбарсом.

Выйдя из машины, профессор направился к встречавшим твердым шагом много исходившего геолога, опираясь на красивую палку с серебряным набалдашником. Именно она и вызвала неудовольствие Джульбарса, подвернувшегося под ноги профессору. Собака злобно зарычала. Полозов замахнулся палкой. Последовала обычная сцена: крики хозяина, лай собаки, возгласы перепуганного человека.

– Безобразие! – вмешался Афанасий Кондратьевич.

– Да... да... Вот именно безобразие! Разве вы не могли бы, молодой человек, держать свою собаку привязанной? – волновался Полозов. – Я вообще не терплю собак, а тут – извольте...

Вот почему робкий намек Кости на то, чтобы взять собаку в путешествие, вызвал грозный и решительный отпор профессора. Костя обратился к механику Горшкову, первому человеку, с которым он встретился по окончании совещания, с просьбой присмотреть за собакой во время его отсутствия и неожиданно получил положительный ответ.

– Это не дело возиться с собакой, – угрюмо сказал Афанасий Кондратьевич. – Да уж ладно... Вот пить нечего. Язык-то, небось, она уже высунула?

– В нашей машине имеется неприкосновенный запас воды, приготовленный для экспедиции. Я вам дам немного, – пробовал Костя задобрить Афанасия Кондратьевича.

Но результат получился совсем обратный.

– Что? – грозно произнес Горшков. – Неприкосновенным запасом поить собаку? Да провались она под землю!

– Так не возьмете собаку?

– А кто вам говорит, что не возьму? Чего вы волнуетесь! Известно – возьму. И будьте спокойны. Говорю вам, как механик механику, – понизив голос, гордо закончил Горшков.

Поздно вечером, перед тем как лечь спать, Костя повстречался с радисткой Людой. Они остановились недалеко от входа в палатку и разговаривали вполголоса. Серебряный круг луны находился уже почти посередине неба. Звезды вокруг на большом пространстве совершенно потонули в ярком свете, и только некоторым из них удавалось пробиться в виде слабых, мерцающих точек.

– А отсюда развалины кажутся маленькими, – тихо произнесла Люда. – Вон посмотрите, где мы были.

– Да, действительно, маленькими, – неопределенно ответил Костя.

В соседней палатке кто-то снова завел патефон.

Мы не опустим паруса... –

под аккомпанемент оркестра запел звонкий голос популярную морскую песенку, зовущую к борьбе с бурей, к смелости и упорству.

– Все одну и ту же пластинку заводят, – проговорила Люда, качая головой в такт мелодии. – Вы любите музыку?

– Очень. Мне кажется, что музыка часто помогает человеку. А эту песню я люблю в особенности.

Послышался чей-то степенный голос:

– Профессор Полозов просит остановить патефон. Он ложится спать.

Мелодия сразу оборвалась. Но она еще долго звучала в голове Люды. Много дней спустя, когда эту же мелодию ей пришлось услышать при самых необычайных обстоятельствах, Люда часто вспоминала эти последние минуты, проведенные с Костей в лагере.

– Собак боится... Музыку не любит... Видно, он всего боится и ничего не любит, – прошептал Костя. – И вот с таким человеком приходится отправляться в опасное путешествие!

– Вы уверены, что профессор Полозов трус?

– Уверен. Кабинетные ученые, вероятно, все такие. И почему это ему взбрело в голову самому отправиться путешествовать по подземной реке!.. Представляете, как с ним будет трудно!

– А вы, Костя, ничего не боитесь?

– Ничего, – хмуро ответил Костя, отвернувшись в сторону, словно стесняясь своего ответа.

Наступило молчание.

– Во всяком опасном деле прежде всего – это товарищи. Если товарищи надежные – бояться нечего, – проговорил Костя. – Вот я помню, как нам приходилось вылезать под обстрелом из горящего танка...

И Костя рассказал о том, как самоотверженный поступок одного из его товарищей спас жизнь всему экипажу.

Заговорившись, Костя и Люда расстались далеко за полночь.

* * *

Несколько месяцев назад известный геолог, специалист по так называемым «подземным» рекам профессор Полозов обратился в научно-исследовательский институт, в котором работал инженер Дорохов, с просьбой оборудовать ему гусеничный и в то же время плавающий, как лодка, автомобиль-амфибию для путешествия по подземной реке.

Эту работу поручили инженеру Дорохову.

Собственно говоря, ничего сложного в ней не было. Автомобили-амфибии, ползающие на гусеницах и плавающие на воде, существуют очень давно в самых разнообразных вариантах. Можно было взять один из них и, приспособив к нему герметически закрывающуюся кабину, снабженную кислородной установкой, смело отправиться на ней в путешествие.

Но не таков был Андрей Леонидович Дорохов.

Он отнесся к поставленной задаче, как и ко всякой, которую ему доводилось решать, с преувеличенной страстью. В самый короткий срок плавающий автомобиль был снабжен не

только бронированной кабиной с удобными отделениями, но и целым рядом сложных и, может быть, даже излишних приборов, которые, по мнению Дорохова, могли пригодиться во время исследования русла подземной реки.

Ко всему примешалось еще упорное стремление Андрея Леонидовича без конца переделывать уже построенный механизм. Инженер Дорохов никогда не был удовлетворен своей работой, и это причиняло много мучений не только ему самому, но и окружающим.

Больше всего доставалось его постоянному механику Косте Уточкину, также отправлявшемуся в путешествие по подземной реке. Механик не имел покоя даже туг, в пустыне, куда машина-амфибия была доставлена несколько дней назад. Дорохову непрерывно приходили в голову какие-то доделки и переделки, без которых, по его мнению, отправиться в подземное путешествие было нельзя.

С большим трудом, пользуясь взятыми с собой инструментами, Костя мастерил новые детали или переделывал старые.

Машина, как уже говорилось, не представляла какой-либо оригинальной конструкции. Это был обыкновенный вездеход на широких гусеницах, похожий на танк, снабженный герметически закрывающейся стальной кабиной.

Впереди танка, словно короткое дуло орудия, выдавалось бурильное приспособление. Единственно, что было в машине необычным, так это двигатель, приводящий механизм в движение. Двигатель был электрический и питался от специальных легких аккумуляторов, запасавших большое количество электроэнергии. Инженер Дорохов, предполагая, что в подземных галереях может встретиться воздух, негодный для дыхания, а следовательно, и для работы обычного бензинового мотора, который, как известно, тоже «дышит», построил свою машину с электрической тягой. Такое решение давало много преимуществ. Прежде всего, не нужно было везти с собой тяжелые стальные баллоны с сжатым воздухом, необходимые для «дыхания» бензинового мотора, а затем, как известно, электрическая тяга всегда отличается способностью хорошо преодолевать крутые подъемы.

Кроме того, амфибия, снабженная электрической тягой, могла, полностью погрузившись в воду, ползать по дну реки. Правда, получить специальные аккумуляторы, лишь недавно разработанные, было очень трудно, но инженер Дорохов проявил необыкновенное упорство и настоял на своем.

* * *

И вот теперь Костя занимался тем, что тщательно осматривал машину, стоявшую на песке.

– Готовитесь отбыть? – услышал он голос Афанасия Кондратьевича, неожиданно очутившегося рядом.

Костя вздрогнул и начал воровато прятать какие-то инструменты в люк машины.

– Да... конечно... – пробормотал он смущенно.

– Волнуетесь, что ли?

– Да... немного...

– Это не годится. Это непорядок, – уныло произнес Афанасий Кондратьевич. – В такое серьезное дело с волнением отправляться нельзя... А чего прячете от меня?

– Да так... ничего...

– Ну-ну... – протянул Афанасий Кондратьевич и замолк, выжидательно глядя на Костю.

– А я вот от буровой вышки номер три, – продолжал он через некоторое время. – Опять песок сухой, а вчера ночью влажным был... Небось, видели? Вот она, загадка какая. Бурим – нет воды. А вчера – пожалуйста! Возле скважины будто кто ведер триста вылил.

Горшков постоял еще некоторое время и, угрюмо произнеся:

– Ну-ну... – побрел, щурясь от солнца, светившего ему в лицо.

Проходя мимо одной из палаток, Афанасий Кондратьевич степенно и с чувством

собственного достоинства поклонился профессору, стоявшему у открытого полога.

– Здравствуйте, – ответил профессор, застегивая синий комбинезон, в котором он собирался совершать путешествие.

– Чем скорее отсюда уедете, тем будет лучше, – произнес Горшков остановившись.

– Это почему же? – спросил удивленный Полозов, еще не привыкший к манере Горшкова разговаривать с людьми.

– Солнце не так будет печь.

– Ах да... конечно... А я подумал, что вы меня прогоняете... Вы, кажется, механик?

– Механик.

Полозов подошел к Афанасию Кондратьевичу вплотную и заговорил тихо:

– Скажите, пожалуйста: вы знакомились с вездеходом, в котором мне придется путешествовать? Как вы находите: надежная машина? Не случится с ней... чего-либо такого... вы понимаете?

– Авария возможна со всякой машиной.

– Да... – вздохнув, согласился Полозов.

– А еще... взрыв какой-нибудь может произойти. Ну, а больше ничего такого случиться не может.

– То есть, как взрыв? Какой взрыв?

– Обыкновенный взрыв, – лениво ответил Горшков. – Если, предположим, запас взрывчатки в машине взорвется, то это и будет взрыв.

– Позвольте... Отчего взорвется? Я не понимаю... Горшков насулился и принялся

мучительно думать.

– Действительно, с чего бы ей взорваться?.. – наконец проговорил он угрюмо, словно недовольный своим умозаключением. – Вот хуже другое... – добавил он через некоторое время.

– Что хуже? – растерянно спросил Полозов.

– Механик ваш, Уточкин, волнуется. Сам видел... Боится ехать, что ли. Неуверенно себя как-то чувствует.

– Это плохо, – грустно заметил Полозов, опять глубоко вздохнув.

Постепенно лагерь поисковой партии стал оживать. Из палаток уже выходили люди, готовые приняться за свое обычное дело.

У входа в одну из палаток стояла Люда.

Она издали наблюдала за Костей, продолжавшим хлопотать у своего вездехода.

Поведение Кости казалось ей странным. Он суетливо возился с каким-то ящиком, поминутно озираясь по сторонам, словно боялся, что его кто-либо увидит.

4. Странные звуки

Постепенно песок стал уступать место каменистому грунту, и стальные гусеницы вездехода громко грохотали по нему, высекая искры. Машина приближалась к тому месту, где многоводная река Янгиер уходила под землю.

За рулем сидел инженер Дорохов; сбоку кабины, перед распределительным щитком и маленькой радиостанцией, – бортмеханик Костя Уточкин. Профессор Полозов расположился в удобном сиденье возле столика, выдвигающегося из стенки, напротив большого овального иллюминатора из толстого броневого стекла.

Внутренность кабины наполнял тихий, монотонный гул двигателя.

– Быстро мы прошли это расстояние... – задумчиво проговорил Полозов, наблюдая через иллюминатор за вараном – почти метровой ящерицей, зарывавшейся в песок при приближении машины.

– Коробку скоростей надо переделать – тогда скорость еще увеличится, – ответил Дорохов. – Немедленно надо переделать, – добавил он решительно через некоторое время.

– Под землей будете переделывать? – тревожно спросил профессор.

– Нет, тут же по возвращении из экспедиции. Профессор вздохнул.

– Костя! – окликнул Дорохов. – Автогенная установка у нас в полной исправности?

Ответа не последовало.

– Я вот думаю, что если разрезать восьмимиллиметровый стальной лист, то... понимаешь? – продолжал инженер.

– Все-таки под землей собираетесь? – снова забеспокоился Полозов.

– Коробку скоростей мы трогать не будем, а вот защитное приспособление к винту – обязательно, на первой стоянке, – сказал Дорохов.

Профессор перевел взгляд от иллюминатора к месту, где сидел Костя. То, что он заметил, обеспокоило его еще больше. Кости на месте не было. Он успел шмыгнуть в маленькое отделение кабины и там, наклонившись, над чем-то возился.

Ежесекундно Костя осторожно выглядывал из дверей отделения, и его лицо было взволнованно, словно он производил что-то недозволенное.

«Волнуется и трусит», мелькнуло в голове у профессора, вспомнившего напутствие Горшкова.

– Костя! Где ты? – прокричал Дорохов, не оборачиваясь к механику.

Костя быстро возвратился на свое место.

– Я проверял автогенную установку, – проговорил он, усаживаясь за пульт.

Вездеход, карабкаясь по камням, перебрался через перевал и начал спускаться.

В овальные стекла иллюминаторов стала видна протекавшая внизу река, окаймленная редкой и чахлой растительностью.

Профессор поднялся и, облокотившись на выступ иллюминатора, принялся наблюдать.

– Вот она! – проговорил он немного торжественно. – Таинственная река Янгиер! Теперь мы разберемся, куда ты несешь свои воды!

– И вездеход проверим в подземных условиях! – также торжественно добавил Дорохов.

Профессор обеспокоенно посмотрел в сторону инженера.

– Подземные реки существуют на земле в достаточном количестве, – продолжал Полозов. – Большинство из них ушло под землю постепенно. Вода размывала легкорастворимые породы, находившиеся в определенном месте дна реки, и строила себе подземное русло. Эта же река ушла под землю в результате землетрясения. Случай очень редкий и почти не исследованный. Еще не установлено, друзья мои, куда деваются воды реки Янгиер. Обычно подземные реки или снова появляются на поверхности, или подземным путем уходят в море. А в поведении этой реки есть нечто странное...

– Вот и автомат для подачи масла в подшипники ведет себя очень странно, – задумчиво проговорил Дорохов. – Масла уходит много.

Профессор снова подозрительно посмотрел на спину инженера, сидевшего за рулем, и, поджав губы, отвернулся к стеклу.

Вскоре вездеход приблизился к реке и остановился на каменистом берегу. Участники экспедиции вышли из машины и занялись поисками удобного места для спуска вездехода в воду.

Было уже далеко за полдень, и солнце пекло безжалостно. После раскаленного песчаного поля странно было видеть совершенно прозрачную, чуть голубоватую воду, стелющуюся в виде ленты среди каменистого поля. Совсем далеко виднелись серые горные складки. Туда текла река, постепенно замыкавшаяся ущельем.

Костя вернулся в машину раньше других. Он уселся за пульт и включил радиопередатчик. На распределительной доске вспыхнула красная сигнальная лампочка.

– Люда!.. Люда!.. Вы слышите меня? Люда!.. – заговорил Костя в блестящий пластмассовый микрофон. – Хорошая слышимость? Ну и чудесно! Мы уже на берегу реки... Что? Спасибо... Через несколько минут спускаемся в воду... Да... Да... Ждите меня в условленное время... Что? Не меня, а мою передачу... Всего доброго... Привет всем... До свиданья...

Улыбаясь, Костя снял наушники и повесил их на свое место.

Спуск машины с относительно крутого берега прошел благополучно. Вслед за этим вездеход быстро поплыл вниз по течению, рассекая воду своей стальной грудью.

Все выше и выше становились берега. Наконец они превратились в глубокое и темное ущелье. А еще через некоторое время участники экспедиции увидели в иллюминаторы зияющее черное отверстие. Это была каменная пещера, через которую река уходила под землю.

Костя поднялся и вплотную приблизился к иллюминатору. Прижавшись лбом к стеклу, он смотрел вверх.

– Что вы там увидели? – заинтересовался Полозов.

– Ничего особенного, – ответил Костя. – Просто прощаюсь с солнечным светом.

«Трусит», опять пронеслась назойливая мысль в голове профессора.

Дневной свет исчез сразу. Вместо него в кабине вспыхнули матовые электрические лампочки, вделанные в стены. Шум работающего винта, доносившийся снаружи, резко изменился и стал громче. Его отражали каменистые стены подземного тоннеля.

Сильный прожектор, установленный на носу машины, посылавший свой пучок света далеко вперед, то скользил по ряби воды, то задевал серые стены, изрезанные мелкими трещинами. Мимо овальных иллюминаторов быстро проносились хорошо освещенные рассеянным светом вспенившиеся волны.

– Кажется, фиксатор рулевого управления закрепляется недостаточно туго, – с досадой произнес Дорохов, всматриваясь в пульт управления, освещенный синим светом маленьких лампочек.

– Настоящему инженеру ничего не должно «казаться», Андрей Леонидович, – немного иронически заметил Полозов. – Разве нельзя было все это проверить раньше?

– Ну, как вам объяснить... – ответил Дорохов. – Я, например, уверен, что настоящий инженер – это тот, кто непрерывно стремится усовершенствовать любую, даже самую замечательную машину. А человек, довольствующийся уже существующей, – это не инженер.

– Гм... – произнес Полозов. – Возможно... Только не под землей...

– А вы не беспокойтесь, Валентин Петрович, – вмешался Костя. – Наша машина очень надежная, и бояться чего-либо не нужно: все будет в порядке.

Постепенно подземный тоннель стал сужаться. Одновременно с этим увеличилась и скорость течения воды. Вездеход приближался к порогам. Но стальная гусеничная машина легко преодолела их и вскоре снова понеслась по гладкой воде.

Мимо иллюминаторов все быстрее и быстрее стали мелькать мрачные, седые камни, причудливо выдававшиеся из стен. Подземное русло реки то и дело меняло направление, и Дорохову, сидевшему за рулем, пришлось сосредоточить все свое внимание, чтобы не наткнуться на каменную стену.

Вдруг профессор насторожился. Он медленно обвел взглядом кабину, снова внимательно посмотрел в иллюминатор и произнес тихо:

– Странная вещь: мне показалось, что я слышу... плач ребенка. Вы ничего не заметили?

– Ученым ничего не должно «казаться», – заметил Дорохов, усиленно вращая баранку рулевого управления.

– То есть... Позвольте... Я слышал ясно!

– Это действительно вам только показалось, – заметил Костя.

Между тем глубина подземной реки значительно уменьшилась, и водный поток забурился еще больше. Вездеход стал испытывать толчки. Видно, его днище снова наткалось на подводные камни.

Дорохов выключил гребной винт, и машина стала двигаться, лишь увлекаемая течением.

Однако вскоре и этого оказалось недостаточно. Скорость возросла настолько, что появилась опасность при резком повороте разбиться о стену, пришлось включить задний ход. В кабине послышался шум бешено работающего гребного винта, тормозившего вездеход.

Вскоре луч прожектора вырвал из глубины подземного мрака красивую и в то же время страшную картину. Вдалеке виднелся бурлящий фонтан из брызг и водяной пыли. А еще немного дальше тоннель заканчивался глухой отвесной стеной.

Стало ясно, что впереди водопад.

– Серьезное дело, – хмуро проговорил Дорохов.

В это время машина, по видимому наткнувшись на большой камень, на мгновение приняла почти вертикальное положение.

– Ого!.. – вскрикнул Полозов, судорожно уцепившись руками за подлокотники своего сиденья.

– Вот где пригодилась бы дополнительная защитная сетка винту, – процедил сквозь зубы Дорохов, выравнивая машину с помощью включения гусениц. – Подготовьте дополнительный мотор, Костя.

Костя передвинул несколько рычагов и, не выпуская из руки один из них, принялся напряженно всматриваться в переднее стекло.

Облако брызг приближалось быстро. Машину резкими рывками бросало из стороны в сторону. Кабину наполнил лязг и скрежет стали, царапающей камни.

Несмотря на серьезность положения, Костя изредка поглядывал на профессора, продолжавшего сидеть у иллюминатора. К его удивлению, «кабинетный» ученый вел себя очень достойно и не проявлял никаких признаков страха. Гордо откинув свою голову, увенчанную густой шапкой седых волос, Полозов сидел спокойно, немного щуря глаза.

Костя сообразил, что профессор ради предосторожности снял золотое пенсне.

Посматривал и Полозов на Костю. Лицо юноши приняло суровое и решительное выражение.

«Не очень боится», решил Полозов.

В это время его внимание снова привлек странный звук. Среди шума кипящей воды и ударов стенок машины о камни было трудно разобрать, что это такое. Во всяком случае, подобный звук не могли издавать какие-либо части машины. Не было никакого сомнения, что этот жалобный, напоминающий вой или плач звук доносится извне.

Профессор, рискуя удариться, приблизился вплотную к стеклу.

Машина проходила под низко нависшими каменными глыбами. Бушующими волнами плескалась о черные стены вода.

Стон снова повторился.

– Я опять слышал! – прокричал Полозов, стараясь перекрыть шум.

Но ни Дорохова, ни Костю уже не могли заинтересовать слова профессора.

Машину неуклонно тянуло к бушующему подземному водопаду.

5. Костя надеется встретить динозавров

Представьте себе, что вы находитесь в полной темноте. Совсем рядом бурлит, клокочет вода. Вы прислушиваетесь к этому шуму. Он необычен. Гулко разносится рев воды, словно многократно отраженный от стен огромного помещения. Но вот откуда-то появляется слабый свет. Вы видите, как он постепенно увеличивается. Это начинает светиться пенящаяся вода. Теперь уже виден контур овального отверстия, из которого, с ревом преодолевая каменные гряды, несется освещенная изнутри вода и падает вниз.

Вскоре свет становится ослепительным. Переливаясь всеми цветами радуги, высоко вверх поднимаются миллионы мельчайших брызг.

То вверх, то вниз прыгает приближающийся к вам источник света.

Это прожектор вездехода-амфибии, среди пенистой воды карабкающегося с помощью стальных гусениц по нагромождению камней.

Но вот машина, преодолев последние гряды, вошла в спокойную воду. Она ползет дальше, то появляясь над поверхностью воды, то погружаясь совсем.

* * *

Когда был открыт люк и трог путешественников взобрались на стальную спину своей машины, перед ними открылась замечательная картина.

Они находились в огромном сказочной красоты гроте, одном из тех, которые нередко встречаются под землей.

Луч прожектора, упершись в потолок, освещал каменное подземелье мягким, рассеянным светом. Отчетливо было видно, как блестят, переливаясь, прозрачные грани кварца, вкрапленные в черные стены, изрезанные многочисленными ущельями. С потолка свисали вот-вот готовые сорваться каменные глыбы. А посередине грота раскинулось широкое подземное озеро.

– Ничего себе была переделка! – воскликнул Костя, указывая рукой на бушующий поток воды, вырывающийся из продолговатого отверстия.

Именно через это отверстие машина проникла в грот, преодолевая нагромождение огромных и скользких камней. Дальше машина поползла по дну озера и теперь стояла на берегу недалеко от стены, блестящей от влаги.

– Надо будет усовершенствовать буферные выступы, – задумчиво проговорил Дорохов, вспоминая страшную тряску при прохождении через груды камней.

– Явление карстовое, – сухо проговорил Полозов, обращаясь неизвестно к кому.

– И вот защитная сетка... – начал было Дорохов.

– Да, карстовое! – перебил профессор. – Это значит, вода размыва все растворяющиеся породы, а каменные стены остались. А называется карстовым по имени местности, где впервые было обнаружено и изучено это явление. В сущности, оно очень распространено в природе!

– А куда дальше уходит вода? – заинтересовался Костя.

Полозов посмотрел на него недоумевающим взглядом:

– Мы же для этого сюда и прибыли! Немного отдохнем и приступим к исследованиям.

– А скажите, Валентин Петрович, возможна такая вещь, что одна из этих глыб сорвется сама собой? – не унимался Костя, указывая рукой вверх.

– Не поручусь... На всякий случай надо будет ходить осторожно. Это общее правило для подобных подземелий, – ответил Полозов. – Интересно было бы обследовать дно озера, – добавил он через некоторое время.

Вдруг среди равномерного шума воды откуда-то послышался тихий протяжный, жалобный вой. Профессор резко повернулся на месте и стал оглядываться по сторонам.

– Вы слышали? – проговорил Полозов, обращаясь к Косте.

– Да... Действительно... – забормотал Костя. – Тут, наверное, находятся какие-то подземные обитатели.

– Вообще встречаются, но, насколько я помню, это рыбы, рачки, черви... слепые и безмолвные, – ответил Полозов.

Некоторое время все трое стояли молча, прислушиваясь. Иногда им казалось, что к шуму воды примешиваются какие-то посторонние звуки, но существовали ли они в действительности, определить было трудно.

– Озеро обмелить можно очень просто, – нарушил Костя молчание.

– Каким образом? – удивился профессор.

– Совсем пустяк.

– Пустяк?

– Конечно! Вы видите каменные глыбы, свисающие над выходом, откуда идет вода? – продолжал Костя. – Они еле держатся. Килограммов пять взрывчатки – и все полетит вниз.

– И частично, а может быть, и совсем закроет доступ воды в грот, – сухо подтвердил Дорохов.

– Для воды – частично, а для нас выход на поверхность – полностью, – спокойно заметил профессор.

Это замечание, как видно, совершенно взбесило инженера Дорохова. С видом явного превосходства он принялся осматривать профессора с ног до головы.

– Для кого закроет доступ на поверхность? Для нас?.. Даже как-то странно слышать подобное предположение. Или вы окончательно не верите в могущество советской техники, или просто смеетесь над нами, – горячо, отчеканивая каждое слово, заговорил инженер. – Посмотрите, как устроен нос у нашей машины, – продолжал он. – Разве вы не видите вот этот выступ? Может быть, вы думаете, что он сделан для украшения? Нет, не для украшения... Отсюда автоматически выдвигается мощный телескопический бур. Также автоматически, в то время как мы будем находиться в бронированной кабине, в просверленное отверстие вставляется заряд взрывчатки. Дальше следует взрыв. Снова работает бур, и снова взрыв. Специальными ковшами вездеход выгребает разрушенную породу назад и расчищает, таким образом, путь впереди себя. Эту работу он может производить, даже находясь под водой. А вы говорите – закроет доступ...

– Все это мне было известно и раньше, – спокойно ответил профессор. – А в настоящее время неизвестно лишь одно: не произойдет ли этой самой... аварии?

Тут настал черед и для Кости принять позу оскорбленного человека.

– Уверяю вас, профессор... – волнуясь, начал он, но, видно, не нашел подходящих слов и умолк.

– Вот боковые лопасти нужно было бы сделать толще, – продолжал инженер, снова погрузившийся в размышления об усовершенствовании своей машины.

– Да... было бы неплохо... – протянул Полозов.

– Лопастей сделать толще?

– Нет, зачем – озеро обмелеть...

Оставив профессора и инженера договариваться насчет обмеления озера и улучшения лопастей, Костя быстро спустился в люк. Приближалось время, условленное для радиосвязи.

Через несколько минут из люка слышался его радостный и задорный голос:

– Люда?.. Хорошо слышно?.. Все благополучно. Находимся в гроте... Как в сказке!.. Сказочный грот, говорю... И животные водятся, которые кричат... Да... Еще не видели. Возможно, динозавры. Не знаю... Не знаю...

Костя засмеялся чему-то громко, а затем стал разговаривать тихо. Он сидел перед радиоприемником, прижимая левой рукой один из наушников, а правой поддерживая микрофон.

* * *

В палатке поисковой партии, окруженная сотрудниками, перед радиопередатчиком сидела Люда.

– Передайте от меня всем привет и пожелание успехов, – проговорила начальник партии Мария Ивановна.

Люда выполнила поручение.

– И от меня привет, – пробасил стоявший тут же Горшков. – А Косте скажите, чтобы он ничего там не боялся... Я видел, как он волновался. Это безобразие.

– Афанасий Кондратьевич передает вам привет! – проговорила Люда, давась от смеха. – И говорит, что с таким смелым человеком, как вы, экспедиции опасаться нечего.

Горшков что-то буркнул и недовольный отошел в сторону.

– Как поживает ваша собака? Сейчас спрошу! – прокричала Люда в микрофон. – Афанасий Кондратьевич, Костя спрашивает вас, как поживает его собака, – обратилась она к Горшкову.

– А чего ей станется... Бегают где-то... – обиженно выдавил Горшков, угрюмо поглядывая на радистку.

– Афанасий Кондратьевич говорит, что целый день от нее не отходит. Даже купал ее несколько часов назад! – прокричала Люда, заливаясь смехом.

Но через минуту лицо Люды стало серьезным:

– Мария Ивановна, профессор Полозов хочет говорить с вами.

Мария Ивановна надела наушники.

– Влажность песка?.. Да... продолжается по-прежнему... Явление необъяснимое... – слышался голос начальника поисковой партии. – Хотите обмелить подземное озеро, завалив вход?.. Поступок очень смелый... Машина проверялась неоднократно... Да... Ручаюсь... Только делайте все очень осмотрительно... Хорошо... Жду сообщения. Всего доброго!

Наушниками и микрофоном снова завладела радистка:

– Костя! Может быть, хотите послушать вашу любимую пластинку?.. Хотите!

Кто-то из сотрудников, сообразив, в чем дело, уже тащил патефон к радиопередатчику. Через минуту из рупора, к которому был прислонен микрофон, слышалась знакомая песня:

Мы не опустим паруса,
Пусть кричат нам альбатросы...

* * *

Вооружившись альпенштоком и веревкой, Костя вылез из машины и тронулся в путь. Ящик со взрывчаткой он нес на спине, привязав его ремнями.

Приходилось идти вдоль берега подземного озера. Прожектор лодки, направленный в сторону отверстия, откуда вырывалась вода, хорошо освещал путь.

Костя шел, насвистывая любимую песенку, только что услышанную по радио.

Вскоре он очутился вблизи бушующего потока и принялся изучать стену, по которой ему предстояло взбираться вверх.

Это была стена, испещренная мелкими трещинами. В разных местах торчали каменные выступы, образующие иногда удобные площадки.

Костя приготовил веревку с петлей и, размахнувшись, удачно набросил ее на один из выступов. Подниматься было легко. Правда, стены, мокрые от брызг, были очень скользкие, но Костя, хорошо тренированный спортсмен, легко преодолевал все трудности.

Вот он уже стоит на довольно широкой площадке. Дальше двигаться незачем. Именно в этом месте можно установить ящик с толом. Рядом с площадкой находится тонкое основание каменной глыбы, почти готовой самостоятельно свалиться вниз.

Нисколько не торопясь и продолжая насвистывать песенку, Костя принялся прилаживать ящик.

Обратно юноша решил спускаться на веревке. Когда он, перебирая руками мокрую веревку, уже скользил вниз, над его головой, словно бенгальский огонь, рассыпая фиолетово-красные искры, горел бикфордов шнур.

Костя рассчитал время горения шнура с большим запасом. Он прекрасно успеет спуститься, до машины и спрятаться в ее бронированном туловище. Но все же было не очень приятно находиться рядом со взрывчаткой, к которой, хотя и медленно подбирался огонь, и Костя решил поторопиться.

Однако спуску очень сильно мешали огромные выступы. От раскачивания веревка то и дело терлась и наконец заклинилась в расщелине.

Костя увидел, что висит над самой серединой бурлящего потока.

Он пробовал раскачаться, но еще больше испортил дело. Веревка заклинилась между двумя выступами в другом месте.

Единственный выход – снова подняться наверх...

Костя внимательно осмотрелся и стал подтягиваться на руках.

Словно предупреждая о грозящей опасности, на голову Кости, приближавшегося к взрывчатке, неожиданно посыпался дождь красных искр.

6. Взрыв

Профессор Полозов и инженер Дорохов сидели за выдвижным столом и внимательно изучали карту.

– Теперь мы находимся вот тут, – проговорил Полозов, указывая карандашом. – Быстро прошли. Это уже под территорией пустыни.

– Если бы немного изменить защитную сетку у гребного винта, то машина двигалась бы по воде еще быстрее, – произнес инженер.

– Не нужно... Ничего не нужно изменять в вашем вездеходе. Все работает прекрасно... Интересно, куда дальше уходит вода?.. Вот смотрите: это схема подземного хода составленная мною на основании наблюдений и измерений о время пути. Можно предположить, что дальше...

Профессор не договорил фразы. Послышался странный звук, напоминающий чавканье.

– Что такое? – тревожно произнес профессор, подходя к люку.

– Может быть, какой-нибудь мастодонт бродит по пещере?

– Никаких мастодонтов тут не должно быть... Надо хоть немного интересоваться зоологией и геологией, Андрей Леонидович! – раздраженно ответил профессор.

– Вы же не интересуетесь моей защитной сеткой к винту...

– И очень плохо... очень плохо. Признаюсь, что плохо... Надо выйти и посмотреть. Все эти таинственные звуки начинают меня раздражать...

Через минуту они находились уже на плоской площадке вездехода. Однако самый тщательный осмотр не привел ни к чему. Поблизости никого не оказалось.

– Почему это до сих пор нет Кости? – тревожно проговорил Дорохов, всматриваясь в бурлящий поток воды виднеющийся вдали. – Жаль, что я не настоял на своем и не отправился вместе с ним.

– Но он ведь опытный подрывник?

– Опытный. Однако...

– Что «однако»?

– Мало ли что может случиться!

– Да... конечно... – задумчиво произнес Полозов. – Знаете что, Андрей Леонидович? Я, пожалуй, пойду посмотрю.

– Теперь это опасно. Давайте попробуем позвать...

– Ко-о-о-о-остя-а-а!.. – прокричал Дорохов.

Ему ответило необычайно гулкое и продолжительное эхо.

– Ко-о-остя-а-а-а!.. – тревожно повторил Дорохов.

Ответа не было по-прежнему. Но через минуту совершенно отчетливо донесся звук, очень похожий на жалобный вой.

– Опять... Вы слышите?.. – забеспокоился Полозов.

Если бы люди в это время находились не на площадке, а в кабине машины, то они бы увидели странную картину. В одном из маленьких отделений кабины без всякой видимой причины зашевелился ящик. Его крышка, на которую были навалены разные предметы, стремилась самостоятельно приподняться.

Но люди, продолжавшие звать Костю, ничего этого не видели. Не увидели они также, как из ящика с большим трудом выкарабкалась собака, угадавшая по интонации крика, что ее хозяину грозит опасность.

Собака быстро обнюхала помещение, выпрыгнула из люка и помчалась, опустив голову, по следам Кости.

– Его не следовало бы отпускать одного. Это я виноват, – взволнованно говорил Дорохов, спускаясь по лестнице.

За ним, торопливо перебирая ногами ступени, следовал старый профессор.

Обгоняя друг друга, оба помчались к отверстию, откуда вырывалась вода.

Но вот Дорохов остановился и ухватился за рукав Полозова.

– Посмотрите! – испуганно прошептал Дорохов. – Горит бикфордов шнур...

Несколько секунд оба стояли в нерешительности. Затем профессор, не говоря ни слова, неожиданно сорвался с места и бросился бежать по направлению порогов.

– Взрыв!.. Может произойти взрыв! Каждую секунду! Остановитесь!.. – кричал Дорохов, стараясь догнать профессора.

Но профессор, прыгая с камня на камень, быстро мчался вперед.

– Костя!.. Костя!.. Костя!.. – кричал он срывающимся голосом, стараясь перекрыть шум воды.

Полозов не видел, как в это время сверху карабкалась по каменным уступам большая кудлатая собака. Не видел этого и Дорохов, поскользнувшийся на камне и упавший на землю. Никто также не видел, как Джульбарс, остановившись на площадке, несколько секунд наблюдал за снопом искр, разбрасываемых бикфордовым шнуром, понюхал привязанную веревку, а затем со всего размаху бросился вниз, в воду.

Через две-три секунды раздался взрыв.

Могучая воздушная волна застигла Полозова на берегу озера, столкнула в воду, и он погрузился с головой на значительную глубину.

Возможно, именно это обстоятельство спасло профессора от града камней, вслед за этим посыпавшихся сверху. Однако один из камней все же успел нанести профессору сильный удар в правое плечо.

Барахтаясь в холодной воде, Полозов чувствовал резкую боль. Правая рука оказалась поврежденной, и приходилось работать лишь левой.

Для старого, опытного путешественника, каким был профессор Полозов, не впервые тонувшего на своем веку, вначале положение не казалось опасным. Однако уже спустя минуту он понял, что силы оставляют его.

– Помогите... – прохрипел Полозов и погрузился с головой в воду.

Еще несколько раз удалось профессору поднять голову над водой, но он уже прекрасно понимал, что все это продлится недолго.

Кроме бездействующей руки, плыть к берегу мешали одежда и тяжелые походные сапоги. Течение уносило его все дальше и дальше.

Вдруг он ощутил совершенно отчетливо, что зубы какого-то животного хватают его сзади за больное плечо. Полозов попытался левой рукой нанести удар врагу, но сделать этого не смог.

Вскрикнув от боли, он потерял сознание.

* * *

Уже давно прошло время, условленное для радиосвязи, Люда сидела в палатке одна.

Она продолжала внимательно вслушиваться в наушники, изредка подкручивая ручки настройки своего радиопередатчика. Время от времени снова повторялся ее монотонный и немного тревожный голос:

– «Амфибия»... Я «Пустыня»... «Амфибия»... Я «Пустыня»...

В палатку вошел Афанасий Кондратьевич.

– Безобразие! – проговорил он, приближаясь к радистке.

– Что такое? – спросила Люда, не поднимая головы.

– Да вот... собака исчезла... Словно как в землю провалилась. Наверное, погналась за вездеходом... Нигде нет! Так и передайте Косте.

– Некому передавать, Афанасий Кондратьевич. Вот уже час, как Костя не отвечает.

– Вот еще новость! – проворчал механик.

– Когда вы видели собаку последний раз?

– Да признаться по-честному, с тех пор как машина уехала, я ее не видел совсем. Товарищ Уточкин сказал, что закрыл ее в третьей палатке. После отправления машины я пришел туда – нету... Ну, подумал, бежит где-нибудь...

Афанасий Кондратьевич постоял еще некоторое время у передатчика, тяжело вздыхая и переминаясь с ноги на ногу, и медленно направился к выходу.

– Вот не знаю... – проговорил он задерживаясь. – Надо сообщить Марии Ивановне... Когда я лежал на песке возле буровой скважины, то... возможно, мне показалось... одним словом, будто из-под земли взрыв был слышен...

* * *

Все случившееся было совершенно невероятно, и Дорохову не хотелось верить.

Несколько раз он уже подходил к радиопередатчику, чтобы сообщить о несчастье на поверхность, но рука поднятая для того, чтобы включить аппарат, опускалась сама собой.

Бесследно исчез Костя Уточкин.

На раскладной кровати, поставленной у стены кабины, лежал с забинтованным плечом профессор Полозов.

– Я припоминаю, – говорил он с трудом, – что на меня напала какая-то большая рыба или животное. Вот до сих пор отчетливо ощущаю, как она схватила меня за больное плечо. Это невероятно! Согласитесь сами... Ведь больших рыб или животных в подземных озерах не встречается...

– И еще странно то обстоятельство, – задумчиво проговорил Дорохов, – что я нашел вас на берегу сравнительно далеко от того места, где раньше была вода... Вы не помните, не ползли ли вы сами?

– Этого не может быть. Человек, потерявший сознание, как известно, не двигается.

– Странно...

– Очень странно...

Дорохов снова вылез на площадку.

После взрыва грот значительно изменился. Огромное озеро превратилось в маленькую лужицу. Исчез шум воды. Обвалившаяся масса камней засыпала отверстия, откуда в грот поступала вода. Правда, под большим напором она продолжала бить сквозь щели в камнях длинными фонтанирующими струями, но общее количество поступающей воды было ничтожно. Работа Кости не пропала даром. Теперь профессор мог удобно исследовать подземные ходы и расщелины, освобожденные от воды.

Уже два раза осматривал Дорохов место взрыва, но обнаружить тело Кости ему не удалось. Горький комок подступал к горлу Дорохова, стоявшего на площадке. Быстро сменяясь, пронесли воспоминания о неразлучном механике, с которым Дорохов работал уже много лет, добром и чутком товарище.

– Искать, искать еще. Искать, пока тело не найдется. А вдруг он живой! – тихо шептал инженер, сжимая кулаки.

Неожиданно Дорохов замер. Ему показалось... Но нет, этого не может быть...

Инженер спустился в кабину.

– Ну как? – озабоченно спросил Полозов, приподнявшись на постели.

Инженер ничего не ответил. Он медленно опустился на сиденье.

– Сколько машин и разных приборов понастроили мы вместе с Костей! – глухо проговорил он. – Вы знаете, как я люблю технику и как близки и дороги мне эти машины. И вот... все эти машины, вместе взятые, и тысячи других, самых совершенных и самых замечательных, не стоят одной человеческой жизни...

Полозов, стараясь не шуметь, осторожно поправил подушку и уселся еще выше.

– Иногда людям приходится жертвовать собой, Андрей Леонидович, – немного виновато, не глядя на инженера, начал он. – Жертвовать собой ради прогресса науки, ради того, чтобы машины были более совершенны. В капиталистическом обществе, где каждое научное достижение служит для порабощения людей, где каждая новая, усовершенствованная машина выбрасывает на улицу новые толпы безработных, – это бессмысленные и жестокие жертвы... В нашей же стране труд стал делом чести и доблести, а самоотверженные поступки ради прогресса науки и техники – делом величайшей чести, доблести и геройства... Но поиски Кости мы еще будем продолжать, – тихо закончил профессор.

– Я хочу немедленно отправиться на поиски, – проговорил инженер поднимаясь.

Во время сборки необходимых вещей инженер неожиданно увидел, как Полозов приподнялся с постели, внимательно к чему-то прислушиваясь.

– Тише... – прошептал профессор. Дорохов замер.

– Мне показалось, что я слышал отдаленный лай собаки... Вот уж поистине таинственная пещера! – проговорил профессор, снова опускаясь.

– И мне показалось.

– Вот видите!

– Мы беспрерывно думаем о Косте, и потому нам кажется. Ведь Костю трудно представить без его собаки.

– Возможно, – пробормотал профессор, закрывая глаза.

Однако в следующую минуту профессор быстро поднялся и свесил ноги с постели.

– Что случилось? – тревожно спросил Дорохов.

– Иду с вами.

– Это невозможно. Лежите.

– Нет, иду. Лежать тут не хочу и не могу. Чувствую себя не так уж плохо, чтобы валяться, когда дело идет о спасении человека.

Увидев непреклонную решимость Полозова, Дорохов перестал возражать. Прихватив с собой сильные электрические фонари, веревку, топоры и разную мелочь, они вылезли из люка и отправились на поиски.

Было решено тщательно обследовать часть грота, противоположную той, где был произведен взрыв. Ведь тело Кости могла унести вода.

Несмотря на то что профессор шел, преодолевая боль, они быстро достигли стены и углубились в одну из расщелин. Свет прожектора машины не достигал сюда. Приходилось идти, освещая дорогу электрическими фонарями.

Глухо разносились шаги в узком каменном коридоре. Иногда ноги попадали в мелкие лужицы, и тогда еще влажные стены отражали звонкий всплеск.

Неожиданно луч света упал на продолговатый белый предмет, совершавший на земле конвульсивные движения.

Путники ускорили шаг. Оказалось, что это небольшая рыба барахтается в лужице.

– Видите! Совсем белая. Все живые существа в подземных озерах – белые. Света тут нет, и краска для организма становится ненужной... Замечательный экземпляр! – проговорил Полозов наклонившись.

Как бы в подтверждение слов профессора в этой же лужице оказался плавающий червь

длиной около пятидесяти сантиметров, тоже совершенно белый.

– Идемте! – заторопил Дорохов.

– Вы не думайте, что, интересуясь рыбой и червяком, я забыл о Косте, – проговорил профессор, поровнявшись с Дороховым. – Присутствие этих существ говорит о том, что тут раньше протекала вода. Следовательно, она именно сюда могла унести Костю.

Вскоре путь преградил широкий колодец. Дальше была стена. Следовательно, вода уходила только в колодец, вниз.

Дорохов ползком приблизился к краю. Свет его фонарика скользнул по совершенно отвесной стене и потерялся в бесконечной глубине.

Впрочем, глубина колодца не была бесконечной. Где-то совсем далеко виднелся слабо фосфоресцирующий голубоватый свет. Погасив свой фонарик, Дорохов убедился в этом окончательно.

– Внизу свет, – прошептал он.

– Не может быть!

– Посмотрите.

Профессор с трудом опустился на землю и также подполз к краю.

– Что за чертовщина! – проговорил он. – Откуда это свечение?

– Может быть, фосфор?

– Надо хоть немного знать геологию, Андрей Леонидович... Разве может быть в этом месте фосфор! Он бы давно окислился от воды и перестал светиться. Это не фосфор, это совершенно невероятная вещь!

– Ко-о-о-о-остя-а-а!.. – закричал Дорохов.

Когда утихло раскатистое эхо, где-то совсем далеко, даже трудно было определить – откуда, послышался тихий собачий лай.

– Опять... Вы слышите? – прошептал Дорохов приподнимаясь.

7. Снова загадочное свечение

Совершенно разбитые длительными поисками, профессор и инженер вернулись в машину и легли отдохнуть.

Усталость и пережитые волнения сказались немедленно, и оба заснули мертвым сном.

Вскоре Полозову приснился кошмар. Ему казалось, что его щеку лижет большая собака. Профессор, не любивший собак, отбивался изо всех сил. Наконец, совершив над собой невероятное усилие, как это часто делают люди, желающие избавиться от неприятного сновидения, Полозов проснулся и увидел... увидел собаку, стоявшую передними лапами на его постели.

Профессор громко сказал «Брысь!» и на всякий случай протер глаза.

Перед ним стоял Джульбарс.

– Андрей Леонидович! Проснитесь! Собака! – закричал Полозов.

– А?.. Что?.. Опять?.. – забормотал Дорохов, вскакивая с постели. – Вот так штука! – продолжал он. – Значит, она действительно была тут! Только подумать... Неужели она бежала и плыла за нами?.. Джульбарс, где Костя?

Собака присела на задние лапы и, быстро виляя хвостом, принялась лаять, поворачивая пасть во все стороны.

– Не понимаю!

Собака вскочила и побежала к открытому люку, указывая этим, что людям необходимо следовать за ней.

Широкая галерея, по которой пришлось идти вслед за собакой, круто спускалась вниз.

Путешествие было длительным. Временами приходилось карабкаться по грудам камней, громоздившихся в проходе, а иногда спускаться в провалы и подниматься вновь по скользким стенам.

Вскоре Полозов и Дорохов очутились на широкой и почти ровной площадке. Взглянув

вверх, Полозов вскрикнул от удивления.

Причудливо и с необычайным капризом проделывает вода под землей свои ходы. И виновата в этом не столько вода, сколько породы, залегающие под землей. Мягкие, растворимые пласты перемежаются с твердыми, каменными, и идут они то строго горизонтально, то наклонно, а иногда и совершенно отвесно. Вот почему широкие подземные галереи часто переходят в почти отвесные колодцы, эти колодцы пересекают другие галереи, и все вместе представляет собой сложный и запутанный лабиринт из широких, узких, вертикальных и горизонтальных проходов.

Наши путники, пройдя по одной из боковых галерей, оказались на дне широкого каменного колодца.

Но не это обстоятельство вызвало восклицание профессора.

Дело было в том, что высоко над головой виднелось голубоватое свечение, замеченное уже раньше.

– Кажется, это тот самый колодец, в который мы смотрели сверху, – проговорил Полозов.

Между тем собака требовала идти дальше. Она звала в маленькую расщелину в стене колодца.

Сделав всего несколько шагов, люди увидели то, что искали.

На гладком, хорошо отполированном водой каменном полу лежал Костя в комбинезоне, изорванном в клочья.

– Я приведу сюда машину: там медикаменты, – проговорил Дорохов и, прежде чем профессор успел что-либо ответить, бросился бежать назад. Дорохову хотелось верить, что Костя жив.

* * *

Костя действительно был жив.

Все, что он рассказал, уже находясь в кабине вездехода, было в высшей степени интересно.

Он помнил, как прыгнул в воду, и, видно ударившись о камень, сразу потерял сознание. Когда он пришел в себя – почувствовал, что лежит на каменной площадке. Бурный поток прибил его к стене. Его ноги находились в воде, стремительно несущейся мимо. Где-то вдали чуть был виден свет прожектора.

Костя попытался встать, но сделал неверное движение. Его подхватил поток, бороться с которым было трудно.

Вскоре Костя почувствовал, что плывет уже в спокойной воде. Было темно. Его рука коснулась отвесной стены. Он пытался найти выступ, чтобы зацепиться за стену, но ему не удавалось. Он чувствовал, что вода, в которой он плыл, уходит все ниже и ниже.

Неожиданное событие придало ему новые силы и прибавило надежды на спасение. По-видимому, с огромной высоты, если судить по силе всплеска, к нему бросилась в воду собака – его старый фронтальной друг Джульбарс.

Вместе держаться на воде стало легче.

Бесконечно тянулось время. Между тем уровень воды опускался все ниже, и наконец ноги Кости коснулись дна.

Теперь, когда прожектор вездехода освещал колодец, по которому вместе с водой опускался Костя, стало понятно, что произошло. Вода постепенно ушла в боковые галереи и оставила Костю на дне.

Он долго кричал, надеясь, что его могут услышать, и наконец, убедившись в бесплодности этой попытки, улегся, чтобы собраться с силами, на камень рядом с мокрой собакой и сразу уснул.

– Надо же связаться с поверхностью! Я и забыл! – воскликнул Дорохов. – Не беспокойся, Костя, я сам, – добавил он, видя, что механик собирается подняться с постели.

Дорохов подошел к радиопередатчику и принялся его настраивать. Он долго возился, внимательно вслушиваясь в наушники. Наконец Костя не вытерпел и поднялся, чтобы помочь.

– Хороший пес, хороший!.. Только вот пугал нас, сидя в ящике, – проговорил профессор, глядя лежащую рядом собаку. – Хозяина своего спас... – продолжал он. – А меня спасать бы не стал... не стал... Я на тебя палкой замахнулся... Впрочем, кто же меня мог подтащить к берегу, как не ты... Ну да! Недаром же твой хозяин все время хвастает твоей дрессировкой! Ты меня спас? Ты?

Собака подняла голову и посмотрела на Полозова своими умными глазами.

По приглушенному разговору, происходившему между инженером и механиком, Полозов понял, что случилось что-то неладное. Оба сосредоточенно продолжали возиться у радиоприбора, открывая крышки и заглядывая внутрь. Дорохов вслушивался в наушники. Наконец он поднялся с сиденья и, не снимая с головы телефонных трубок, тихо произнес, обращаясь к Полозову:

– Странно... Полностью потеряна радиосвязь с поверхностью.

– Неужели радиоволны не проходят через толщу земли, отделяющую нас от поверхности? Ведь мы находимся сравнительно неглубоко, – нерешительно добавил Костя.

– Они должны прекрасно проходить, – словно оправдываясь перед профессором, произнес Дорохов. – У нас в машине специально для этого установлен длинноволновый передатчик.

– Это нехорошо... – протянул Полозов.

– Что, длинноволновый?

– Да нет – то, что нет связи... Тут не до шуток, Андрей Леонидович.

Но ни Дорохов, ни Костя не собирались шутить. Работать без связи с поверхностью было очень опасно.

* * *

Много исходила машина, грохоча своими стальными гусеницами, в бесконечных подземных тоннелях и гротах. Она то поднималась вверх, то опускалась на значительную глубину. Тщательно зарисовывал профессор ходы и соединения между тоннелями, стараясь найти направление, куда в конечном итоге уходит вода.

Вездеход остановился в довольно обширном гроте.

На осмотр широкой боковой галереи отправились только Полозов и Костя в сопровождении собаки. Дорохов же остался у вездехода, чтобы произвести осмотр машины.

Перед тем как углубиться в проход, Костя остановился.

– Не кажется ли вам, что прожектор лодки светит неполным накалом? – обратился он к профессору, указывая рукой на вездеход, видневшийся вдали.

– Возможно... Кажется, да... – пробормотал профессор. – Впрочем, это, может быть, только потому кажется, что потолок тут низкий.

Они постояли несколько секунд, разглядывая пучок света, тянувшийся по подземелью, и тронулись дальше.

Вскоре Костя увидел то, что раньше представлялось профессору необъяснимой загадкой.

Впереди показался голубой свет.

Исследователи ускорили шаг и через несколько минут вошли в новый грот.

Когда были потушены электрические фонари, их глазам предстало красивое, феерическое зрелище.

Стены и потолок грота были изрезаны тонкими жилками, излучающими фосфоресцирующее сияние. Благодаря этому все подземелье было довольно хорошо освещено бледно-голубым светом.

– Это здорово! – воскликнул Костя. – Жаль, что я не взял с собой фотоаппарат.

– Действительно... Не столько здорово, как непонятно, – пробормотал профессор, приближаясь к стене.

Он вынул нож и принялся отковыривать кусочек светящегося вещества.

– Вы же видите, что это не фосфор!.. А что же это может быть? – продолжал Полозов, разглядывая при свете фонаря белый кусок, легко крошившийся в руках.

– Вернемся в машину – исследуем. Походная химическая лаборатория у нас есть, – проговорил Костя.

– Конечно, исследуем! Только вот я не знаю, стоит ли возвращаться сейчас или закончить намеченный маршрут...

Было решено продолжать изучение подземного хода дальше.

– По-моему, температура тут выше, чем в том месте, где стоит машина... Мне, например, жарко, – заметил Костя, когда они уже находились вдали от светящегося грота.

Он хотел сказать что-то еще, но неожиданно остановился.

– Посмотрите... – прошептал Костя, указывая лучом своего фонаря вперед. – Белое... Двигается и меняет форму... Что это может быть?

Профессор тоже остановился.

– Пар, – проговорил он спокойно.

Смутное воспоминание неожиданно овладело Костей. Он вспомнил почему-то отверстие у каменных развалин. Наблюдая тогда за уползавшей змеей, он видел облако испарений, очень похожее на то, которое поднималось перед ним сейчас.

– А может быть, дело обстоит следующим образом... Случай мало исследованный... – забормотал профессор.

Через несколько минут они подошли к огромной трещине, зигзагообразно идущей по каменному полу подземелья. Из нее валили густые клубы горячего пара. Белое облако лишь частично расстилалось внизу. Основная же масса, быстро поднимаясь, уходила вверх, в широкий наклонный проход.

– Много еще тут работы, Костя, – спокойно проговорил Полозов. – Похоже на то, что большая часть воды подземной реки уходит к вулканическому очагу и там испаряется. Нам обязательно нужно проследить, куда дальше девается пар. Теперь для меня становится ясно, отчего иногда ночью песок в пустыне бывает мокрый... Представляете! Люди ищут воду, а она поднимается к ним только в виде пара, который, охладившись, увлажняет песок.

Костя рассказал профессору об облаке пара, виденном им в провале недалеко от лагеря экспедиции.

– Вот видите! – воскликнул профессор. – Так оно и есть... Вероятно, к месту, где сейчас расположилась поисковая партия, должен быть проход под землей. Это не значит, конечно, что весь пар уходит именно туда. Как все-таки хорошо, что мы прекратили доступ воды! Иначе все это трудно было бы исследовать.

Довольные результатами совершенного похода, Полозов и Костя возвращались к машине.

При выходе из ущелья Костя остановился, пораженный. Свет прожектора стал еще более тусклым. Теперь это было очень заметно.

– Нехорошо... – тихо проговорил Костя.

– Может быть, Андрей Леонидович там что-либо переделывает? Он все время стремится что-нибудь усовершенствовать.

– Едва ли, – с беспокойством ответил Костя.

Разговаривая таким образом, они быстро приблизились к вездеходу.

В кабине их встретил Дорохов, чем-то явно расстроенный. Он нервно расхаживал, заложив руки назад.

– Что-нибудь случилось? – спросил профессор.

– Да, именно «случилось», – глухо проговорил Дорохов.

Костя молчал. Для него и так было ясно, что произошло. Об этом говорили и уменьшающийся свет прожектора и маленькие лампочки в стене, тоже горевшие неполным

накалом.

– Разрядились аккумуляторы? – шепотом произнес Костя.

– Да, именно: аккумуляторы разрядились, – продолжал Дорохов, остановившись перед Костей.

– И энергии теперь у нас нехватит... – проговорил Костя, не решаясь закончить фразу.

– ...чтобы продолжать работу, – добавил Дорохов. Теперь все стало ясно и для Полозова.

– Значит, надо бросить все и выбираться на поверхность! – волнуясь, проговорил он. – А как же... выход пара на поверхность?

– Нам нужно думать о собственном благополучном выходе. Энергии нехватит на обратный путь, – мрачно произнес Дорохов. – Голову нужно оторвать директору завода, выпускающему такие аккумуляторы... Позор! Несмываемый позор!

Наступила тягостная тишина. Только ничего не понимавшая собака продолжала бегать по кабине.

– Не выйдем? – удивленно, словно не веря, переспросил Полозов.

– Не выйдем.

– То есть... позвольте! Как же это...

– А если проходом, по которому поднимается пар? – неожиданно вставил Костя. – Ведь этот проход может нас вывести прямо к тому месту, где расположена экспедиция.

– Каким проходом? – недоверчиво спросил Дорохов. Ему объяснили, в чем дело.

– Если только этот проход такой же широкий до самой поверхности... что мало вероятно... – удрученно проговорил Дорохов.

Однако ничего другого делать не оставалось, и люди начали готовиться к отъезду.

Случилось так, что, помогая инженеру и механику, Полозов случайно полез в карман и извлек оттуда камень, принесенный из светящейся пещеры.

– Потух!.. Товарищи, что же это такое? Вот посмотрите! – закричал он, вертя в руке белый кусочек.

Но на его восклицание никто не ответил. Сознывая серьезность создавшегося положения, Дорохов и Костя слишком были увлечены своей работой.

Профессор молча подошел к лабораторному шкафчику и стал вытаскивать оттуда пробирки и аналитические весы.

– Постойте!.. Прекратите приготовления! – вдруг закричал профессор.

– Что? – удивленно спросил Дорохов.

– Я уже определил, что это за вещество: это барит!

– Ну и что же такого?

– А то, что если его вынести из кабины, бронированной сталью, он снова начнет светиться.

С этими словами профессор вскочил и, подбежав к люку, просунул в него руку с камнем. Маленький белый кусочек, как только вышел за пределы кабины, неожиданно озарился слабым фосфоресцирующим светом.

– Сейчас мы никуда отсюда не тронемся... Я думаю, вы согласитесь со мной, – отчеканивая каждое слово, проговорил профессор.

Дорохов и Костя увидели, как лихорадочно заблестели его глаза и каким необыкновенно суровым и мужественным стало лицо.

8. Собака видит уродов

Первые признаки необъяснимого беспокойства собаки заметил профессор Полозов.

– Не находите ли вы, что ваш четвероногий друг все чаще и чаще начинает ворчать и к чему-то прислушиваться? – сказал он Косте.

– Да... Пожалуй, верно, – ответил Костя. – Что это может быть?

В это время собака, как нарочно, резко остановилась и ошетила шерсть. Ее уши,

обычно висевшие, поднялись вверх. Послышалось глухое ворчанье. При свете электрических фонариков было видно, как слегка дрожит ее тело.

– Что с тобой, Джульбарс? – ласково спросил Костя.

Собака подошла к хозяину и испуганно прижалась к его ногам.

Все это происходило в узкой и душной галерее, в которой все трое бродили уже много времени, вооруженные геологическими молотками.

Что же заставило людей заниматься геологической разведкой, когда нужно было думать о собственном спасении?

Причина была следующая.

Когда профессор еще несколько раз повторил опыт, вынося барит из машины (при этом снаружи он непременно начинал светиться), инженер Дорохов потребовал, чтобы люк был закрыт. Машина уже могла отправляться в путь. Профессор снова запротестовал:

– Вы понимаете, что происходит?.. Не понимаете?

Очень жаль... А это уже относится больше к пределам техники, чем к геологии. У меня в руке окись бария, обладающая способностью светиться под влиянием ультрафиолетовых лучей, рентгеновских лучей и мощного радиоактивного излучения... Для меня совершенно ясно, что мы находимся в зоне мощнейшего радиоактивного излучения. Именно поэтому светится камень. Стоит ему очутиться в кабине, забронированной толстым слоем стали, как свечение прекращается. Радиоактивное излучение не попадает в кабину... Теперь для меня понятно, почему разрядились аккумуляторы. Ведь воздух-то под влиянием радиоактивного излучения становится необычайно электропроводным, а во время стоянки снаружи было много оголенных проводников. Да кроме того, у нас все время открыт люк, против которого находится распределительный щит с голыми шинами... Это замечательное открытие!

– Чему же вы радуетесь? – растерянно спросил Дорохов.

– То есть, позвольте!.. А как же!

– Я знаю, почему потеряна связь с поверхностью земли, – вмешался Костя. – Вы говорите, что воздух и толща земли становятся электропроводными. А всякий электропроводный материал экранирует радиоволны. Даже железные крыши зданий мешают ультракоротковолновой связи.

– Вы правы! – радостно вскрикнул Полозов.

– Чему же вы радуетесь? – теперь уже раздраженно повторил Дорохов. – Связь потеряна... Машина осталась без электроэнергии. Хорошенькое дело!.. Только подумайте! Аккумуляторы разрядились. Значит, конструкция ни к черту! Значит, я не предусмотрел надежной экранировки от этого самого излучения! Есть чему радоваться!..

Полозов, возбужденный и задыхающийся от волнения, приблизился к Дорохову и взял его под руку.

– Успокойтесь, Андрей Леонидович, – проговорил он отрывисто. – Сейчас я вам все объясню... Ваша машина работала и будет работать прекрасно. Это очень совершенный механизм. Радиоактивного излучения под землей вы, действительно, не предусмотрели... Я говорю – в такой необычайной интенсивности! Чему я радуюсь? Да ведь объяснение одно – тут где-то вблизи находится огромная, неслыханная по своим размерам залежь урановой руды! Иначе чем же объяснить, что излучение настолько сильное, что даже силовые аккумуляторы разрядились... Вы понимаете? Перед нами залежи ценнейшей руды! Двигатели ближайшего будущего, которые заменят паровые, бензиновые, нефтяные и прочие, будут работать на урановой руде, используя заключенный в ней огромный запас внутриатомной энергии.

– Позвольте... позвольте... – смущенно пробормотал Дорохов. – Вы действительно уверены, что тут должна находиться урановая руда?

– Ну конечно! Притом в огромном количестве. Неслыханный запас! Мы должны обнаружить его.

Все это свалилось на голову подземных путешественников совершенно неожиданно. Перед ними встал выбор.

Дольше оставаться под землей было опасно. С другой стороны, желание обогатить свою родину открытием нового месторождения урановой руды требовало, чтобы они еще некоторое время находились под землей.

Мучительно обдумывали люди свое окончательное решение. Еще раз проверялся остаток энергии. Немедленно были приняты меры к тому, чтобы не происходил дальнейший разряд аккумуляторов. Снаружи были убраны все провода, растянутые Дороховым при осмотре машины-амфибии. Люк был тщательно завинчен.

И люди решили: они должны еще задержаться под землей, чтобы разыскать залежь урановой руды.

Поиски происходили торопливо. Нельзя было задерживаться ни одной лишней минуты. Падая от усталости, все трое без конца лазили по длинным подземным ходам.

В поисках руды сильно помогло очень простое приспособление, тут же придуманное и изготовленное Костей. Он поместил кусочек барита в толстостенную металлическую банку, у которой было одно маленькое отверстие. Поворачивая банку, можно было находить такое положение, когда барит светился сильнее всего. Это указывало, откуда идет радиоизлучение, попадающее в банку только через дырочку.

* * *

Огромную разрушительную силу таит в себе даже очень медленно текущая вода. Она в дружбе с временем. То, что не может сделать одна вода, она делает в союзе с ним.

Медленно, но непреклонно подтачивает лениво текущий поток огромные гранитные скалы, меняет русло рек.

Подземные воды не составляют исключения.

Маленькие фонтанирующие струйки, образовавшиеся после взрыва, разрастались все больше. Вскоре они превратились в бурлящие лавины.

И хлынула вода в обмелевшее озеро, а затем с ревом – в бесконечные подземные галереи.

Именно шум приближающейся воды встревожил собаку, обладающую, как известно, необыкновенно чутким слухом.

* * *

Лагерь поисковой партии в пустыне Ауэлекиз жил необычной и напряженной жизнью.

Только что прибыл со специальным оборудованием первый отряд спасательной экспедиции. Кроме того, для участия в спасательных работах набиралась команда из числа сотрудников поисковой партии.

Тут же обнаружилось, что из лагеря бесследно исчезли механик Горшков и двое рабочих.

Это не на шутку встревожило Марию Ивановну, начальника партии.

– Как это объяснить? – спрашивала Мария Ивановна, советуясь с Людой.

– Он, наверное, струсил. Боялся, что ему придется ехать в команде спасательной партии, – с негодованием ответила Люда. – Вот теперь окончательно ясно, кто он такой.

– Люда!.. – укоризненно произнесла Мария Ивановна.

– Вместо него поеду я! – горячилась Люда.

– Вас я не отпущу. Лагерь не может остаться без радиста. Да кроме того... Как вы не понимаете! Ведь может случиться так, что еще будут радиосигналы из-под земли.

– Нет, не будут, – тихо ответила Люда и отвернулась. Она не хотела, чтобы Мария Ивановна видела навернувшиеся на глаза слезы.

* * *

Уже были найдены первые пласты урановой руды. Черная, невзрачная на вид каменистая масса выходила в ущелье широким слоем. Дальше следовал другой слой. По мере углубления в узкий проход становилось все более ясно, с какими огромными запасами приходится иметь дело. Суммируя свои наблюдения, Полозов уже произвел приблизительный подсчет и называл огромную цифру. Казалось, что на этом можно было остановиться и возвращаться к машине. Но страстное желание обнаружить еще большее толкало людей все дальше и дальше.

На отсутствие собаки первый обратил внимание Костя. Он принялся ее громко звать, но собаки нигде не было.

Спустя некоторое время послышался отдаленный лай, гулко разносившийся по каменному проходу. Лай приближался.

– Что-то случилось, – тревожно произнес Костя.

– Что может случиться? – удивленно откликнулся Дорохов. – Просто надоело собаке тут с нами бродить.

В то же мгновение из бокового хода выскочил пес. Костя направил на него луч своего прожектора и увидел, что собака была совершенно мокрая.

– Вода! – воскликнул Костя. – Товарищи! К нам приближается вода!

– Откуда? – спросил Дорохов.

– Могла размываться водой плотина, которую устроил Костя своим взрывом, – беспокойно ответил Полозов.

– За мной! – повелительно закричал Костя. Бросив лопаты и кирки, люди побежали к выходу из ущелья.

К машине приходилось добираться уже по колени в воде.

– Обидно все-таки! – произнес Костя, наблюдая в стеклянный иллюминатор, как увеличивается уровень воды.

– Что вода помешала исследованию залежей руды? – спросил Полозов.

– Это само собой! – продолжал Костя. – А кроме того, обидно, что вода прорвала нашу плотину. Скажите, Валентин Петрович, – он повернулся к профессору, – возможна такая вещь: если бы плотина не прорвалась, то вода в реке Янгиер продолжала бы все подниматься да подниматься, пока наконец не вернулась бы в свое прежнее русло?

– Это было бы возможно, если бы... – в раздумье проговорил Полозов.

– Что «если бы»?

– Если бы эта плотина действительно могла стоять длительное время. Завал камней, как вы видите сами, очень быстро размывается... Хотя, позвольте... позвольте...

Профессор подошел к столу и принялся рассматривать нарисованную им схему подземных лабиринтов.

– Хм... хм... – проговорил он. – Подойдите-ка, Костя, сюда. Может быть, я ошибаюсь.

К столу подошли Костя и Дорохов.

– Видите, какая вещь, друзья... Я знал, что заграждение для воды, устроенное Костей, заграждение временное. Правда, я не предполагал, что вода прорвется так быстро. Но что, если нам как следует завалить вот этот колодец, откуда поднимался пар? Вот посмотрите... тут вода не пройдет. Тут тоже. Колодец очень глубокий. И если бы нам удалось его целиком завалить мелкими камнями, то под землю стало бы уходить... ну, процентов десять воды! Я думаю, что воде не удалось бы размывать этот завал.

– И река Янгиер вернется в пустыню?

– Со временем, конечно!

– Это было бы здорово! – прошептал Костя.

Между тем вода прибывала в грот. Уровень ее быстро поднимался. Машина, плавающая на поверхности, начала раскачиваться. Дорохов открыл кран специального резервуара, и он, наполнившись водой, утяжелил машину настолько, что она снова села на дно. Таким образом, вездеход с герметической кабиной превратился в своего рода подводную лодку, ползающую по дну на гусеницах.

* * *

Все, что происходило в кабине, собаке не нравилось. Она видела на своем веку разных людей, одетых в самые разнообразные костюмы.

Но таких уродливых собаке еще не приходилось видеть. Больше всего Джульбарса смущали головы. Они теперь были блестящими и не с двумя глазами, как у всех людей, а с одним большим и круглым глазом.

Собака не понимала, что люди надели водолазные костюмы с самостоятельным кислородным питанием.

Вскоре трое одноглазых покинули кабину через специальный люк с двойной крышкой, унося на плечах ящики с взрывчаткой.

Собака, жалобно воя, стала царапать лапами толстые стенки иллюминатора, в который ей было видно, как ее друзья, превратившиеся в уродов, медленно передвигались в воде.

Люди возвращались в кабину, снова уходили, унося с собой тяжелые ящики. Так продолжалось несколько раз.

Наконец они вернулись совсем и сняли с себя одежду, пугающую собаку. Машина вздрогнула и тронулась в путь.

– Взрыв произойдет через три часа, – произнес Костя. – Я думаю, что мы успеем отойти достаточно за это время...

Машина круто шла вверх короткими своими гусеницами по дну широкой галереи, наполненной водой.

Вскоре в иллюминаторы стала видна голубоватая блестящая рябь.

Это была поверхность водоема.

Выйдя из воды, машина пошла быстрее. Однако это продолжалось недолго.

Все тише и тише становился звук, издаваемый коллекторами электромоторов. Обороты снижались. В аккумуляторах уже кончился запас электроэнергии.

– Какое мы прошли расстояние? – прошептал Полозов, обращаясь к Косте.

Костя с тревогой смотрел на прибор, отмеряющий пройденный путь.

9. Песня помогает жить

Два события произошли в лагере поисковой партии почти одновременно.

К палатке начальника партии подъехала машина, и из нее бережно вывели Афанасия Кондратьевича Горшкова. Он передвигался с трудом. Его голова была забинтована толстым слоем марли.

В это время из-под земли послышался глухой и продолжительный гул.

– Землетрясение! – вскрикнул кто-то.

– Нет, это, кажется, взрыв, – заметил другой. Горшкова бережно уложили в постель.

– Где вы были? – спросила Мария Ивановна, склонившись над раненым.

Но Афанасий Кондратьевич ничего не ответил и начал, тихо стонать.

– Безобразие... – наконец протянул он.

– Что случилось?

– Ой... Лодка перевернулась на порогах. Вот меня и головой о камень... Ой... ой...

Люди, привезшие Горшкова, объяснили, что Афанасий Кондратьевич, не дождавшись прибытия спасательной партии и не спросившись начальника, уехал на машине вместе с двумя рабочими. Все трое решили не терять времени и заняться спасением людей самостоятельно. Они достали лодку в ближнем ауле, расположенном на берегу реки, и отправились в ней по подземному руслу.

Спасательной экспедиции пришлось прежде всего спасти трех смельчаков, среди которых Горшков был главный инициатор.

– Действительно, «безобразие»! – вспылила Мария Ивановна, выслушав объяснение людей, привезших Горшкова.

– Нет, нет, Мария Ивановна, – тихо произнесла Люда, стоя рядом. – Я ведь думала... Вы понимаете, что я думала? Ему можно простить.

* * *

Пользоваться вездеходом дальше было бессмысленно. Он передвигался уже настолько медленно, что отважные исследователи решили пробиваться на поверхность пешком.

Дорохов долго не хотел расставаться с машиной. Он заглядывал во все углы кабины, прикасался руками к радиоприборам и все время что-то считал. На него было жалко смотреть.

– Идемте, Андрей Леонидович! – торопил Полозов. Как бы цепляясь за последнюю надежду, Дорохов торопливо включил радиоприемник и, выстучав ключом несколько знаков, стал прислушиваться.

Но все было напрасно: поверхность не отвечала. Дорохов не мог знать, что в этот момент радистка Люда находится у постели Горшкова и что у радиопередатчика нет никого.

– Однако сильное это самое излучение, раз до сих пор еще не установилась радиосвязь. Ведь мы прошли уже большое расстояние! – сказал Дорохов, снимая наушники.

Забыв выключить радиоприемник, Дорохов взял груз, приходящийся на его долю, и присоединился к товарищам, уже вылезавшим из люка.

– Нехорошо... – бормотал Дорохов, с трудом поднимаясь по наклонной поверхности тоннеля. – Оставить машину... Я виноват...

– Совсем вы не виноваты! – успокаивал его профессор. – Ваша машина прекрасно выдержала испытание.

– Но все же не вышла на поверхность!

– Вы же не могли предусмотреть, что встретитесь с радиоактивным излучением, разрядившим аккумуляторы.

– Настоящий инженер все должен предусмотреть, – сокрушался Дорохов.

Где-то далеко раздался приглушенный собачий лай.

– Джульбарс! – крикнул Костя.

Но собака продолжала лаять, видно не трогаясь с места.

– Что там такое? – произнес Полозов. – После всего происшедшего я, признаться, полюбил этого пса... Может быть, с ним что-нибудь случилось?

Люди остановились в нерешительности. Костя еще несколько раз позвал собаку, но она с остервенением лаяла по-прежнему где-то вдали.

– Возможно, захлопнулся люк и она осталась в кабине! – предположил Дорохов.

– Я считаю своим долгом вернуться, – глухо проговорил Полозов. – Собака спасла нас от гибели. Мы должны ей помочь!

И все трое молча тронулись обратно, сгибаясь и под тяжестью своих нош.

Но собака не нуждалась в помощи.

Дольше всех задержавшись в кабине, она услышала, что из наушников, лежащих у включенного радиоприемника, неожиданно раздался тихий, дребезжащий голос. Это Люда, вернувшись к своему передатчику, начала монотонно повторять позывные. Собака насторожилась и стала обнюхивать с ее точки зрения странный предмет. Она залаяла.

К тому времени, когда Костя заглянул в люк, Люда выключила передатчик и сняла наушники.

Ей показалось, что где-то совсем недалеко от палатки лает собака Кости, и она решила пойти посмотреть.

* * *

Проход становился все уже.

Вскоре каменные стены сменились известковыми. Все чаще и чаще приходилось идти нагибаясь и пускать в ход лопаты.

«Соединяется ли ход с поверхностью? Удастся ли нам выйти?» мучила людей неотступная мысль.

Наконец появился грозный признак: впереди показалась глиняная стена.

Тщательные поиски привели к тому, что было обнаружено отверстие, но настолько маленькое, что в него даже ползком не мог пролезть человек.

– Все... – грустно проговорил Дорохов, усаживаясь на землю.

Его примеру молча последовали Костя и Полозов.

– Дальше будем пробиваться лопатами и кирками, – пробовал подбодрить товарищей Костя. – В оставленной машине много запасов продовольствия. Вода также есть. Я берусь доставлять все необходимое... Правда, Джульбарс? – обратился он к собаке. – Будем ходить к машине?

Собака стала настороженно смотреть в сторону, откуда они только что пришли.

– Что там такое, Джульбарс?

Собака тявкнула и пошла осторожным шагом, высоко подняв уши.

– Что-то чует... Надо пойти посмотреть, – проговорил Костя и последовал за собакой. Обратно Костя вернулся бегом.

– Вода! Вода! – закричал он еще издали. – По проходу поднимается вода. Машина давно затоплена... Вода медленно приближается к нам... – продолжал он задыхаясь.

Полозов и Дорохов быстро вскочили и схватились за кирки.

– Действует! – произнес профессор, нанося удар в рассыпчатую глину. – Заграждение работает! – продолжал он, нанося последующие удары.

– Какое заграждение? – растерянно спросил Дорохов.

– То, которое мы устроили завалом колодца с помощью взрыва. Вода не уходит к вулканическому очагу. Поэтому и поднимается к нам. Разве вам теперь непонятно? А я, старый дурак, раньше об этом и не подумал!

– Понятно, – ответил Дорохов и злобно, со всего размаху ударил киркой в стену.

* * *

Походив некоторое время по лагерю и заглянув во все палатки, Люда наконец убедилась, что собаки нигде нет. Ее это мало удивило, так как собака, тосковавшая по своему хозяину, могла снова убежать неизвестно куда. Люда вернулась к радиостанции и просидела возле нее до наступления вечера.

Снова слышался лай собаки, на этот раз совершенно отчетливо, и радистка выбежала из палатки.

Действительно, по лагерю носился Джульбарс.

– Где ты был? – обратилась девушка к собаке, стараясь поймать ее за ошейник.

Удалось это сделать с большим трудом. Пойманная собака продолжала вырываться.

– Джульбарсик, дорогой, успокойся, – шептала девушка. – Ты друг Кости, и я его друг... Понимаешь? Ну, куда ты рвешься?.. Ты голодный? Я накормлю тебя... Пойдем...

Визжащую собаку Люде с трудом удалось затянуть в палатку.

– Ешь, Джульбарс, ешь... – говорила Люда, одной рукой придерживая собаку за ошейник, а другой поднося ко рту кусок хлеба.

Наконец собака смирилась и стала жадно жевать, растянувшись на животе и положив на хлеб обе передние лапы.

Но это продолжалось лишь несколько секунд. Собака оставила хлеб и, подняв голову кверху, неожиданно завывала так жалобно, что у Люды сжалось сердце.

– Джульбарсик, милый... – зашептала девушка, чувствуя, как у нее на глаза набегает слезы. – Мне тоже жаль Костю. Прошу тебя, не плачь...

Собака вскочила на ноги так быстро, что девушка еле успела снова схватить ее за ошейник.

– Ну, я пойду с тобой... Ну, куда ты? – продолжала она шептать, следуя за собакой.

Настойчивость, с которой собака тянула вперед, удивила Люду. Ей показалось, что пес не может так рваться, не имея для этого какой-то причины. И девушка, увязая в песке, покорно пошла за собакой.

Они быстро приближались к каменным руинам, возвышавшимся угрюмой громадой на фоне багряной зарницы.

«Там мы сидели с Костей и мечтали о превращении пустыни в цветущий край, – вспомнила Люда, увидев высоко над собой знакомую площадку. – То были мечты... А сегодня...»

Собака привела Люду к провалу, остановилась и завиляла хвостом.

Люда узнала провал.

Они вместе с Костей заглядывали в него, видели там змею и еще какое-то белое облако.

Устав от быстрой ходьбы, Люда присела на маленький камень.

– Ты куда, Джульбарс? – закричала она, видя, что собака собирается спускаться в провал.

Но собака, не обращая внимания, поползла вниз. И вот тут-то произошла непонятная вещь.

Люде показалось, что она слышит какие-то приглушенные удары. Девушка прислушалась. Но звук осыпающихся камней заглушил все.

Девушка вздрогнула и оглянулась.

Нет, это не могла быть пластинка... До лагеря было далеко. Да и после несчастья с экспедицией никто не решался заводить патефон.

Люда услышала далекую, глухо, словно из-под земли, доносившуюся знакомую мелодию:

Мы не опустим паруса,
Пусть кричат нам альбатросы...

Люда хотела подняться, но не смогла этого сделать. Теперь уже совсем ясно до ее слуха донесся новый куплет.

Наклонившись над отверстием, Люда окончательно убедилась, что приглушенная песня доносится именно оттуда.

– Костя! Товарищи! – дико вскрикнула Люда и испугалась своего голоса, возвратившегося из подземелья рокочущим эхом.

Внизу радостно и звонко залаяла собака. А когда утих ее лай, Люда совершенно отчетливо услышала стук кирок о камень.

– Я здесь! Мы спасем вас! Товарищи!.. – снова, надрываясь, прокричала девушка и, вскочив, помчалась к лагерю, сшибая на своем пути камни, падая и снова поднимаясь.

* * *

Это случилось совершенно неожиданно, в тот момент, когда почти все сотрудники поисковой партии, столпившись на небольшом песчаном возвышении, наблюдали, как прибывает вода.

Отверстия, из которого прошлой ночью были извлечены отважные исследователи подземной реки, уже не было видно. Вода, вырывавшаяся из него могучим потоком, разливалась так быстро по песчаной низине, что люди еле успевали убирать палатки.

Вдоль берега маленького, недавно образовавшегося озера, вздымая песчаную пыль, носился Джульбарс. Он злобно рычал и лаял на воду.

– Чего лает! – угрюмо заметил Горшков, стоявший с перевязанной головой среди зрителей. – Собака так и останется собакой – существом глупым, – продолжал он, обращаясь к Косте. – Вот чем она недовольна? Воду в пустыне приветствовать надо... А она – лает!

Афанасию Кондратьевичу еще не было известно, сколько неприятностей доставила собаке вода под землей.

– Теперь воды хватит даже на десять рудо-добывающих предприятий! Как вы думаете? – обратилась Мария Ивановна к профессору Полозову, одетому в безукоризненно опрятный костюм и потому снова производившему впечатление кабинетного ученого.

– Конечно, конечно... А остальные пути выхода пара на поверхность мы так и не проследили... не проследили... А было бы очень интересно! – ответил Полозов рассеянно.

– Вам, наверно, жалко вездеход, оставшийся под землей? – продолжала Мария Ивановна, обращаясь к Дорохову. – Не следует грустить. Вы думайте о результатах вашего путешествия. Они стоят тысячи ценнейших машин.

Инженер с удивлением посмотрел на нее:

– Неужели вы думаете, что машина навеки останется под землей? Извлечем, конечно! Меня беспокоит другое. Возьмите хотя бы коробку скоростей... А упорные лопасти? Одним словом, настоящий инженер непрерывно, в любых условиях должен беспокоиться о каких-либо изменениях конструкций и об усовершенствованиях! – с гордостью ответил

Дорохов. – Удастся ли когда-нибудь сделать так, чтобы вместо пустыни тут снова был цветущий край?.. Помните, как восемь веков назад...

– Для наших людей ничего невозможного нет, – гордо ответил Костя. – Люди у нас замечательные... Иногда сразу и не видно, насколько они замечательные. Вот хотя бы профессор. Помните, я думал, что он белоручка и трус? А что оказалось!..

В этот момент со всего ходу не遠далеке остановилась гусеничная автомашина. Из нее выскочил человек и бросился бежать к стоящим на песчаном бугре. Это был один из участников спасательной экспедиции, отправлявшейся к тому месту, где река уходила под землю.

Человек не добежал нескольких шагов до собравшихся, остановился, задыхаясь, и закричал:

– Товарищи! Река Янгиер вышла из берегов... Вода постепенно заполняет прежнее русло... Значит, недалеко то время, когда река вернется сюда, в пустыню!

В воздухе, сухом и удушливом, пронеслось громкое и радостное «ура».

Воображение рисовало вместо раскаленного песка – зеленеющие берега, покрытые буйной субтропической растительностью.

История одного взрыва

– Хотите, расскажу вам одну историю? Можно сказать, необыкновенный случай, – как-то предложил лейтенант Воронов.

Это было в тот период, когда мы, работники исследовательского института, находились еще на казарменном положении. Перед тем как ложиться спать, мы часто собирались в маленькой, уютной комнате, чтобы побеседовать на самые разнообразные темы.

– Ну что ж, давайте! – ответил я. – Только что-нибудь посмешнее.

Долговязый лейтенант, большой шутник и балагур, полез за портсигаром в карман и, стараясь быть серьезным, начал свой рассказ приблизительно так:

– Территорию научно-исследовательского института, к которому я был прикомандирован в начале войны, вы, может быть, знаете...

Так вот, вам только трудно будет себе представить, насколько уныло она выглядела после эвакуации. Всюду пусто. Валяется хлам. Полное впечатление разоренного гнезда.

Оборудование уже отправлено. Люди тоже уехали. Оставались временно лишь я и механик Петя Янин – простой такой парнишка и замечательный товарищ.

В то время мы уже не были сильно заняты. Упаковывали кое-какую мелочь, бродили по опустевшим корпусам, чтобы посмотреть, не осталось ли чего нужного, и ждали самолет для отправки. В общем, свободного времени у нас было много.

Появилась у Пети в то время одна забава, если так можно выразиться. Собственно, из-за нее все это и произошло...

Находился у нас неотправленным обыкновенный аппарат для записи звука на грампластинки. Сколько раз я говорил: «Петя, упаковывай аппарат в ящик. Придет неожиданно машина – удержишь ты меня с этим делом!» А он возражал, клялся, что не задержит, и продолжал свое.

Что же он с ним делал? Да очень простую вещь. Как только бывало услышит сигнал воздушной тревоги, так сразу микрофон вытаскивает на двор или высовывает в окно. Ну, а в это время, как вам известно, что обычно творится в атмосфере? Самолеты гудят, зенитки палят, бомбы воют и рвутся, иногда даже очень близко от нас. А он сидит себе у прибора и все эти звуки записывает на пластинку.

Проделывал он это довольно часто.

«Хочу, – говорит, – оставить нашему потомству звуковую память об этих днях».

Вообще, конечно, вещь интересная! Но только уж очень надоел он мне с этим. Воздушных налетов в то время было много, и чуть ли не после каждого из них показывает

мне Петя пластинку. Это такой прозрачный диск.

«Вот, – говорит, – замечательная звуковая картина запечатлелась, товарищ Воронов. Те, кто не был в эти дни в Ленинграде, получают полное представление. Хочешь прослушать?»

Ну, я обычно начинаю сердиться и опять напоминаю, чтобы аппарат был немедленно упакован.

Особенно же надоедал он мне по вечерам, когда заставлял прослушивать свою коллекцию пластинок на электрическом граммофоне, с большим, очень мощным репродуктором. Звук получался настолько громкий, что в комнате создавалось впечатление настоящей бомбежки.

Жили мы тогда в одной из комнат нижнего этажа корпуса «Б». Это старинное здание с бесконечными узкими коридорами, в которых можно даже заблудиться.

Так вот, вся эта история начала разворачиваться на моих глазах именно там...

Рассказ лейтенанта о происшествии на территории известного научно-исследовательского института заинтересовал нас, хотя ничего необыкновенного в нем пока не было.

Мы пытались представить себе ленинградскую блокаду, пустующее здание института, расположенного на окраине города, и всю ту обстановку, о которой говорил Воронов.

Убедившись в достаточном внимании к своему рассказу, лейтенант явно приободрился.

– Как-то раз во время воздушной тревоги, днем, – продолжал он, – я находился в одной из комнат на втором этаже этого самого корпуса «Б» и смотрел в окно. Тревога, должен сказать, была какая-то несерьезная. Вообще, конечно, слышно было, как немецкий самолет гудит наверху своим характерным звуком. Но был он, возможно, очень высоко и из-за сплошной облачности не виден совсем. Зенитки молчат. Бомбы тоже не падают. В общем, не налет, а так себе, пустяк...

Вдруг, слышу, раздается издали громкий, но очень уж странный взрыв. Даже не знаю, можно ли это назвать взрывом.

Вообще различных взрывов я слышал очень много. Все их хорошо знаю и отличаю друг от друга. А здесь что-то совершенно необычное: непрерывные раскаты с воем и очень резким свистом. Одновременно замечаю, что где-то у нас в здании зазвенели осколки стекол.

Должен сказать, что последнее обстоятельство меня даже расстроило. «С чего бы это? – думаю. – Фугасные бомбы падали совсем близко – и ни одного лопнувшего стекла во всем корпусе. А здесь – отдаленный взрыв, и вдруг лопнули...»

Только хотел я пойти посмотреть, где это произошло, как в поле моего зрения появилось нечто новое.

Представьте себе: полным ходом кувыркается сверху вниз германский самолет. Падает совсем недалеко от нас. Прекрасно видно, что это бомбардировщик «Юнкерс-88». И понятно, отчего он свалился. От одного крыла у него осталось только воспоминание, или, точнее выражаясь, небольшой кусок. «Так, – думаю я, – значит, оторвали крылышко. Ну что ж, туда тебе и дорога...»

Отошел я от окна немножко в сторону – на случай, если при падении взорвется бомбовый груз. Только нет, слышу, самолет упал тихо. Посмотрел я опять в окно. Вижу, лежит, голубчик, в поле. Народ уже к нему бежит, как полагается при таких обстоятельствах, и все такое прочее.

«Тут, – думаю, – все протекает нормально. Пойду лучше посмотрю, где это у меня пострадали окна».

Начал я ходить по комнатам и вижу, что всюду окна закрыты плотно и стекла в полной исправности. Так я мог бы искать еще долго, если бы не обратил внимания на то, что кое-где на полу валяются черепки от стеклянных матовых плафонов, прикрывавших электрические лампочки под потолком. Тут я вспомнил, что только что видел их совершенно целыми. «Как это они так сразу разлетелись?» думаю. При этом, представьте себе, непохоже, что они упали и от этого именно разбились. Кое-где на железной арматуре еще болтаются остатки, из чего

можно заключить, что плафоны полопались наверху.

Я, конечно, плохо разбираюсь в тонких физических явлениях, но тем не менее должен вам сказать, что для меня было очевидно одно обстоятельство. Не должны были от взрыва лопнуть эти самые плафоны, раз оконные стекла в комнатах оказались целыми. Они ведь соприкасаются с наружным воздухом и даже служат ему преградой, поскольку окна закрыты.

«Удивительное дело! – думаю. – Даже не верится что-то».

Еще раз посмотрел: окна совершенно целы.

Я насчитал семь лопнувших плафонов в различных комнатах. Непонятным в этом деле казалось еще и то, что потрескались плафоны только определенной формы – плоские, с закругленными краями. А те, что в виде шаров, висят рядом как ни в чем не бывало.

Постоял я немного, подумал... и решил, что все это весьма забавно, но никакого серьезного значения, конечно, не имеет. Слегка пошевелил осколки сапогом, плюнул даже на них, затем потихонечку направляюсь вниз.

Прихожу в нашу комнату, где мы жили. Только открываю дверь, как – пожалуйста! Навстречу мне – Петя. Опять с новой граммофонной пластинкой!

«Вот, – говорит, – совершенно своеобразный взрыв записался».

«Да ну тебя! – отвечаю. – Слышал я этот взрыв. У нас от него даже несколько плафонов лопнуло. А вот как немецкий самолет падал, ты, наверное, и не видел. Вот это было зрелище! Если бы ты не занимался своей дурацкой звукозаписью, тогда, может быть, тоже был бы свидетелем...»

В общем, начался наш обычный спор.

В этот день вечером мы занимались у себя в комнате самыми обыкновенными делами.

Освещение у нас было тогда довольно примитивное: автомобильная фара с полуразряженным аккумулятором.

Конечно, при таком тусклом свете ничего замечательного не сделаешь. Приходилось ложиться поэтому очень рано.

Однако в этот вечер, представьте себе, как нарочно, спать совершенно не хотелось. Даже завидно мне стало, когда я услышал, как храпит Петя.

Ничего больше не оставалось, как только прислушиваться к громкому постукиванию «городского сердца» – ну, иначе говоря, метронома, – всегда раздававшемуся из уличных репродукторов, когда отсутствовала радиопередача.

Ох, уж это ленинградское сердце! Как хорошо оно мне запомнилось: можно сказать, на всю жизнь. Да и кто его не запомнил из тех, кто находился в то время в Ленинграде!

В обычное время, когда нет тревоги, постукивал этот метроном очень медленно. Когда же объявлялась воздушная тревога, сразу начинал колотиться быстрее, как бы предупреждая: «Не зевай!»

А тут еще эту тоскливую картину дополняет вой ветра. Дело, как вы знаете, было глубокой осенью.

Вдруг мне показалось, что наверху кто-то ходит.

«В чем дело? – думаю. – Охраны у нас в этом корпусе нет никакой. Двери все заперты. Кто же, в таком случае, туда мог забраться?»

Прислушиваюсь... Опять подозрительный шорох.

«Э-э-э, – думаю я, – здесь что-то неладно. Придется пойти посмотреть...»

Поднимаюсь. Беру с собой наган. Начинаю подвигаться к дверям на цыпочках, помахивая руками для равновесия.

Иду по совершенно темному коридору. Только изредка, когда луна выйдет из облаков, на полу появляются квадратные светлые пятна от окон.

Зацепился за какой-то ящик. Гул пошел необыкновенный. Знаете, как это всегда бывает в пустых помещениях. Пришлось остановиться. Прислушиваюсь... Ничего не слышу, кроме собственного сопения, тоже отраженного многократно от стен и потому представляющегося мне сверхъестественно громким.

Через некоторое время вдали что-то звякнуло.

Ориентируясь на доносящиеся звуки шагов, постепенно добираюсь до второго этажа. Осторожно притаившись за углом коридора, вижу фигуру, на секунду появившуюся в лунном свете. Какой-то шупленький и сутулый субъект в черном пальто и роговых очках на носу. Кратковременный лунный проблеск не позволил мне рассмотреть его более детально.

Вижу: вошел в одну из комнат и там копошится.

Вы, конечно, прекрасно понимаете, что все это меня сильно заинтересовало. Кто такой? Что ему тут нужно?

Через некоторое время выходит...

Теперь для меня стало ясно, что он определенно что-то утащил. Замечаю: несет бережно в руках какой-то белый предмет, которого я не видал у него раньше.

«Ну, – думаю, – это тебе не удастся!..»

«Гражданин! Ни с места!» кричу я зычным голосом и бросаюсь вперед.

Он – от меня. Я – за ним.

Погоня, должен вам сказать, была очень своеобразная. Гул от топота наших ног стоял невероятный... Темно... Рук своих не видно; только изредка замечаю, как что-то черное мелькает перед окнами. Он – по лестнице вниз. Я – за ним. Расстояние между нами постепенно сокращается. Теперь я от него уже сравнительно близко.

В этот момент оба мы попадаем в длинную полосу лунного света. И мне удастся наконец рассмотреть предмет, находившийся у него в руках. Удивило это меня совершенно невероятно. Ну, как вы думаете, что это оказалось?

Лейтенант посмотрел на нас загадочно и принялся закуривать новую папиросу.

Никто не отвечал на его вопрос. Все с любопытством глядели на рассказчика, погруженного в облако табачного дыма. Не дождавшись ответа, лейтенант продолжал:

– «Удивительное дело, – думаю: – зачем ему это нужно? Почему бы не бросить? Ведь бежать-то ему весьма неудобно».

К сожалению, долго думать мне не пришлось: на повороте я, поскользнувшись, падаю на пол.

Поднимаюсь. Злоба нарастает ужасная. Стрелять нужно было, что ли?.. Эх, черт! А тут, слышу, хлопнула выходная дверь. Это, значит, убегающий выскочил наружу. Ну, я, конечно, за ним. Только какое там может быть преследование! Сразу начинается густой парк. Луну окончательно заволокло тучами. В общем – удрал!

Постоял я немного. Послушал. Ничего не слышно, кроме шума деревьев и тиканья метронома... Оставалось только выругаться и запереть дверь с помощью подпорки из найденной тут же деревянной доски.

Да, неужели я не рассказал вам, что за предмет утащил этот тип?

Представьте себе... несколько кусков стекла от разбитых плафонов!

«Что такое? – думаю. – Зачем они ему?..»

Слушатели, улыбаясь, переглянулись.

– Да... – продолжал лейтенант. – Просыпаемся мы, значит, утром и идем с Петей, чтобы осмотреть, так сказать, место ночного происшествия. Поднимаемся на второй этаж.

«Может быть, он целый плафон украл?» говорит мне Петя, разглядывая черепки, лежащие на полу.

Нужно сказать, что я именно здесь впервые заметил, каким необыкновенно серьезным стал мой Петя. Стоит, разглядывает осколки с глубокомысленным видом.

«Умозаключения строит, – думаю я. – Вроде Шерлока Холмса. Ну что же, дело интересное. Я и сам, признаться, люблю такие вещи. Пускай себе...»

Однако Пете, видно, скоро надоело копаться в мусоре. Мы подошли с ним к окну, откуда был виден упавший накануне самолет.

«Знаешь что? – говорит мне Петя неожиданно. – Я, пожалуй, пойду посмотреть на подбитый «Юнкерс» вблизи. Не хочешь ли со мной пройти?»

«Да ну его! – отвечаю я. – Зачем он мне нужен! Иди, если хочешь...»

Петя уходит, а я остаюсь один. Продолжаю смотреть в окно. Стою и вначале ничего особенного не замечаю. Проходит некоторое время; по моим расчетам, Петя должен был уже подойти к самолету. Присматриваюсь... и не верю своим глазам. Ошибки никакой быть не может. У самолета находится тот самый тип, за которым я гнался сегодня ночью. Узнаю его по фигуре, по манерам. Ходит очень торопливо вокруг самолета и как будто что-то высматривает.

Вот, вижу, поворачивается ко мне боком и тычет пальцем в хвостовое оперение... Что тут будешь делать!

Дальнейшее поведение этого субъекта стало уж совсем подозрительным. То ли он увидел приближающегося Петю или по каким-либо другим побуждениям – только, вижу, заметался от хвоста к винтомоторной группе и обратно. Я даже не сразу сообразил, что он делает. Оказывается... понимаете!.. меряет, подлец, самолет рулеткой. Торопливо как-то тянет ленту вдоль фюзеляжа. Вот странное дело!

Ну, а Петя, естественно, показался наконец на виду и идет к самолету.

«Вот незадача! Чем бы его предупредить?» думаю.

Вы легко поймете мое беспокойство, если вспомните, что диверсантов и шпионов засылали к нам в то время в изрядном количестве.

Бежать к Пете на помощь, что ли?

Но вот вижу: Петя уже совсем близко у самолета. Остановился. Смотрит на манипуляции, производимые этим типом. Последний, заметив Петю, тоже остановился. Некоторое время глядят друг на друга. Затем...

В соседней комнате резко зазвонил телефон. Лейтенант извинился и поспешил к аппарату.

– Ну, и что дальше? – нетерпеливо спросил один из присутствующих, когда лейтенант возвратился.

Рассказчик медленно уселся на свое место и неторопливо осмотрел слушателей.

– Пока что ничего страшного и не произошло, – продолжал он спокойно. – Этот самый субъект неожиданно и очень быстро удалился. А Петя еще некоторое время походил вокруг самолета и возвратился в институт.

«Знаешь ли ты, кто это был? – спрашиваю я его. – Это ведь тот самый, за которым я гнался сегодня ночью!»

«Не может быть!» отвечает Петя.

Вижу, что мое сообщение произвело на него сильное впечатление.

«Что ты на меня с таким удивлением смотришь?» спрашиваю.

«Да так, знаешь, все это очень странно... Мне кажется, что...»

Вижу, Петя запнулся и чего-то не договаривает.

«Опять строит умозаключения», думаю.

«Ты что-нибудь заметил?» спрашиваю.

Молчит, представьте себе, и смотрит уныло.

«Ну и черт с тобой! – думаю. – Тоже сыщик!»

В этот день вечером, когда уже стемнело, но зажигать нашу фару было еще рано, Петя неожиданно с очень серьезным видом обратился ко мне.

«Не думаешь ли ты, – спрашивает он, – что между аварией фашистского самолета и порчей наших плафонов существует какая-то связь?»

«Очень возможно, – отвечаю, – что плафоны лопнули от взрыва, произошедшего на самолете».

«В том-то и дело, – продолжает Петя, – что на самолете никакого взрыва не было. Я это точно установил. Весь запас его бомб был израсходован, по видимому, раньше, или бомб у него вообще не было, а зенитный огонь, как ты помнишь, перед его падением отсутствовал».

«Ну, так отчего он мог погибнуть? – спрашиваю. – наших самолетов в воздухе тоже не было – я их прекрасно узнаю по звуку, – один немецкий летал».

«Знаю, – говорит Петя, – что не было. Я много думал и все взвешивал и наконец пришел к совершенно твердому убеждению».

Он посмотрел на меня внимательно и говорит:

«Здесь существует какая-то тайна... Все это не просто так: и этот необыкновенный взрыв, слышанный нами, когда полопались плафоны, и гибель немецкого самолета, и появление человека, интересующегося даже осколками этих плафонов».

Этот разговор оставил у меня тогда тягостное впечатление.

Стою и думаю: «Что это он за несуразные вещи говорит?» А у самого какое-то беспокойство появляется...

Лейтенант задумался, как бы что-то вспоминая.

– Обстановка сильно влияет, – продолжал он, зажигая потухшую папиросу. – Представьте себе... Находимся мы только вдвоем в огромном пустующем здании. Темнота и мрак кругом. Ветер на дворе продолжает выть... Мне начинает казаться, что наверху опять кто-то ходит. Я, конечно, ничего не боюсь, но, безусловно, подвержен влиянию внешней обстановки, как всякий живой человек. Помню, что тогда от всего этого стало мне как-то очень не по себе. Однако не надолго. «Надо, – думаю, – перебить настроение».

«Знаешь что? – говорю я Пете. – Что это ты мне голову морочишь? Ничего таинственного здесь нет. Все это ерунда. Если человек и украл черепки, так просто в силу обыкновенного хулиганства!»

В общем, принялся его отчитывать.

Кончилось это дело тем, что Петя обиделся и перестал со мной разговаривать.

Однако, представьте себе, немного позже произошел опять подозрительный случай! Ну, конечно, если принять во внимание все то, что было у нас раньше.

Дело было вот как.

Запускает Петя свой электрограммофон, видно от скуки, и давай прослушивать коллекцию пластинок с этими самыми взрывами. Особенно он нажимает на последнюю запись и гоняет ее, можно сказать, беспрерывно.

Слушать все это мне было безусловно противно. Но чтобы окончательно не рассориться с Петей, я все это терплю и делаю вид, что отношусь безразлично.

Немного погодя решил я подойти к окну и посмотреть, какая на дворе погода – в смысле возможности налета. С этой целью отодвинул чуть-чуть светомаскировку и выглядываю осторожно в образовавшуюся щель, так, чтобы свет из комнаты не проникал наружу.

К своему удивлению, вижу: торчат у окна три каких-то силуэта. Прислушиваются. Когда я пригляделся, то, представьте себе, в числе прислушивающихся узнал опять этого самого сутулого типа. А главное – интересуется он, видно, больше остальных тем, что происходит у нас в комнате, так как ближе всех пододвинул к окну свою физиономию.

«Эге, голубчик! – думаю. – Опять появился!»

Выхватываю из кармана электрический фонарик и направляю на него луч света.

И вот на черном, ночном фоне вижу я это самое знакомое мне лицо, показавшееся в то время, ввиду моего нервного состояния, страшным и неприятно как-то оскалившим зубы. Смотрит на меня в упор неподвижным взглядом сквозь свои большие роговые очки.

Все это, конечно, продолжалось одно мгновение. Лицо сразу исчезло.

Выскакиваем мы с Петей наружу. Тщательно обыскиваем все кругом – никого нет. Да, собственно говоря, в этом нет ничего удивительного. В таком парке, как у нас, каждый легко может спрятаться даже днем.

В общем, в эту ночь мы не спали. Я вызвал несколько человек охраны и расположил их в засаде у разных дверей здания. Сам же караулил в коридоре, поглядывая то и дело в окно. Но все это оказалось совершенно напрасным. Никто не появлялся, и ничего особенного в эту ночь не произошло.

Но вот по прошествии нескольких дней начинаю я замечать, что с Петей творится что-то неладное.

Стал он мрачный, как черт. Куда-то надолго исчезает и даже иногда не ночует дома. Сразу видно, что чем-то весьма озабочен.

«Все продолжает изображать из себя сыщика, – думаю. – Вот чудак!»

Однако свои обязанности он несет исправно. Придраться не к чему.

Просыпаюсь я как-то ночью по неизвестной причине. Прислушиваюсь... Тревоги, кажется, нет – метроном стучит медленно. Но за последнее время у меня уже выработалась привычка: прислушиваться ночью к различным шорохам. И вот слышу: откуда-то издалека доносятся знакомые звуки. Начинаю соображать, что это через репродуктор передается граммофонная пластинка. Даже шипение иголки иногда слышно – видно, старая.

Но что же это за пластинка? «Неужели, – думаю, – еще кто-нибудь, кроме Пети, занимается тем, что записывает звуки бомбежки?» Слышу – запись точно как у Пети. Кончилась одна пластинка. Поставили вторую такого же содержания. Ветер доносит звуки порывами – то тише, то громче. Начинаю будить Петю.

«Послушай, – говорю я ему, – какую музыку передают».

Но здесь, как нарочно, все стало затихать.

«Ничего особенного», отвечает мне Петя.

«Звукозапись, – говорю я ему, – точно такая же, как у тебя. Только что доносилась издалека».

Приподнялся Петя, протер глаза руками и говорит мне встревоженным голосом:

«Не может быть! Откуда такая, как у меня? Тебе, наверно, слышалось».

Сидели мы с ним еще некоторое время и ждали, но больше так ничего и не услышали.

Наутро – не помню, по какому случаю – ищу я глазами Петин чемоданчик для хранения грампластинок и не нахожу его нигде. А раньше он стоял всегда на видном месте.

Это меня заинтересовало. Принялся я искать чемоданчик и скоро убедился в том, что его решительно нигде нет!

«Куда он мог деваться?» спрашиваю Петю.

«Вот уж не знаю. Непонятное дело!..» отвечает он.

Нужно вам сказать, стал я постепенно не на шутку беспокоиться.

Петя ушел по своим делам, а я остался один.

Первый раз за все это время я тут по-серьезному задумался о всех этих событиях. Внутренне начал соглашаться с Петей, что во всем этом существует действительно какая-то тайна. Охватило меня беспокойство. Тут погода еще мерзкая, осенняя. Туман на дворе такой, что в десяти шагах ничего не видно.

Хожу один по коридору – так себе, просто безо всякого дела. Все теперь кажется мне подозрительным. Даже в гуле собственных шагов, отдающемся по коридору, слышится мне что-то неестественное.

«Что все это значит? – думаю. – Кому понадобились ерундовые Петины пластинки и кто это вздумал заводить их ночью? Что это за шутки?..»

Хожу я, значит, часто останавливаюсь, прислушиваюсь, присматриваюсь к разным предметам. Одним словом, нервы стали не совсем в порядке.

А вот вечером, представьте себе, напало на меня, наоборот, боевое настроение.

«Обязательно разберусь с этим делом, – думаю я. – Разберусь, если даже для этого придется задержаться с отлетом. Может быть, здесь действительно серьезное вредительство какое-нибудь готовится. Но сейчас даже неудобно обратиться куда-либо за помощью. Еще засмеют. Надо собрать более серьезные факты. Поймать бы мне этого сутулого в очках! Чего ради он все время возле нас крутится? Я бы тогда сразу узнал, в чем дело...»

Выхожу в парк.

С безразличным видом гуляющего человека начинаю бродить, осторожно присматриваясь к окружающим зданиям.

А вокруг, куда ни взглянешь, – большие корпуса, принадлежащие другим институтам, всевозможные лаборатории, мастерские и даже маленькие заводы.

В некоторых из них кипит работа. У нас в Ленинграде во время блокады использовали малейшую возможность для производства вооружения и вообще всего необходимого для фронта. Но много было и пустых корпусов с эвакуированным оборудованием. Выглядели они безжизненными.

Долго я ходил таким образом, стараясь ко всему внимательно присматриваться.

Начинало темнеть.

Скоро завывли сирены воздушной тревоги. Метроном переменял свой ритм и стал постукивать быстро.

Я уже начал было сомневаться в целесообразности моих наблюдений и решил вернуться к себе, как вдруг заметил в глубине парка трех человек, торопливо идущих по аллее.

«В бомбоубежище, верно, спешат», подумал я.

На всякий случай направился к ним напрямик через заросли парка.

Нужно сказать, что здесь мне явно повезло. Не успел я приблизиться на такое расстояние, чтобы по-настоящему их рассмотреть, как почувствовал, что в их числе находится этот самый щупленький, сутулый субъект, встречи с которым я именно и искал.

Расстояние между нами все уменьшается...

Он самый! Идет между двумя другими. Что ты тут будешь делать! Их все-таки трое, а я – один. Ничего не остается, как только следовать за ними.

Осторожно, прячась за деревьями и кустами, иду, не упуская их из виду ни на одну секунду.

Мешают проклятые кусты! Бьют своими ветками по лицу.

Куда они идут? Вот проходят мимо корпусов химико-технического института. Дальше – корпуса физико-технического. Еще дальше – какие-то полуразрушенные бомбами мастерские. Сворачивают во двор – я за ними.

Вскоре все трое подходят к дверям маленького, одноэтажного здания и исчезают внутри.

Начинаю обследовать здание. Обхожу его кругом, держась на почтительном расстоянии, чтобы не заметили.

Вижу, в одном из окон со стороны, противоположной входу, появился свет. Слабо пробивается через какую-то щель в светомаскировке.

Я сразу к ней. Везет, вижу, мне здорово. Через эту щель, конечно при некоторой изворотливости, можно прекрасно наблюдать за освещенным помещением.

Стою, затаив дыхание, и кажется мне, что стук моего сердца раздается громче, чем удары метронома из ближайшего уличного репродуктора.

На дворе уже окончательно стемнело. Ветер усилился. Деревья шумят уныло, как будто им очень жалко расставаться с пожелтевшими листьями. А я приткнулся носом к стеклу и замер на месте...

Кажется, что мои худшие опасения оправдываются.

Все трое вошедших – и среди них мой старый знакомый, сутулый, в очках – теперь мне прекрасно видны. Комната, где они находятся, – не то мастерская, не то лаборатория: стоит несколько механических станков; всюду различные приборы, среди них – много

электроизмерительных. Но прежде всего, конечно, бросились мне в глаза хорошо знакомые толовые шашки различного размера, разбросанные всюду. Тол – опасное взрывчатое вещество, с ним не шутят.

«Так, – думаю я. – Понятно...»

Теперь уж для меня не могло быть никакого сомнения, что это настоящая диверсионная группа.

Сначала я не придавал значения тому, что посредине помещения стоит какое-то устройство с большими раструбами наподобие граммофонных, но сделанными из очень толстого листового железа. Тянутся от этой машины провода разного вида и толщины, а сама она утыкана всевозможными ручками, блестящими набалдашниками и другими приспособлениями.

Но потом вижу, что все трое хлопчут в основном именно возле этого самого граммофона. Толовые шашки у них тоже в центре внимания, так как их сортируют или еще что-то с ними делают, в общем переносят с места на место.

«Все ясно, – думаю. – Можно кончать наблюдения и скорее бежать за помощью».

Однако тут меня заинтересовало поведение диверсантов. Кто-то, по-видимому, стучал в дверь, так как все сразу насторожилось.

Вот тут-то произошло самое непонятное во всей этой истории.

Гляжу я, входит к ним в комнату...

Рассказчик остановился, оглядел нас всех. Полумрак, царивший в комнате, не позволял как следует рассмотреть выражение его лица, но мне тогда показалось, что оно было необыкновенно грустным.

– Это было уж слишком неожиданно... – продолжал он через некоторое время. – Представьте себе, что я увидел моего Петю!

Я совершенно остолбенел. Что тут можно было подумать? Как это все объяснить? Как же могло случиться, что Петя от меня что-то скрывал?

Я решил остаться и продолжать свои наблюдения.

Смотрю я, Петя у них совершенно свой человек! Начинает тоже что-то такое делать. Конечно, всякая способность логически соображать постепенно у меня исчезает. Как расценить поведение Пети?

Долго ли я так стоял у окна в полной нерешительности – не знаю. Даже теперь мне трудно определить, сколько на это ушло времени.

Только замечаю, что Петя явно чем-то недоволен. Начинает спорить с сутулым, что-то ему доказывает. Вижу, спор у них разгорается все больше и больше. Петя бросает разводной ключ на пол и демонстративно начинает вытирать руки о какую-то тряпку. Все его обступили и, видно, уговаривают. Однако кончилось все это тем, что он повернулся к выходным дверям с явным намерением уйти.

«Интересно, – думаю, – что они там не поделили?»

Я решил, что мне, пожалуй, лучше всего очутиться дома раньше Пети и поговорить с ним, как будто бы я ничего не знаю.

Так я и сделал.

Неприятная перспектива, должен сказать, выпала на мою долю! Очутиться в нашей комнате раньше прихода Пети оказалось делом несложным. Но как я буду с ним разговаривать?

Слышу – идет. Открывает дверь, входит...

«Ну, как дела?» спрашиваю, стараясь придать голосу оттенок исключительной безразличности.

«Да так, ничего себе», отвечает.

Смотрю на него и думаю: «Петя ли это? Неужели тот самый Петя, добродушный, всеми любимый, душа-парень?»

Тяжело мне стало на него смотреть.

А он ходит себе по комнате, очень расстроенный, и, представьте себе, даже не

обращает на меня внимания.

«Скажи, пожалуйста, – говорю я ему спокойным голосом, – нигде тебе не встречался этот самый человек в очках, которого ты видел у самолета?»

Посмотрел на меня Петя внимательно, задумался и вдруг говорит:

«Знаю я этого человека очень хорошо. Это ведь кандидат физико-математических наук Богуцкий Михаил Степанович».

Такого ответа я, признаться, совершенно не ожидал. Наступило неловкое молчание.

«Очень хорошо, что ты о нем вспомнил, – продолжает Петя. – Мне нужно как раз насчет него с тобой поговорить. Дело очень серьезное и не терпит отлагательства!»

«Ну что ж, давай», говорю я.

Насторожился и слушаю, что скажет мне Петя.

Смотрю, действительно дело нешуточное.

Но для того чтобы вы могли все это понять, мне придется слегка познакомить вас с некоторыми основами физики.

Я, конечно, не профессор и к институту был прикомандирован только в самом начале войны, но тем не менее не могу сказать, чтобы у меня было совсем неправильное, с научной точки зрения, представление об этих вещах...

Лейтенант небрежно закинул ногу на ногу и принял непринужденную позу. Слушателям стало ясно, что рассказчику предстоит совсем не легкая для него задача и он старается это скрыть своей излишней развязностью.

– Постараюсь объяснить вам все это в самом популярном разрезе, так сказать умышленно избегая употребления каких-либо запутанных математических формул.

Вы знаете, что издает каждый твердый предмет, если по нему, например, чем-нибудь стукнуть? Звук! А что это значит? Это значит, что предмет от удара легонько сжимается или, возможно, изгибается. Сначала, конечно, в одну сторону, а потом, из-за упругости, в другую. Ну и начинает, таким образом, некоторое время колебаться, или, говоря обыденным языком, дрожать.

Эта-то дрожь и передается до некоторой степени окружающему воздуху, а уже от него колеблется барабанная перепонка в нашем ухе.

Вот мы и воспринимаем колебания воздуха в виде звука.

Когда мы, например, говорим или, предположим, кричим, то в этот момент у нас в горле тоже трясется голосовая связка, благодаря чему и делается все это достаточно слышным. А если бы эта связка не дрожала, то говорить или петь было бы совершенно невозможно.

От звука, как вы, наверное, уже заметили, дрожат, конечно, не только перепонки в человеческом ухе, но также и различные предметы, хотя, конечно, незначительной, невидимой на глаз дрожью.

И вот тут-то я и должен обратить ваше внимание на одно интереснейшее научное явление. Заключается оно в следующем.

Видите ли, вообще от звука любой высоты более или менее колеблются все предметы, но больше всего, представьте себе, охватываются дрожью именно те, которые, ежели по ним стукнуть, сами способны издавать подобный же звук.

Значит, выходит, что каждый предмет как бы настроен на свой определенный звук, и как раз на такой звук, который способен издавать он сам.

Это явление в физике называется резонансом.

Лейтенант торжествующе посмотрел на своих слушателей, как бы любуясь произведенным эффектом. Многие из нас, явно заинтересованные рассказом, даже перестали улыбаться.

– Зачем нам с вами далеко идти за примером! – продолжал между тем рассказчик. – Давайте хоть сейчас возьмем две обыкновенные гитары и настроим их обе на одинаковый лад. Если, предположим, кто-нибудь из вас тронет струну у одной гитары, то можно услышать, как струна у другой гитары, настроенная на этот же тон, отзовется. А остальные

струны, представьте себе, будут вести себя тихо.

Отчего это получается, я вас спрашиваю? Да очень просто!

Вот давайте возьмем еще доску, зажатую с одного конца в бревно, а на другой конец посадим кого-нибудь и объясним ему, что сейчас будем его качать. И действительно, подойдем и легонечко толкнем его вниз. Что произойдет? Он начнет качаться: вниз – вверх, вниз – вверх... Если мы будем подталкивать его даже потихоньку, но сообразуясь с качанием доски, или, как говорят, будем попадать в ритм качки, то сможем раскачать его так, что доска даже обломится.

А если мы будем толкать доску хотя и сильно, но беспорядочно, как попало, то ничего подобного не получится.

Так и со струной! Когда воздушные колебания начинают толкать ее в ритм ее собственных периодов, как говорят физики, то она очень легко раскачивается. А уж какая-либо другая частота ее мало трогает.

Ну, конечно, струну нельзя сравнивать с какими-нибудь обыденными предметами. Со струной – просто. Она может колебаться только в определенном направлении и потому издает в основном только один, достаточно ясный тон. А возьмем, например, самоварную трубу. Тоже издает звук! Если, предположим, вы ее уроните на пол... Ну, а что это будет за звук? Какого, я спрашиваю у вас, тона? Да на этот музыкальный вопрос ни один, даже гениальный композитор ответить не в состоянии!

А все дело в том, что самоварная труба не колеблется только в определенном направлении, как это делает струна, а в силу своей сложной конструкции одновременно сжимается, изгибается и вообще искривляется самым причудливым образом! Благодаря этому и получается не один тон, а сразу несколько, перепутанных между собой. Следовательно, и наоборот: чтобы вызвать в самоварной трубе как следует явления резонанса и заставить ее дрожать от звука, необходимо на нее действовать тоже сложным звуком, состоящим из разных тонов. Одним словом, нужен для этой цели такой же звук, какой издает она сама при падении.

Сейчас, когда я вам это объясняю, вы, наверно, понимаете все хорошо, а вот каково мне было в свое время, когда я слушал Петю!..

Двое из присутствующих в комнате облегченно вздохнули.

– Я тогда не понимал, – продолжал лейтенант, – зачем он мне все это рассказывает! Вдруг Петя говорит мне:

«Ты помнишь, конечно, не совсем обычный взрыв, от которого у нас лопнуло несколько плафонов и притом определенной формы, а окна остались целыми? Помнишь, я тебе говорил, что тут заключается какая-то загадка, а ты тогда еще послал меня к черту? Так вот, дело действительно получилось не совсем обычное. Тогда я еще ничего не понимал, но теперь могу тебе все объяснить. Наши плафоны лопнули не от взрывной волны, а именно от этого странного звука. И произошло это исключительно оттого, что их собственный звуковой резонанс близко совпал с характером этого звука».

«Ну, а твой профессор Богуцкий здесь при чем?» нетерпеливо спрашиваю я.

«О Богуцком речь будет впереди, – говорит Петя. – Я слышал о нем очень давно, хотя в лицо никогда его раньше не видел. Это очень знающий и способный человек, но с некоторыми существенными недостатками. Он очень замкнутый и нелюдимый. Свою работу ведет всегда как-то обособленно, все старается своими силами сделать, редко к кому обращается за помощью. Видно, что большой индивидуалист. Вот и теперь. Но я уж лучше все расскажу по порядку.

Богуцкий и несколько работников его лаборатории остались в Ленинграде временно, как и мы. Они тоже слышали тогда сильный взрыв и обратили внимание на лопнувшие и у них в комнатах плафоны. Богуцкого это заинтересовало, поскольку его специальность – акустика и электроакустика. Ему было известно, что у нас в корпусе «Б», который он считал совершенно пустым, тоже были плафоны такой же формы. И вот, чтобы убедиться в своих предположениях, он пошел вечером в наш корпус, причем уверяет, что входная дверь была

плохо закрыта, так что он совершенно свободно ее открыл».

В этом месте рассказа Петя стал улыбаться.

«В общем, ты его здорово напугал, – продолжал он. – Богуцкий от неожиданности побежал к выходу, не соображая даже, что делает. Пришел в себя только в парке и решил, что поступил по-мальчишески. На другой день я встретил его у разбитого самолета – я, конечно, не знал, что это он был в нашем корпусе. А вечером профессор, проходя с товарищами мимо нашего корпуса, услышал передачу моих пластинок. Очень заинтересовался этим и остановился под окном, чтобы разобраться, в чем дело. Естественно, когда он увидел свет твоего фонарика, то предпочел тут же удалиться, чтобы не вступать в излишние объяснения».

«Странно, – замечаю я Пете, – что ты не нашел нужным все это мне сообщить раньше».

«Не мог, – отвечает Петя. – Дал слово. Слушай, что было дальше...»

А дальше было вот что. Через несколько дней Богуцкий повстречал Петю в парке.

«Правда ли, – спросил он, – что вы записываете звуки бомбежки на граммофонные пластинки?» «Правда», отвечает Петя.

«Мне очень хотелось бы получить у вас одну пластинку, где запечатлен взрыв в виде длительного звука. Я, кажется, такую у вас слышал».

Ну, Петю, конечно, все это очень заинтересовало.

«Зачем, – говорит, – вам она нужна?»

Богуцкий ответил что-то неопределенное. Пете же было жалко расставаться со своей пластинкой.

«Объясните, – говорит, – толком, а то не дам!»

Профессору после этого ничего не оставалось делать, как признаться ему во всем.

«И вот тут-то, – говорит Петя, – я и услышал поразительную вещь!»

Рассказчик замолчал и глубоко задумался, как бы собираясь с мыслями.

– В трех километрах от нас, – продолжал он через некоторое время, – по неустановленной причине взорвался небольшой склад с боеприпасами. Единственно, что стало известно, так это то, что находившиеся на складе снаряды взорвались не одновременно, а рвались с некоторой последовательностью, почему звук взрыва и получился в виде продолжительного гуденья.

Почему это произошло, тогда тоже не удалось выяснить. Может быть, повлияло как-нибудь взаимное расположение снарядов в различных помещениях или были другие причины, но только получился не общий взрыв, а ряд взрывов различной силы и характера, следующих один за другим почти непрерывно.

«Ты, наверно, помнишь, – говорит мне Петя, – что слышался какой-то сплошной рев и вой. И вот этот единственный в своем роде случай создал в воздухе необыкновенно мощную звуковую волну, распространившуюся во все стороны».

«Мне нужно, – говорит Богуцкий, – очень тщательно изучить характер этого звука. Я думал, что это удастся сделать с помощью исследования резонансных свойств плафонов, но, к сожалению, данные получаются неполные. Характер звука таким методом мне определить удалось, а последовательность, с которой этот звук нарастал, и то, как в нем располагались по времени различные тона, установить очень трудно. Вот ваша пластинка, если ее проанализировать, дело совсем другое».

Вы, наверное, не верите, – обратился лейтенант к слушателям, – что от звука могут разрушаться какие-нибудь предметы! Оказывается, вполне возможно при некоторых условиях резонанса и очень большой мощности звука. С резонансом вообще шутки плохи. Вот, например, в старом Петербурге, знаете, в начале нашего века произошла катастрофа. Представьте себе обыкновенный, самый нормальный мост через Фонтанку. Ходит по нему множество народа. И все протекает нормально. Мост держится. А вот проходит небольшой сравнительно отряд солдат, просто взвод, ну и, конечно, согласно воинскому уставу, все стараются идти в ногу. Нужно же было так случиться, чтобы ритм их шага нечаянно совпал с резонансом этой постройки! Мост, представьте себе, обрушился, и весь взвод в полном

составе неожиданно очутился в воде.

Вот поэтому-то во всех странах и завели правило, чтобы воинские части переходил мост не в ногу.

Правда, солдаты действовали на резонансную систему моста непосредственно своими сапогами и, таким образом, его раскачали, а на осветительные плафоны повлияли, так сказать, воздушные колебания. Но все дело в резонансе и мощности звука.

А вот с самолетами что при испытаниях происходит? Представьте себе: конструируют новую машину – просто, скажем, чудо техники. И скорость замечательная и дальность полета порядочная. А при испытании иногда разваливается в воздухе! В чем дело? Начинают разбираться – оказывается, вибрация мотора попала в резонанс с какими-нибудь трясущимися деталями. До сих пор авиаконструкторы бьются с этим делом. Не всегда, понимаете, даже поддается математическому расчету. Очень трудная задача. Всего не учесть... А тут иногда еще мотор меняет свои обороты, чем создает самую разнообразную вибрацию самолета. У меня один знакомый летчик-испытатель еще в 1934 году с этим делом столкнулся. Говорит: «Поднимаюсь на новой, только что сконструированной машине. Все идет хорошо. Летит плавно, поддается рулевому управлению, и все такое прочее». Но вот он, как полагается по программе испытаний, открывает газ на полную силу и начинает набирать скорость. «Вдруг чувствую, – говорит, – появляется сильная вибрация... Два месяца пролежал в госпитале!» А машину тем временем, конечно, видоизменяли, укорачивали какие-то там ребра, удлинляли растяжки – одним словом, делали так, чтобы в воздухе они не резонировали от вибрации мотора.

В общем, Пете скоро стало ясно, зачем Богуцкому понадобилось тщательно анализировать звук этого взрыва. По его мнению, от этого сверхмощного звука разрушались не только осветительные плафоны...

«Мне, – говорил Петя, – долго не верилось, что резонансные данные оказались одинаковыми и у маленького осветительного плафона и у огромного бомбардировщика «Юнкерс-88», который, по уверению Богуцкого, развалился в воздухе от одного только звука!»

Но профессор объяснил все очень точно. Дело в том, что даже самые различные по величине и форме предметы могут иметь одинаковые резонансные данные. Он привел Пете в пример две струны, из которых одна толстая, другая тонкая, но при этом соответствующим натяжением их можно обе настроить на один тон.

Трудно было, конечно, представить, чтобы такая прочная конструкция, как самолет, могла разрушиться от звука. Ну, плафоны – другое дело, они все-таки стеклянные.

Но Богуцкий, ссылаясь на мощность звуковой волны, настаивал на своем и привел Пете еще много различных доказательств.

«Видно, – говорит Богуцкий, – случайно «ноты» этого страшного звука действовали с определенной последовательностью на определенные детали самолета, заставляя их вибрировать. В определенный момент получилось сложение сил и наступило разрушение».

«Помогайте нам, товарищ Янин, или, вернее, даже включайтесь в эту работу, – говорил он Пете. – Дело очень серьезное, поскольку оно касается обороны нашей родины. Ведь мы с вами создадим такое оружие, которого ни у кого, кроме нашей страны, не будет. Сделаем это быстро, без шума. Представляете, какое спасибо нам скажут правительство и народ!»

«Я стою, – говорит Петя, – и ничего не вижу перед собой от радости и удивления».

«Сделаем! Конечно, сделаем! – отвечает он Богуцкому. – Отъезд из Ленинграда я отложу, если нужно. Давайте буду помогать!»

«Только одно условие, – говорит ему Богуцкий: – все это должно быть, как вы сами понимаете, в секрете. Ни один лишний человек не должен знать, даже ваш товарищ, лейтенант».

«Я было начал возражать, – говорит Петя, – но он очень уж настаивал».

После этого разговора Петя перетащил к профессору свои грампластинки, не говоря мне ни слова, и начал с ним работать. Оборудование и станков, еще не

эвакуированных, у Богуцкого оставалось много. Только людей нехватало.

«Я даже не знаю, как бы они без меня обошлись», говорит мне Петя.

«Ну, и в каком положении это дело теперь?» спрашиваю я.

«Представь себе, что прибор совершенно готов! – отвечает Петя. – Нужно сказать, работали мы все не покладая рук. Да ты сам вчера ночью слышал мою пластинку... Это уже производилась регулировка.

Устройство прибора очень несложное, – продолжает Петя. – Специальный электрический коммутатор по строго рассчитанному времени произведет включение электрозапалов у различных зарядов взрывчатки, заключенных в резонансные камеры. Благодаря этому должен получиться не один взрыв, а ряд быстро идущих один за другим. Все сольется в мощный звук, точно такой, как у меня зафиксировано на пластинке. И если тот самолет действительно погиб от звука, то и другие, такой же конструкции, возможно, последуют за ним. Но вот что я тебе должен сказать...»

Петя сделался необыкновенно серьезным и говорит мне уже шепотом:

«Есть в приборе, по-моему, некоторые неясности... Выдержит ли нагрузку отражатель, предназначенный для направления звуковой волны кверху? Достаточно ли крепки перегородки, отделяющие одну резонансную камеру от другой? Ну и еще разные мелочи... Ты понимаешь, машина вообще рассчитана на воспроизведение по крайней мере двухсот звуковых «выстрелов». Но вот самый первый меня сильно беспокоит... Богуцкий и слышать не хочет о том, чтобы в нашей работе приняли участие еще какие-нибудь люди. В последнее время он даже ко мне стал относиться пренебрежительно. Все время умаляет значение моей пластинки, уверяет, что можно было обойтись и без нее и конструировать задуманную машину на основе одних математических расчетов.

Я несколько не обижаюсь на него и согласен с тем, чтобы о моем участии даже не знали, лишь бы прибор действительно стал работать, – говорит Петя. – Если бы моя помощь как механика в настоящее время не была нужна, то я давно бы оставил его в покое. Но ты понимаешь, им там без меня будет все-таки трудно...

А нужно было бы пригласить на помощь еще некоторых специалистов. Следовало бы поставить это дело шире.

Ты понимаешь, он собирается все это преподнести сюрпризом. Это уж никуда не годится. Он, конечно, стремится принести нашей родине пользу, и не маленькую. Но нельзя его оставлять одного, без хорошего товарищеского коллектива. Два сотрудника, работающих с ним, тоже начинают понимать, что такую ответственную работу так вести нельзя. Вот сегодня ночью...»

Здесь Петя остановился на полуслове, стал прислушиваться и вдруг побледнел.

«Что с тобой?» спрашиваю его.

«Разве не слышишь: воздушная тревога!»

А я задумался над тем, что он мне рассказал, и действительно не заметил, как на дворе завывли сирены.

«Ну и что ж такого, что тревога! Разве ты впервые ее слышишь?» говорю ему.

Петя встает и начинает ходить по комнате.

«Я все-таки пойду, – говорит он. – Не могу я его оставить одного, без меня ему будет трудно. Сегодня намечается небольшой опыт... Возможно, что все обойдется благополучно».

Я не стал его задерживать, и он ушел.

Тогда мне было трудно сразу во всем этом разобраться.

Действительно, положение серьезное! Нужно как-то повлиять на Богуцкого, помочь ему.

Подумав немного, я решил твердо: необходимо немедленно пойти в штаб и там объяснить положение дела.

Когда я вышел на улицу, бомбежка была уже в полном разгаре. Высоко в безоблачном небе гудели вражеские самолеты. Лунная, с заморозком ночь немного успокоила мои нервы,

но тяжелое предчувствие, появившееся у меня вскоре после ухода Пети, оставалось.

Быстрым шагом направился я к расположенной вблизи танковой части, где мне могли бы дать машину, и уже через несколько минут ехал в ней по направлению к городу.

Равномерный шум автомобильного мотора, работавшего на полной скорости, иногда заглушался недалекими разрывами фугасных бомб. К каждому из них я невольно прислушивался, ожидая услышать совсем другое.

Мы были на полпути к штабу, когда хорошо знакомый рев отчетливо раздался сзади.

Я выскочил из машины, стараясь угадать направление, где должен находиться институт.

Рев, продолжавшийся всего несколько секунд, уже прекратился, и кругом наступила относительная тишина. Я увидел несколько горящих и падающих самолетов, но до моего сознания это доходило как-то слабо. Слишком тревожила меня судьба Пети и остальных товарищей. Не случилось ли чего-нибудь, живы ли они?

Надо скорее вернуться! И мы помчались в обратном направлении, развивая бешеную скорость.

Когда подъезжали к территории института, уже звучал отбой тревоги и из бомбоубежища выходил народ. Мне пришлось бежать через парк по направлению к лаборатории Богуцкого вместе с людьми из спасательного отряда.

Здание охватил огонь. Рядом со зданием была видна огромная воронка, по-видимому на том месте, где стояла резонансная машина. А через некоторое время я решил, что ни Пети, ни остальных товарищей, вероятно, уже нет в живых.

На следующий день мне срочно пришлось улететь из Ленинграда без Пети...

Рассказчик замолчал, как бы прислушиваясь к стуку капель дождя, забарабанивших в окна, и нам стало ясно, как тяжелы ему эти воспоминания.

— Когда я докладывал о случившемся, — продолжал он, — мне мало верили. Каких-либо серьезных доказательств, собственно, не осталось. Пожар здания, воронку возле него и гибель товарищей каждый легко мог объяснить попаданием обыкновенной бомбы.

Единственно, что было вне всякого сомнения: в эту ночь на территории города и в окрестностях нашли четыре сбитых «Юнкерса-88». По заявлению штаба противовоздушной обороны, это были все «юнкеры», какие только участвовали в том небольшом налете.

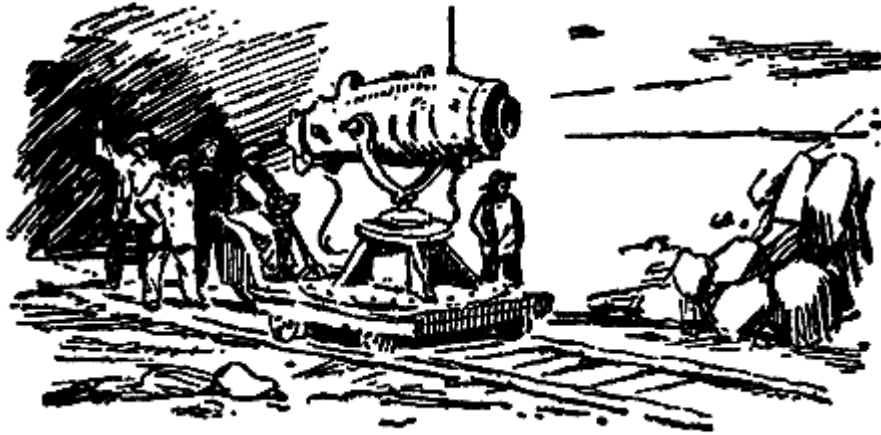
О странном рассказе лейтенанта Воронова мне пришлось вспомнить еще раз совсем недавно.

В одном из наших научно-исследовательских институтов мне рассказали, что механик Петя Янин остался жив и спустя некоторое время вышел совершенно здоровым из госпиталя. Не пострадали и сотрудники Богуцкого. О судьбе самого Богуцкого мне ничего не могли сказать.

Янину удалось разыскать неподалеку от развалин сгоревшей лаборатории свою необыкновенную граммофонную пластинку и продолжать работу над изобретением.

Шорохи под землей

– Слышал я его уже много раз... Понимаете, как будто кто-то невидимый ходит по половицам, и они тихо так поскрипывают... Шорох такой... очень странный!

Директор шахты пожал плечами.

– Пустяки, – сказал он. – Это чисто нервное... Да вы не волнуйтесь!

А про себя подумал:

«Вот еще, кто бы мог ожидать! Такой здоровяк на вид, и вдруг – психоз! Шорохи под землей чудятся».

Петренко, приземистый, широкоплечий человек с загорелым лицом, нервно поднялся с места и принялся расхаживать по кабинету.

– Всегда в одно и то же время... – сказал он, останавливаясь перед директором и глядя на него в упор. – И движется. Тихо так шуршит и уходит куда-то вдаль...

– Пустяки, – повторил директор. – Горных духов, как известно, не бывает, а с непривычки в шахте мало ли чего не покажется. Я сам лет двадцать назад, когда первый раз в шахту спустился, помню, отбил здоровеннейший кусок карналлита. Он как рухнет – так тут такой гул пошел, точно несколько человек к выходу побежало. Ну, думаю, где-то обвал... Прислушался: тихо. Это мой кусок, оказывается, грохот такой вызвал... Вы отдохните денек, да и за работу с новыми силами. А шорохи... шут с ними! Под землей каких только звуков не бывает!

– Да нет же! – нетерпеливо возразил Петренко. – Вы не подумайте чего такого... Я сам много разных звуков слышал на своем веку. Недаром ведь акустическую аппаратуру изобретаю. Вы знаете, что чувствительность прибора, с которым я сейчас работаю, очень велика. Мы слышим, как движутся электровозы, работают врубовые машины, и все это на расстоянии многих километров. Один раз, представьте себе, совершенно отчетливо услышали шум подземной реки... реки, которую не видел ни один человеческий глаз. Но то, что слышится теперь – вы меня извините, – это очень странно. Я просто теряюсь в догадках...

Директор калиевой шахты Николай Иванович Губанов изобразил на лице сочувствие. Но он без особого удовольствия слушал взволнованную речь ученого. Ну какие там звуки слышны под землей! Какое, собственно говоря, это имеет отношение к его работе!

Директора беспокоило другое.

Вот уже две недели продолжаются на шахте испытания новой аппаратуры, предназначенной для местной геологической разведки. Стране нужно огромное количество калиевой соли, повышающей плодородие земли. Добыча калийных удобрений должна быть резко увеличена по сравнению с довоенным уровнем. А тут серьезный человек, ученый, от которого он ждет новых открытий, увлекся какими-то посторонними вещами...

Петренко привез на шахту разработанную им новую акустическую аппаратуру. Ее действие было основано на том, что мощный звуковой сигнал, посланный в землю, отразившись, должен был вернуться в специальный приемник и рассказать о структуре слоев, на которые он натолкнулся. Так обстояло дело в теории. На практике же звук уходил под землю и терялся в толще горных пород. Правда, при этом звук отражался и преломлялся так, как луч солнца, упавший в воду, но к приемнику возвращалась настолько ничтожная часть его, что по показаниям прибора нельзя было представить ясной картины подземных богатств. Требовалось внести какие-то усовершенствования в аппарат.

«Дались же ему эти шорохи! – думал Губанов, с досадой поглядывая на озабоченное лицо своего собеседника. – Нет уж, видно, придется вести разведку обычными методами. А жаль: прибор Петренко обещал значительно ускорить все дело...»

Стук в дверь прервал размышления директора. Вошел высокий, сухопарый человек в круглых роговых очках. Это был кандидат физико-математических наук Константин Сергеевич Шабалин, работник одного из исследовательских институтов Ленинграда. Здесь, на шахте, он испытывал свой аппарат, тоже предназначенный для разведки соляных пластов.

– Ну, как успехи? – спросил директор, пожимая сухую, костлявую руку ученого.

Тот поправил очки и огорченно развел руками.

По методу Шабалина, в толщу земли посылалась на разведку радиоволна определенной длины. Радиоволны по-разному отражаются от различных горных пород, и на экране приемного устройства в аппарате Шабалина появлялось условное изображение, рассказывающее о геологическом строении земных недр. Так было не только в теории, но и при лабораторном испытании прибора. Но вот в шахте дело не ладилось: какая-то дымка застилала экран через несколько минут после начала работы. Все пропадало в этом тумане. Шабалин бился изо всех сил, менял волну, даже переделывал свой прибор, но пока безрезультатно.

Петренко, замолчавший было на минуту, снова оживился.

– Я вот рассказываю сейчас Николаю Ивановичу про странные явления в шахте, – сказал он, обращаясь к коллеге. – Какие-то звуки непонятные слышны, даже когда наш генератор звука выключен.

– Звуки? – рассеянно переспросил Шабалин. – Ну и что же?

– Легкий такой шорох... и медленно передвигается с места на место...

Ленинградец покосился на Петренко.

– Да не заблуждаетесь ли вы? – опросил он.

И тут же рассказал о случае, который произошел однажды во время сейсмической разведки рудных залежей. Сейсмограф, установленный на поверхности земли, зарегистрировал землетрясение силой в десять баллов. Между тем почва под ногами исследователей была совершенно спокойной. При проверке выяснилось, что неподалеку от сейсмографа в ямку в земле попал лягушонок. Он пытался выбраться и производил легчайшее сотрясение почвы. Чувствительность же прибора была так велика, что он зафиксировал сильные толчки.

– Вот и у вас тоже, – добавил он, – мышь какая-нибудь ползет... Усиление звука в вашем аппарате настолько велико, что муха за слона сойдет, а мышь, как поезд, будет шуметь... в вашем ухе...

– Да нет же! – окончательно разгорячился Петренко. – Ведь звук-то идет из толщи земли... Какая там мышь... Вы просто смеетесь... Конечно, вы не верите в эффективность звуковой разведки...

«Ну вот, кажется, начали ссориться, – подумал Губанов. – Самолюбие проклятое заедает. Нет того, чтобы спокойно разобраться в сути дела. Общими бы усилиями... А то каждый считает свой метод наилучшим и готов на рожон лезть».

Директор задумался и почти не слушал спорящих. – Ну, это вы уж оставьте, – доносился голос Шабалина. – Проникновение радиоволн в толщу земли исследовано очень хорошо. А ваши звуковые колебания, вы меня извините, еще требуют изучения и изучения.

Наконец в комнате наступило молчание.

– Куда вы, Петр Тимофеевич? – обратился директор к Петренко, заметив, что он встает с места.

– Пойду, – хмуро ответил тот, – аппаратуру готовить. Через час примерно этот звук опять должен появиться.

– Станный человек... – пробурчал Шабалин, усаживаясь поближе к директорскому столу. – С ним совершенно нельзя вести научных споров: горячится. Вы слышали наш разговор?

Директору было неудобно признаться, что он почти ничего не слышал.

– Да, конечно. Но вы тоже, по-видимому, неправы, Константин Сергеевич. Так же нельзя, – с упреком проговорил он. – Надо помогать друг другу. А у вас что получается! Споры без конца. Человек нервничает от неудач. Надо внимательно к нему...

– В науке споры неизбежны, без этого не придешь к истине. Да вы только послушайте. Он уверяет, что звук распространяется под землей таким образом, словно...

– Не хочу слушать ни про какие звуки, – отмахнулся рукой директор. – Я не специалист в акустике, и мне в этом не разобраться. Дайте мне хорошо работающий прибор для разведки, пусть он будет основан на любом принципе – на вашем, на петренковском, – лишь бы работал. Вот что сейчас нужно. Ведь производство мы должны увеличивать в совершенно исключительных масштабах. Вы знаете, что такое калий!

И Шабалин был вынужден опять выслушать взволнованную речь Губанова о значении калиевой промышленности в народном хозяйстве страны.

– Вы только вспомните, – с убеждением в голосе говорил Губанов, – в царской России совершенно не добывали калия! Америка и по настоящее время не имеет своих калийных рудников.

А у нас? Да ведь мы теперь на первом месте в мире по разведанным запасам калия. Только разрабатывай! Одно только наше Верхнекамское месторождение располагает запасом, превышающим все остальные запасы калия в мире почти в пять раз... В солях, которые мы добываем, содержится не только калий, но и магний. А разве построишь современный самолет без магния! Понимаете, какое дело? Мы ждем от вас помощи. Дайте усовершенствованный аппарат, который быстро и точно отвечал бы на вопрос: стоит ли вести проходку в данном направлении? А Петренко какими-то там таинственными звуками заинтересовался. У вас тоже не ладится... И даже неизвестно, откуда появляется эта дымка на экране, которая все портит.

Губанов взял в руки пресс-папье, сделанное, как и весь письменный прибор, из белоснежного, шлифованного под мрамор карналлита, и повернул так, что тысячи искр засверкали на полированной грани.

– Я понимаю ваше нетерпение. – возразил Шабалин, – но не всегда в лабораториях можно все предусмотреть. Дело ведь совершенно новое... А откуда берется эта дымка, ума не приложу.

– Конечно, не все сразу, – несколько мягче отозвался директор. – Но уж очень вы все спорите с Петренко. Какая-то неприязнь, по-моему, зародилась между вами. Каждый думает главным образом о том, чтобы восторжествовал именно его метод. Вы не хотите смотреть на это дело в общегосударственном масштабе. Шабалин стал необыкновенно серьезным.

– Ну, в этом вы ошибаетесь, – проговорил он твердо и с укором в голосе. – Успехи в развитии народного хозяйства мне дороги так же, как и Петренко и вам. Научные споры совсем не означают личной неприязни. Мне нравится Петренко и самый стиль его работы – с размахом, с добросовестным изучением каждого факта. Но что касается его теорий, то некоторые из них представляются мне...

– Ну, хорошо, хорошо, – торопливо сказал директор. – Ведь вам, кажется, пора на испытания?

– Между прочим, – заметил, уже уходя, Шабалин, – поведение Петренко со вчерашнего дня стало каким-то странным... Вы не находите? Или это мне так кажется?

«Надо будет заняться ими всерьез, – подумал Губанов, когда Шабалин ушел. – Что-то у них там неладно».

* * *

Сказочен подземный мир карналлитовой шахты! Он поражает прежде всего своими яркими красками. Такие краски не ожидаешь встретить под землей. Мозаика стен составлена природой из ромбических кристаллов разной величины и цвета. Сверкающие грани образуют причудливые молочно-белые, зеленые и красные узоры. Они меняют свои очертания при перемещении шахтерской лампочки.

Константин Сергеевич с любопытством оглядел огромное подземное помещение. Его поразило необыкновенно раскатистое эхо, которое встречается лишь в пустых каменных гротах.

В этом искусственном гроте, образовавшемся после выработки породы, должно было происходить очередное испытание.

– Кон...стан...тин... Сер...ге-е-е-е...вич!.. – раздалось из глубины грота.

Шабалин, стоявший у входа, откликнулся и направился к светящимся точкам.

У самой стены несколько лаборантов возилось со странным электрическим аппаратом. Большой сигарообразный корпус прибора, покоящийся на массивном треножнике, бросал на стену продолговатую тень, не менее причудливую, чем сам прибор. Несколько проводов соединяло его с передвижной аккумуляторной подстанцией.

– Готово, Константин Сергеевич! Можно начинать... Грот стал наполняться монотонным жужжаньем. Шабалин вращал ручки регуляторов. Круглое отверстие экрана засветилось тусклым зеленоватым светом.

Вот на зеленом поле появились какие-то смутные очертания. Изображение на экране становилось все более четким.

– Смотрите! – обрадованно вскрикнул Шабалин. – Линия карналлита: вот одна, две, три... О! Да его здесь много!..

– И совсем недалеко от нас! – заметил лаборант, не отрывавший глаз от боковой шкалы прибора. – Его загораживает слой каменной соли толщиной всего метра в три. Жаль, что эту выработку забросили. Да-а, какой мощный пласт!..

Но что это? Изображение на экране потускнело. Исчезли знакомые линии карналлита, флюоресцирующая поверхность покрылась матовой дымкой. Сплошной зеленоватый туман! Опять неудача...

– Выключить прибор! – с досадой скомандовал Шабалин. – Довольно...

Прибор включали еще несколько раз, но с прежними результатами.

Неожиданно внимание ученого отвлекла светящаяся точка, появившаяся у входа в грот. Кто-то медленно передвигался с шахтерской лампочкой в руках, затем остановился, словно в нерешительности.

Светящаяся точка оставалась неподвижной всего несколько минут, затем вдруг запрыгала. Человек пустился бежать, но не к группе испытателей, столпившихся вокруг прибора, а к выходу из грота. В окружающей темноте трудно было узнать бегущего. Но вот на повороте мелькнул яркий отблеск. В свете его Шабалин различил приземистую фигуру Петренко.

* * *

Директор искал Петренко.

Шагая по длинным извилистым штрекам, он часто останавливался, чтобы заглянуть попутно в различные уголки своего обширного подземного хозяйства.

Всюду горел яркий электрический свет. Пробегали поезда вагонеток, груженных разноцветной породой. В забоях деловито стрекотали врубовые машины. Они резали камень

острыми зубьями, расположенными на бесконечной цепи. Как пулеметы, стучали отбойные молотки. Длинными сверлами вгрызались в сверкающий камень электродрели. Позже в просверленные отверстия будет заложен аммонит, чтобы взорвать, превратить в блестящие брызги массивы карналлита и каменной соли.

Разнообразные машины помогали горнякам разбить, раскрошить на части крепкую кристаллическую породу и сделать ее удобной для транспортировки наверх.

В одном из далеких штреков, где разработка уже давно не производилась, должна была находиться группа Петренко. Губанов легко нашел это место, ориентируясь по карте.

Но ученого на месте не оказалось. Лаборанты объяснили, что их руководитель заходил сюда несколько раз, но тут же исчезал неизвестно куда.

– Он чем-то очень взволнован, – заявил Губанову один научный сотрудник.

– Мы никогда не видели его в таком возбужденном состоянии, – добавил другой.

Губанов пожал плечами. Он попросил передать Петренко, что сейчас направляется к Шабалину и зайдет сюда на обратном пути.

У входа в грот, где работала группа Шабалина, Губанов заметил какое-то темное пятно. Директор поднял фонарь: в углу притаился человек. Он скорчился на коленях у стены, прижавая к ней что-то в виде ящика. Фонарь Губанова осветил знакомую приземистую фигуру.

– Петр Тимофеевич! – воскликнул удивленно директор. – Что вы тут делаете?

Петренко вздрогнул, выпрямился, все еще стоя на коленях, и, как показалось директору, загородил ящик. Шахтерская лампа в его руке погасла.

– Тише... – прошептал он в темноте. – Одну минутку...

Губанов направил луч своего фонаря на Петренко, Тот, торопясь и нервничая, отсоединял от продолговатого ящика электрические провода.

– Вы меня извините, – пробормотал он, засовывая обрывки проводов в карман и завертывая ящик в спецовку, которую он еще раньше снял с себя. – Я сейчас...

Сунув ящик подмышку, Петренко побежал по штреку, пригибаясь словно от большой тяжести.

Директор, недоумевая, посмотрел ему вслед. Затем быстро направился в грот.

– Ну как? – спросил он, подходя к группе Шебакина.

– Сначала было все хорошо, – ответил тот, вытирая носовым платком руки, – а потом все заволгло. Словно радиопомехи какие-то... Но откуда им здесь быть, под землей?

* * *

– Попрошу вас, Николай Иванович, немедленно распорядиться насчет чая, – взволнованно сказал Петренко, обращаясь к директору. – Иначе никаких разговоров и быть не может...

Петренко был крайне возбужден. Шабалин с удивлением наблюдал за своим коллегой. В маленькой уютной гостиной царил полумрак. Настольная лампа с зеленым абажуром оставляла в тени лицо ученого, шагавшего из угла в угол.

– Как успехи, Петр Тимофеевич? – спросил Шабалин, когда директор вышел распорядиться насчет угощения.

– У меня успехи? – ответил Петренко, круто останавливаясь перед ленинградцем. – Вы шутите? Вот у вас удача – это да! Есть с чем поздравить.

Он вдруг крепко пожал руку Шабалину. Рука Петренко была сухая и горячая.

– Я вас совершенно не понимаю, – недоумевал Шабалин. – В последнее время вы говорите какими-то загадками.

– Загадка решена! – Петренко щелкнул пальцами. – Теперь я знаю, кто это бродил под землей!

В гостиную вошел директор. Вслед за ним внесли чай.

– Так вот, насчет этих скрипов и шорохов, о которых я вам уже говорил... – начал Петренко, усаживаясь за стол.

«Опять со своими таинственными звуками! – подумал директор. – Что они ему покоя не дают?»

– Много приходится слышать разных звуков с помощью подземной акустической аппаратуры, – продолжал Петренко. – А тут, представьте себе, как будто что-то немного знакомое... «Что это может быть?» думаю. Этаким характерный шорох с потрескиванием...

Рассказ не столько интересовал директора, сколько беспокоил его. Глаза Петренко горели, как казалось директору, ненормальным, болезненным блеском. Его веселость тоже была какой-то подчеркнутой и неестественной.

– Пейте чай, Петр Тимофеевич, – проговорил Губанов. – Остынет...

– Ах, да, да! Чай!.. – заторопился Петренко. – А вы почему не пьете?

Затем, не говоря больше ни слова, он вытащил из бокового кармана несколько блестящих ярко-красных камней и принялся накладывать их в стакан.

«Все! – мелькнуло в голове у директора. – Рехнулся! Кладет карналлит вместо сахара...»

– Петр Тимофеевич... – кинулся к нему директор. Его остановил предупреждающий жест Петренко.

– Тише! Одну минутку, тише... – торжественно произнес он, отодвигая стакан с

карналлитом на середину стола. – Слушайте!

Множество пузырьков начало бурно подниматься сквозь темно-красную жидкость чая. Из стакана, где растворялся карналлит, слышались треск и слабое шипение.

– Ну что? – торжествующе воскликнул Петренко. – Слышите? Что это такое?

– Это вырывается из растворяющихся кристаллов так называемый микровключенный газ, – ответил директор.

– Вот именно! – перебил Петренко. – Частицы газа вкраплены в кристаллы и находятся там под давлением чуть ли не в несколько десятков атмосфер... Газ, попавший в кристаллы еще при образовании кунгурского яруса пермской системы, теперь вырывается наружу. Как только стенки ячеек, в которых он находился, стали тоньше от растворения, газ вырвался из многовекового плена... Вам ясно, Константин Сергеевич?

– Не совсем, – проговорил Шабалин.

– Вы не догадываетесь, почему у вас на экране появляется туманная дымка? Газ-то становится электропроводным! Ну, а вам, физику, остальное все должно быть ясно.

– Вы хотите сказать...

Шабалин остановился. Слишком неожиданной была подсказанная ему догадка. Под влиянием дециметровых волн в породе возникают ионные процессы и происходит разогрев газа. Газ, расширяясь, ломает стенки и разрушает кристаллы. Значит, не годятся дециметровые радиоволны для разведки в калиевых рудниках. Разрушение кристаллов – вот о чем говорит дымка, появляющаяся на экране, которая мешает исследованиям.

Шабалин посмотрел на Петренко. Как наглядно и убедительно тот доказал бесполезность прибора Шебалина в калиевых рудниках! И этот жестокий удар был нанесен в присутствии директора, на совещании, созванном по требованию самого Петренко.

– Я установил, – продолжал все тем же радостно-возбужденным тоном Петренко, – что характерный этот шорох возникает именно тогда, когда работает ваша аппаратура, Константин Сергеевич. Слышу шорох – бегу к вашему штреку, смотрю: работает. Выключен ваш аппарат – и шороха нет. Вчера подтащил портативный акустический прибор прямо к вашему гроту. Бегать уже был не в силах, устал... Всю эту – ночь просидел за вычислениями... Простите, я, может быть, кажусь вам немного странным...

– Очень благодарю вас, – сухо проговорил Шабалин. – Вы уделили мне много внимания. Вы доказали, что применение моей аппаратуры в калиевых рудниках невозможно. Теперь мне не придется тратить время на решение безнадежной задачи.

Шабалин резко поднялся из-за стола.

– Позвольте, товарищи, – завокнулся директор, – ссориться вы опять собираетесь, что ли?

– Зачем ссориться! Из-за чего? – закричал Петренко, вскакивая со своего места. – Константин Сергеевич, дорогой! Разрешите мне расцеловать вас на радостях... Неужели вы не поняли еще? Да ведь перед нами открытие!.. И какое еще! Я очень рад, что помог в этом деле... Мощность передатчика мы увеличим и... Понимаете?

Петренко направился к Шабалину с широко распростертыми объятиями. И вдруг Шабалин с радостным криком бросился навстречу.

– Ионизация газовых ячеек!.. – закричал он в восторге. – Значит, чем больше мощность, тем гуще дымка, тем энергичнее разрушаются кристаллы... Петр Тимофеевич, дайте я вас поцелую!

«Ну, теперь оба они с ума сошли, кажется!» подумал директор.

* * *

В подземном гроте слышался стук металлических инструментов, хруст шагов. Заканчивалась установка нового, очень мощного прибора.

– Волнуетесь? – тихо спросил Петренко, подходя к Шабалину.

Вместо ответа Шабалин взял его под руку.

– Будем бороться вместе, – проговорил он. – Какие бы ни были первые результаты – не отступать! Вы мне доказали, что и неудачи многое открывают.

Начало не предвещало ничего хорошего. После того как аппарат был приведен в действие, на стене появилось голубое пятно, озарившее грот слабым, мерцающим светом. Прошло несколько минут. Голубое пятно потускнело. От стены отвалилось несколько мелких кусочков – как будто осыпалась штукатурка.

Это было совсем не то, чего ждали ученые.

– Укоротим волну, – предложил Шабалин. – Опять начались неудачи в этом заколдованном гроте.

Он подошел к аппарату и стал вращать рукоятку настройки. Яркость светового пятна увеличилась. Вот оно засверкало ослепительной голубизной. Несколько крупных кусков выпало из середины пятна.

Шабалин еще повернул рукоятку.

И вдруг стена, на которую было направлено излучение дециметровых волн, стала расплываться на глазах у зрителей. Шипели лопавшиеся кристаллы. Казалось, тысячи невидимых острых игл впивались в породу. В том месте, где сияло голубое пятно, стена рассыпалась, расползалась.

Шабалин приник к аппарату. Голубоватое светящееся пятно пришло в движение. И всюду, куда падал луч, стена подземного грота оживала.

Мощный поток дециметровых волн, во много раз более сильный, чем тот, который применял раньше Шабалин для геологической разведки, нагревал микровключенный газ. Миллиарды газовых пузырьков ломали свои ячейки, вырываясь наружу. Разорванные изнутри кристаллы рассыпались в песок.

Это было феерическое зрелище. Невидимый радиолуч долбил твердую породу быстрее, чем врубовые машины и отбойные молотки, безопаснее, чем аммонит.

Директор подошел к стоявшим рядом ученым и положил руки им на плечи.

– А ведь я думал было, – сказал он улыбаясь, – что у вас в смысле товарищеских отношений не все ладилось. А оказалось, что у вас творческое соревнование!

Шабалин щелкнул выключателем. Голубое пятно погасло. Прекратилось жужжанье прибора. В наступившей тишине слышно было тихое потрескивание – точно угольки в глохнувшем самоваре. Остывающие в глубине кристаллы кое-где продолжали еще лопаться.

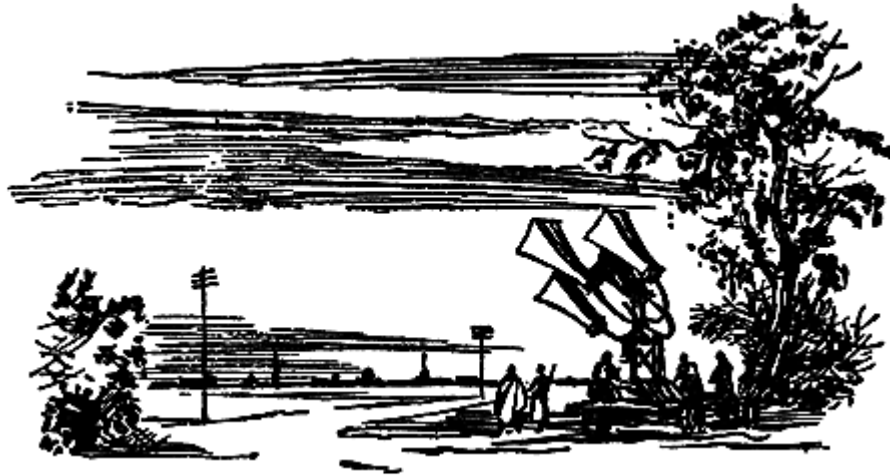
Петренко подошел к стене и приложил к ней ухо.

– Ну как, шуршит? – весело спросил директор.

– Шуршит! – ответил Петренко. – Слышите? Слабый шелест, как замирающая нота, медленно угасал под сводами подземелья.

Электрические снаряды

Каждый удар, равномерно отбивавший секунды, гулко разносился под опустевшими сводами старинного институтского здания. Раньше этот привычный стук никому не казался таким громким – он терялся в говорливом шуме студенческой толпы. И только на закате хлопотливого дня, отражаясь многократно от высоких сводов бесконечных коридоров, он дополнял ту неуловимую торжественность, которой была наполнена вечерняя тишина старого здания.

Теперь же тикающие электрические часы, расположенные почти во всех комнатах Ленинградского политехнического института, вечером, ночью, утром и днем были единственным напоминанием о жизни. Всюду лежал отпечаток недавней и спешной эвакуации.

Но в одной из комнат часы не могли властвовать безраздельно. Она не была пуста, как остальные. Ее по-прежнему заполняли сложные физические приборы.

В комнате находилась девушка.

Лучи заходящего солнца красным пятном ложились на ее светлые волосы. Однако Зоя (так звали эту девушку, дочь профессора Леонтьева) старалась спрятаться в тень, наклоняясь над низким лабораторным столом. Она вся ушла в строгую напряженность наблюдения. На флюоресцирующем круглом экране, находившемся перед ней, мерцали синие бегущие волны, все время менявшие свои причудливые формы. Девушка работала с катодным осциллографом – чудесным, живым воплощением высокой поэзии современной электронной техники.

Можно ли любоваться фантастической игрой синего узора, волнующегося на дымчатом белом экране, не интересуясь удивительной тайной процессов, протекающих в этом приборе! В нем работает буря мельчайших электрических зарядов – электронов. Они вырваны высоким потенциалом из раскаленной металлической нити и мчатся в пустоте стеклянной колбы в виде узкого луча, бомбардируя флюоресцирующий матовый экран. Именно этот электронный луч, способный быстро следовать за малейшими изменениями электрического поля, передвигаясь, рисует, подобно карандашу художника, на светящемся от его прикосновения экране синие штрихи. Катодный осциллограф – это сказочные очки физика. Через них он смог увидеть самые сложные, самые быстрые электрические процессы, невидимые, неосязаемые и ранее известные только математически, умоизобразительно...

Девушка внимательно следила за круглым экраном, прислушиваясь к стуку часов, и что-то записывала карандашом в тетрадь через равные промежутки. Ее молодое энергичное лицо выражало усталость.

Неожиданно внимание девушки резко обострилось.

Она замерла на месте с поднятым карандашом в руке, пристально вглядываясь в прибор.

Непонятное и странное изображение начало появляться на круглом экране. Оно росло, постепенно увеличиваясь и заполняя собой все видимое пространство. А вслед за этим снаружи донесся высокий улюлюкающий свист, проникший в лабораторию через заклеенные накрест бумагой большие институтские окна.

Девушка озабоченно приподнялась со своего места. Однако она все время продолжала следить за показаниями прибора, не спуская с него тревожного взгляда. Она видела, как исчезает странный рисунок, а вместе с ним удаляется и высокий, пронзительный звук.

Долго еще прислушивалась Зоя. Она внимательно наблюдала за экраном, стараясь разобраться в случившемся, но осциллограф работал по-прежнему. Непонятное, встревожившее ее явление исчезло вместе со звуком и уже больше не повторялось.

Немного взволнованная, девушка посмотрела на часы, чтобы заметить время, и принялась подробно записывать свои наблюдения в обыкновенную ученическую тетрадь, лежавшую перед ней на столе.

* * *

Когда серые осенние сумерки завладели огромным институтским парком и тучи черных галок с шумом заканчивали свой привычный спор, перед тем как устроиться на ночь, к большому жилому корпусу, расположенному почти в центре парка, медленно подошел высокий красноармеец в новой шинели. Он внимательно осмотрелся, прежде чем войти в парадный подъезд. Кругом было пусто. Да и само здание казалось совершенно безлюдным. Галки проводили входившего в дверь красноармейца громким хлопанием крыльев и разноголосым шумом.

Перед дверной дощечкой, слабо освещенной синей лампочкой, красноармеец остановился в нерешительности. «Профессор Леонтьев Петр Никанорович» – было выгравировано на ней размашистым почерком. От нажатия кнопки где-то вдали глухо задребезжал звонок. Но тишина лестничной клетки не нарушалась больше ничем. Никто не собирался открывать обшитую черной клеенкой большую, массивную дверь.

Красноармеец постоял некоторое время в раздумье и медленно направился к выходу в парк.

У одной из входных дверей в главный корпус института шла напряженная работа. Из урчащих и медленно маневрирующих автомашин, озаренных пучками синего света, пробивавшегося сквозь узкие щели фар, торопливо выгружались громоздкие ящики. Слышался скрип дверных пружин, отрывистые слова команды и обычные при переноске тяжестей глухие, шаркающие шаги. Это прибыла первая партия медицинского оборудования. Главный корпус занимали под госпиталь.

Долго стоял высокий красноармеец, наблюдая за происходящей разгрузкой.

Если бы Зоя Леонтьева, только что покинувшая свою лабораторию, пошла по центральной аллее, а не по узкой тропинке, сокращавшей ее путь к дому, она обратила бы внимание на этого человека, притаившегося у дерева. Но девушка прошла в стороне, глубоко занятая своими мыслями.

Быстрой и уверенной походкой направился красноармеец ко входу в институт. Он прошел мимо работающих людей и очутился в одном из длинных боковых коридоров. Пробираясь в темноте и поминутно освещая электрическим фонариком шеренгу дверей, он старался разобрать прибитые над ними крохотные таблички с номерами. У одной из них красноармеец остановился прислушиваясь. Через некоторое время к доносившемуся издали слабому шуму разгрузки прибавились новые, звенящие звуки, собранные и усиленные пустым коридором.

Незнакомец осторожно открывал дверь, подбирая ключи.

* * *

Резкий и продолжительный звонок заставил вскочить Зою с постели. По установившейся у ленинградцев привычке, она ложилась не раздеваясь, на случай тревоги.

– Мне нужна товарищ Леонтьева! – послышался за дверью звучный голос.

В прихожую вошел лейтенант.

– Разрешите представиться, – проговорил он, снимая фуражку. – Лейтенант Ковалев... Я к вам по следующему вопросу... Мне поручено разыскать вас и договориться относительно эвакуации оставшегося оборудования лаборатории вашего отца. Вы, надеюсь, поедете с этим же эшелонном?

Совершенно произвольно у Зои опустились руки. Слово «эвакуация», очень простое и ожидаемое ею уже несколько дней, показалось теперь каким-то новым и преждевременным.

– Вы знаете... – проговорила она немного неуверенно, – я, кажется, сейчас не могу... И оставшееся оборудование тоже увозить нельзя...

– Это почему же? – удивился лейтенант. – У меня есть распоряжение. Вот, пожалуйста, документы...

– Во всяком случае, – продолжала Зоя, рассматривая поданную лейтенантом бумагу, – мне необходимо задержаться здесь еще хотя бы на несколько дней. Дело, видите ли, в том... Я даже затрудняюсь вам объяснить... Сегодня вечером мною замечено очень странное явление... Мне нужно будет разобраться в этом. У меня есть подозрение, что...

Зоя остановилась на полуфразе. Слишком смутные были эти подозрения, и стоило ли о них говорить малознакомому человеку!

– Если вы можете, – предложил лейтенант, – то хорошо бы сейчас осмотреть оборудование. Мне необходимо получить представление о количестве и размерах приборов.

Вскоре они шли по парку, направляясь к главному корпусу.

– Вы думаете, мне самому легко покидать Ленинград? – говорил лейтенант, как бы успокаивая свою спутницу. – Если бы вы знали, как трудно! Вот один мой товарищ...

Лейтенант не успел договорить, так как девушка неожиданно вцепилась в его руку.

– Смотрите... – прошептала она, указывая рукой по направлению темневшей впереди громады здания. – Вы видите?

– Нет, не вижу, – глухо ответил Ковалев останавливаясь.

Поднявшийся слабый ветер оживил редкие листья темных деревьев. Парк наполнился легким осенним шумом.

– Вон в том крайнем окне, – продолжала Зоя, – то появляется, то исчезает свет... Теперь видите?

– Да, вижу... Но почему это так вас встревожило?

– Кто-то бродит по комнате, где помещается наша лаборатория... Это свет электрического фонарика... А дверь заперта, и ключ у меня, – проговорила Зоя, увлекая лейтенанта вперед.

– Надеюсь, у вас там не хранится ничего секретного? – тихо спросил лейтенант, когда они уже находились в полутемном институтском коридоре.

К лаборатории старались подойти бесшумно. Лейтенант попытался открыть дверь резким рывком, но она оказалась запертой.

– Ключ!... – шепотом проговорил Ковалев. Однако дверь не открывалась ключом.

– Этого никогда не было раньше, – тихо заговорила Зоя. – Дверь всегда открывалась очень легко. Возможно, в замке ковыряли отмычкой и сломали его...

Наконец после долгих усилий щелкнул замок, и тяжелая дверь со скрипом открылась.

Лейтенант не сразу вошел в комнату. Он долго освещал лучом своего карманного фонарика все отдаленные углы, тщательно присматриваясь к причудливым теням,

падающим от физических приборов.

В комнате не было никого.

– Вот видите! – сказал лейтенант, помогая девушке опускать светомаскирующие шторы. – Вы зря волновались. Наверное, перепутали окна.

Зоя хотела ответить, что расположение окон знакомо ей еще с детства и ошибиться она не могла, но услышанный в это мгновение звук заставил ее насторожиться.

На дворе тихо шумел поднявшийся ветер. Четко стучали стенные часы, отбивая секунды. А откуда-то издали доносился высокий, нарастающий улюлюкающий свист.

– Что это за звук? – спросила девушка, подходя к лейтенанту.

– Это, кажется, снаряд, – ответил Ковалев. – И, по-видимому, крупного калибра. Вы разве не знаете, что враги с прошлого вечера начали артиллерийский обстрел нашего района?

– Я так и предполагала, что это снаряд. Я еще вечером слышала этот свист. Но объясните мне, что это значит? Это не может быть обыкновенным артиллерийским снарядом! – быстро заговорила Зоя.

Не дожидаясь ответа, девушка кинулась включать рубильники на распределительном щите, и уже через несколько секунд синие зигзагообразные черточки забегали на круглом экране осциллографа.

– Что вы собираетесь делать? – спросил удивленный лейтенант. – О каком необыкновенном снаряде вы говорите?

– Одну минутку, прошу вас... – сказала Зоя, с напряжением следившая за работой прибора.

Лейтенант осторожно, стараясь не шуметь, приблизился к девушке.

– Что это все значит? – опять заговорил он, всматриваясь в флюоресцирующую поверхность экрана.

В это время сквозь шум ветра опять послышался знакомый улюлюкающий свист пролетающего снаряда. Лейтенант увидел, как мерцающие синие черточки на экране начали быстро менять свою форму, замысловато изгибаясь и разрастаясь во все стороны. Резкие и высокие штрихи появились мгновенно, на какую-нибудь долю секунды заполнили собой весь экран, а затем изображение сразу исчезло. Откуда-то издали послышался грузный и глухой взрыв.

– Товарищ Леонтьева! – забеспокоился лейтенант. – Вам необходимо спуститься в бомбоубежище. Наш район под обстрелом.

Но девушка опять ничего не ответила. Как зачарованная смотрела она на экран.

– Вы видели? – прошептала она, как бы очнувшись.

– Я не понимаю, что вас так встревожило! – сказал лейтенант. – Вы, кажется, говорили о каком-то необыкновенном снаряде...

– Да... да... снаряды необычные. Простые снаряды не могли бы так влиять на мою осциллографическую установку. Мы обнаружили полет снарядов, несущих огромный электрический заряд. Тут существует какая-то тайна... враги применили новое оружие, – быстро заговорила взволнованная девушка.

Лейтенант долго смотрел на нее, соображая, насколько серьезно нужно отнестись к такому заявлению. Он видел, как Зоя принялась что-то беспокойно искать на столе. Она открывала ящики в письменном столе, шарила на полу. Но поиски, очевидно, были напрасны.

– Здесь на столе я оставила свою тетрадку с записями, – проговорила она. – Сейчас тетрадки нет. Она исчезла.

* * *

Когда темно-багровые краски холодного осеннего утра появились на горизонте и предрассветная дымка тумана, покрывавшая пустые поля, стала более светлой, можно было

видеть, как с остановившейся на дороге грузовой машины спрыгнул высокий красноармеец в новой шинели. Он долго осматривался и наконец, выбрав нужное направление, быстро зашагал в сторону от дороги.

Вдали почти беспрерывно грузно ухали орудия. Канонада часто сливалась в глухой продолжительный рев, порой уступая место раздельным, беспорядочно следовавшим один из другим раскатисто-громким ударам.

Красноармеец изредка останавливался и оглядывался. Позади, на фоне уже посветлевшего неба, неясно вырисовывались темные силуэты далекого города, над которым возвышался огромный золотой купол и две тонкие палочки шпилей. Это был Ленинград.

– Кто идет? Пропуск! – раздался голос часового у ограды из колючей проволоки.

Высокий красноармеец предъявил часовому бумажку. Тот долго вертел ее в руках, тщательно рассматривая с обеих сторон.

– Проходите, – наконец сказал он и отодвинул щеколду калитки.

На небольшом пространстве, огороженном колючей проволокой, не было видно ничего, что могло бы броситься в глаза. Кое-где немного выделялись над землей плоские возвышения, свидетельствовавшие о том, что там были землянки. В одну из них спустился по узкой деревянной лестнице прибывший.

Он осторожно стал пробираться среди сложных электрических приборов, расположенных в подземном помещении. Сняв шинель, красноармеец уселся за стол и принялся делать отметки на лежащей перед ним десятиверстной карте.

Увлеченные напряженной работой, люди почти не обратили внимания на вновь прибывшего. Лишь один сержант, стараясь не шуметь, поднялся со своего места и подошел к красноармейцу.

– Ну как? Был в Политехническом? – спросил он шепотом, наклонившись к самому уху.

– Был, – тихо ответил красноармеец.

– Обнаружил?

– Сейчас не время, расскажу позже... Надо доложить начальнику.

Дверь отворилась, и в помещение быстро вошел подполковник.

– Товарищ Крихалев, почему нет сведений с шестого участка? – проговорил он, остановившись у входа.

Маленького роста, немного сутулый капитан, вскочивший со своего места при входе начальника, сделал несколько шагов вперед.

– Разрешите доложить, товарищ подполковник, – начал он. – Сводка подвергается дополнительной обработке. Сегодня ночью, в два часа тридцать восемь минут, зарегистрирована новая группа снарядов...

– Зайдите ко мне через двадцать минут со всеми материалами, – пробасил подполковник и скрылся за дверью.

Капитан Крихалев подошел к одному из аппаратов и уселся на табуретку. Тишину в землянке нарушало лишь равномерное жужжанье приборов.

Внимательно вглядывался капитан в освещенную крохотной электрической лампочкой горизонтальную панель над его аппаратом. По ней беспрерывно ползла широкая бумажная лента, перематывавшаяся с одного барабана на другой. Несколько тонких чернильных линий, которые прибор чертил автоматически, медленно появлялись на ленте.

– Товарищ капитан, разрешите доложить!.. Крихалев повернул голову и увидел перед собой недавно прибывшего в землянку красноармейца.

– Докладывайте.

– Рядовой Озеров прибыл из Ленинграда, где выполнял ваше поручение.

– Ну, и какие результаты?

Но красноармеец ничего не успел ответить. Из прибора послышался легкий шуршащий звук. Капитан немедленно повернулся к аппарату. Застыл на месте и красноармеец Озеров, впившись глазами в ползущую ленту. Одна из чернильных линий сделала резкий скачок. За

ней последовали и другие. Через несколько секунд бумага покрылась зигзагами, пересекавшими иногда друг друга. Затем колебания линий стали уменьшаться, и из аппарата потянулась лента с ровными, параллельно расположенными черточками.

Крихалев посмотрел на часы и обрезал ножницами ползущую бумагу.

– Срочно расшифруйте, товарищ Озеров, – сказал он. – О результатах поездки доложите потом... Опять, кажется, по Ленинграду! – громко добавил капитан, поднимаясь с места. – На этот раз, видно, очень крупного калибра.

Крихалев направился к выходу, провожаемый тревожными взглядами работавших у прибора людей.

В подземной комнате опять стало тихо.

Здесь находился звукометрический пункт. Это было сердце звуковой артиллерийской разведки осажденного города. Отсюда при помощи десятков чувствительных звукоприемников, микрофонов, расположенных в поле и соединенных проводами с регистрирующими приборами, велось наблюдение за звучанием пролетающих снарядов. В землянках находилась аппаратура, позволявшая определять по звуку местоположение неприятельской артиллерии.

На движущейся бумажной ленте последовательно отмечалось тонкими чернильными зигзагами прохождение снаряда над тем или другим микрофоном. Измерения полученных кривых и вычисления позволяли установить точку на карте, откуда был пущен вражеский снаряд. Звукометрическая разведка, уже давно существовавшая во всех армиях, довольно точно указывает расположение стреляющих неприятельских орудий.

Бессмысленный, варварский обстрел Ленинграда начался недавно. С сознанием большой ответственности работали люди звукометрического пункта.

Красноармеец Озеров, только что получивший задание, низко склонился над своим столом, изучая бумажную ленту, на которой было зарегистрировано прохождение нового снаряда.

В землянку возвратился капитан Крихалев. Он принялся налаживать свой аппарат, вставляя в него новую ленту. Скоро журчание его машины слилось с общим равномерным шумом, производимым остальными приборами.

Неожиданно Крихалев заинтересовался поведением красноармейца Озерова, сидевшего к нему спиной. Капитан стал все чаще поглядывать в его сторону. Вначале ему показалось, что Озеров слишком много глядит по сторонам и, следовательно, не торопится с выполнением срочного задания. Затем он заметил, что красноармеец вытащил из кармана смятую ученическую тетрадь и принялся ее внимательно читать.

Все это необыкновенно удивляло капитана. До сих пор красноармеец Озеров, бывший студент Ленинградского политехнического института, работавший при звукометрическом пункте вычислителем, служил примером дисциплинированности и подчеркнута аккуратной исполнительности. Несколько дней тому назад он предложил начальнику пункта отпустить его в Ленинград, с тем чтобы получить из лаборатории, где он раньше работал, измерительные приборы, в которых временно ощущался большой недостаток. И вот сегодня, вернувшись из командировки, он держит себя очень странно.

Но то, что произошло дальше, окончательно поразило капитана.

Тихо и однообразно жужжали моторчики звукометрических машин. Иногда совсем приглушенно доносилась в землянку далекая артиллерийская канонада.

Вдруг раздался громкий звук резко отодвигаемой и падающей табуретки.

Капитан увидел, что красноармеец Озеров быстро поднялся со своего места, держа в руках ученическую тетрадь, и, продолжая смотреть на нее широко открытыми глазами, бросился к выходу...

* * *

По тротуару одной из центральных ленинградских улиц почти бежала Зоя Леонтьева,

аспирант Ленинградского политехнического института. Прохожие останавливались и, недоумевая, глядели ей вслед. Их интересовала одна маленькая подробность, которую, по видимому, совершенно не замечала сама девушка. За ней явно неумело следил низкого роста ефрейтор в серой солдатской шинели.

Сурово выглядела улица осажденного города. Нужно представить себе серое осеннее небо, мелкие капли влаги, почти висящие в воздухе, и блестящие от них гранитные фундаменты зданий. В разных, порой самых неожиданных местах регулируются моторы боевых самолетов. Тревожно разносится их гул, то громкий, то медленно умолкающий. Люди, идущие вдоль тротуаров, торопливы и хмуры. Их лица особенно сосредоточены. А над всем этим царит равномерный и глухой стук метронома, раздающийся из всех уличных репродукторов.

Медлен и как будто торжествен ритм этих ударов. Ой проносится над городом, как бы управляя размеренностью его жизни. Ленинградцы привыкли к нему. Он кажется неотъемлемым от дневных забот и от напряженной тишины продолжительной ночи. Спокойный и медленный стук всегда говорит о том, что город-боец зорко стоит на страже. Но если тоскливый вой сирены, пробегающий по всей звуковой гамме, начиная от низких до самых высоких тонов, возвещает о приближении воздушной опасности, то вслед за ним возникает уже частый и нервный стук метронома. Город меняет свой пульс. Он начинает биться усиленно, быстро, как в напряженном организме, готовом к борьбе не на жизнь, а на смерть...

Зоя остановилась у подъезда большого здания. Тотчас же остановился невдалеке и ефрейтор, следовавший все время за ней. Когда девушка скрылась в дверях, он медленно перешел на противоположную сторону улицы и принялся с сосредоточенным видом скручивать из газетной бумаги длинную козью ножку.

Сжимая в руках пропуск, Зоя торопливо поднялась по широкой мраморной лестнице и скоро очутилась в просторном кабинете, обставленном мягкой кожаной мебелью.

– Прошу садиться. Я вас слушаю, – раздался из-за стола добродушный голос.

Девушка заговорила быстро и энергично, нервно вертя в руках и без того измятый пропуск.

– Вы говорите, – сказал генерал, внимательно выслушав ее объяснение, – что это не могут быть обыкновенные снаряды? Так-так... Интересно...

– Безусловно! – горячо продолжала девушка. – Моя установка, предназначенная для изучения электрических напряжений в атмосфере, не в состоянии реагировать на приближение обыкновенных снарядов. Это совершенно ясно...

– Так-так... И что же вы предполагаете?

– Можно предполагать все, что угодно, – продолжала девушка. – Для меня ясно только одно: эти снаряды содержат в себе какое-то электрическое устройство... Может быть, фашисты посылают нам... снаряды с автоматическим управлением или управляемые по радио, – закончила она робко.

Генерал внимательно посмотрел на нее.

– Что-то нам пока ничего не известно о таких снарядах, – медленно проговорил он.

– Вот именно! Надо же принимать меры! – заволновалась девушка.

Через несколько минут генерал провожал Зою к выходу из своего кабинета.

– Так, значит, условились, – говорил он, пожимая ей на прощанье руку. – Только смотрите, зря подвергать себя опасности не стоит... Бомбоубежище-то у вас там есть?

– Ничего, не беспокойтесь... Всего хорошего! – проговорила девушка, улыбаясь, и скрылась за дверью.

Скоро по мокрому от дождя тротуару Зоя Леонтьева быстро возвращалась обратно. За ней по прежнему следовал маленький ефрейтор, весьма неискусно выполнявший свою роль сопровождающего. Особенно трудно ему пришлось, когда девушка села в трамвай. Он еле успел вскочить в тот же вагон.

Ефрейтор не оставил ее и тогда, когда трамвай остановился у парка, где находился

Политехнический институт. Стараясь быть незамеченным, шел он за ней по песчаным аллеям, то ускоряя, то замедляя шаг.

Вдруг резкий, оглушительный грохот с необыкновенной силой ошеломил Зою. Девушка свалилась на мокрую траву, инстинктивно схватившись руками за голову. Быстро чередующиеся круги поплыли у нее перед глазами. Сквозь назойливый, звенящий в ушах шум послышался совсем недалеко протяжный человеческий крик.

«Что это такое? Неужели я ранена?» смутно промелькнуло в голове у Зои.

Подняться ей удалось с большими усилиями.

Она увидела сзади себя облако черного дыма. Оттуда слышался тяжелый и приглушенный стон.

«Это снаряд», пронеслось у нее в сознании.

Когда дым немного рассеялся, можно было разглядеть, что вблизи разбитого дерева лежит на животе маленького роста человек в длинной, разорванной во многих местах и красной от крови шинели.

Вся испачканная кровью, тащила Зоя повиснувшего у нее на плече и еле передвигавшего ноги раненого ефрейтора. Совсем недалеко продолжали через равные промежутки рваться снаряды. Они пронзительно свистели, улюлюкали, а иногда проносились над головой со страшным ревом. Вблизи никого не было видно. Обычно в таких случаях люди прятались в бомбоубежища или плотно прижимались к стенам.

Наконец у самого входа в институтское здание обессиленную девушку встретили два красноармейца. Они бросились ей на помощь и бережно приняли на руки стонущего человека.

– Вот беда-то какая! – посочувствовал Зое один из красноармейцев. – Положить-то некуда! Госпиталь еще не развернут. Врачей поблизости нет. Куда же мы его понесем, а?

– Несите его ко мне наверх, – проговорила Зоя и быстро зашагала вперед, указывая путь.

Длинный институтский коридор гулко отозвался на тяжелые приглушенные стоны.

Перед дверью в свою лабораторию девушка удивленно остановилась. У входа стоял часовой, глядевший на ее испачканное кровью пальто немного подозрительно.

– Вы куда, гражданочка?

– Мне сюда, это моя лаборатория! Я здесь работаю, – ответила Зоя.

– Предъявите документы!

Зоя протянула ему свое старое институтское удостоверение.

– Леонтьева... Все в порядке. Можете открывать дверь, – проговорил часовой. – А кроме вас, никого не приказано сюда пускать.

В это время красноармейцы осторожно поднесли к дверям раненого.

– Тут вот только что ранило снарядом товарища, – обратилась к часовому Зоя. – Нужно сделать перевязку. У меня там есть санитарная сумка.

– Вот уж не знаю... Приказано только вас... Конечно, человек раненый... это видно.

– Да кто вам приказал? Кто вас сюда поставил? – заволновалась Зоя.

– Поставил меня сюда лейтенант Ковалев, – ответил боец. – Он же дал мне соответствующую инструкцию.

Зоя поняла, что спорить бесполезно. Она прекрасно знала всю строгость воинского устава. В углу коридора, у окна, с помощью красноармейцев, притащивших матрац, было устроено ложе для раненого. Преодолевая усталость, девушка принялась за перевязку.

Раненый немного успокоился. Он долго смотрел на Зою тусклым, печальным взглядом, тяжело дыша и облизывая языком засохшие губы.

Начинало темнеть.

Далеко, в конце коридора, показались два санитары с носилками. Они шли, громко стуча сапогами и разговаривая на ходу.

Как заметила Зоя, их появление вызвало у лежавшего на полу ефрейтора беспокойство. Он делал видимые усилия, чтобы позвать ее к себе. Девушка поднялась со стула и

наклонилась над раненым. Она внимательно стала прислушиваться к его слабому шепоту, но ей удалось разобрать лишь невнятные обрывки фраз.

— ...За вами... следили... Вы хороший человек... Спасибо... Будьте осторожны... Я, наверно, умру... О-о-ой!..

Раздался глубокий стон, раненый закрыл глаза, и его лицо исказилось от боли. Подошли санитары.

Тревожно смотрела Зоя вдоль коридора, провожая взглядом удаляющиеся носилки. Странные слова умирающего звучали у нее в ушах.

«За вами следили... Будьте осторожны...» Что все это значит?» думала Зоя.

Она вспомнила о свете карманного фонарика, который видела в окнах лаборатории, и об исчезновении тетради.

Девушкой овладело смутное чувство нависшей опасности.

* * *

Перед начальником звукометрического пункта стоял капитан Крихалев.

— Сейчас пятнадцать часов восемнадцать минут, — сказал он, глядя на ручные часы. — Если мы выедем через четверть часа...

— А где этот Политехнический институт? — перебил его подполковник, подходя к плану

Ленинграда, висевшему на стене.

Он стал водить пальцем по карте.

– Двадцать три километра... потом еще восемь... Пожалуй, успеете...

Послышались тяжелые, быстро чередующиеся один за другим далекие залпы орудий.

– Надо бы с собой взять еще трех человек, – проговорил капитан Крихалев, приближаясь к карте.

– Возьмите... Конечно, возьмите! – согласился подполковник. – Вы наметили – кого?..

Ну и дела! Надо же, чтобы так... – продолжал он, глядя на капитана. – Действуйте быстрее. Чего же вы стоите?

Через несколько минут легковая машина, покачиваясь на ухабах, плохо освещаемых узкими полосками синего света, выехала из-за колючей изгороди и направилась в сторону шоссеной дороги.

Вскоре она уже неслась по шоссе полным ходом.

* * *

Тревожной казалась теперь для Зои обстановка лаборатории. Тускло горела настольная электрическая лампочка. Она порождала на стенах причудливые длинные тени от стоявших на столе в беспорядке приборов.

Девушка прислушивалась к малейшему шороху. На дворе опять поднялся сильный ветер. Изредка было слышно, как ворочается и тихонько покашливает дежурящий у дверей часовой.

Зоя сидела у включенного осциллографа и следила за флюоресцирующим экраном.

Уже зарегистрировано было восемь снарядов. Они пролетали иногда где-то вдали, а иногда проносились совсем близко со страшным шумом и ревом, после чего следовал приглушенный взрыв, заставлявший дребезжать оконные стекла. С возможной точностью девушка вела наблюдения, записывая время и показания своего прибора.

Стучали по стеклам крупные капли дождя, отрывистая барабанная дробь порой заглушала шум ветра.

– Товарищ Леонтьева! – послышался голос часового, после того как разрыв раздался совсем близко. – Может быть, вам лучше уйти в бомбоубежище? Что-то уж очень он взялся за наш район...

Зоя поблагодарила часового и ответила, что уйти ей сейчас никак нельзя.

Девушка заметила намек на какую-то закономерность в результатах своих наблюдений. С интересом смотрела она на только что выписанную таблицу. «Нет, уходить сейчас нельзя», думала Зоя.

В дверях, весь мокрый от дождя, появился лейтенант Ковалев:

– Зоя Петровна, что же вы тут сидите!.. Это же просто безобразие! Идемте в убежище.

Вдали зазвенели посыпавшиеся оконные стекла.

– Я не могу сейчас прекратить наблюдения... Очень интересные результаты, – проговорила девушка, быстро записывая на бумаге очередное показание прибора.

Послышались приближающиеся голоса и топот ног. Лейтенант направился быстро к дверям и вышел в тускло освещенный коридор. Он увидел группу военных. Это были люди, прибывшие из звукометрического пункта.

– Куда вам, товарищи? – закричал лейтенант.

Но ответа уже не последовало. Раздался страшный грохот, потрясший все здание.

Лейтенант стремительно бросился в лабораторию.

Освещая комнату электрическим фонариком, свет которого с трудом пробивался сквозь густую завесу пыли, он увидел страшную картину разрушения. Всюду валялись исковерканные физические приборы. Сквозь черные отверстия окон врывалась буря. Ветер носился по комнате, разгоняя едкий, удушливый дым.

У опрокинутого стола, уткнувшись лицом в белые груды обвалившейся штукатурки, неподвижно лежала на полу Зоя. Она продолжала судорожно сжимать в руке карандаш...

* * *

– Да... В свое время эта история причинила нам много беспокойства, – продолжал генерал нахмурившись. – Вы совсем ничего о ней не знаете?

Сидевший перед ним полковник отрицательно покачал головой.

– Кое-какие слухи у нас в Москве были, но уж очень противоречивые, – проговорил он задумчиво.

Седой генерал-артиллерист чиркнул спичкой и, закулив папиросу, поднялся со своего места. Лучи яркого зимнего солнца, косо тянувшиеся от окна через весь кабинет, пронизали поднимающиеся кверху клубы сизого табачного дыма.

– Приходит ко мне девушка, – продолжал генерал, расхаживая по комнате. – Да вы, наверное, слышали о профессоре Леонтьеве? Так это его дочь. Ну вот. Спрашиваю я ее, что случилось. Оказывается, заметила, представьте себе, очень странное и необъяснимое явление... Нужно сказать, что у них в институте имелась установка, изготовленная перед самой войной, для изучения электрических напряжений в воздухе. Очень совершенный прибор, построенный, как говорится, на основе новейших достижений науки и техники, а по существу, сравнительно простой. Установили они на крыше несколько антенн в строго определенном порядке и соединили их с катодным осциллографом. Малейшие изменения в электрическом состоянии атмосферы прекрасно наблюдаются с помощью этого прибора...

Я, признаться, очень удивился заявлению девушки... Она мне говорит, что враги не иначе как стреляют по Ленинграду какими-то особыми снарядами... электрическими. «Моя осциллографическая установка, – говорит, – совершенно ясно указывает, что снаряды несут с собой огромный электрический потенциал. Не могут же обыкновенные снаряды хоть сколько-нибудь влиять на мои приборы!» – «Действительно, – думаю я. – Надо будет разобраться...» Теперь слушайте дальше. На одном из наших звукометрических пунктов работал вычислителем красноармеец Озеров. Николай Озеров.

Генерал возвратился к столу и уселся в свое кресло.

– Это бывший студент Политехнического института, – продолжал генерал. – Он много лет работал в лаборатории профессора Леонтьева. И вот, представьте себе, посылают этого самого Озерова в командировку в Ленинград, для того чтобы он достал измерительные приборы, в которых ощущался временный недостаток. Приезжает он в Политехнический. Смотрит – опоздал. Ему говорят, что институт и все лаборатории уже эвакуировались, госпиталь разворачивается. «Ну, – думает, – давай попробую попасть в помещение своей лаборатории. Может быть, там что осталось из оборудования». Подходит к дверям лаборатории. Пробует открыть – заперто. Тогда он вспоминает, что ключ от его квартиры открывает этот замок. Заходит в лабораторию. «Удивительно, – думает, – почему они оставили столько аппаратуры?» Посмотрел – ничего подходящего для звукометрической станции нет. И вот, собираясь уходить, он прихватил с собой тетрадь с карандашными записями, сделанными хорошо знакомым почерком Зои Петровны. «Дай, – думает, – возьму на память, а заодно посмотрю, чем они тут без меня занимались!» Ему и в голову не приходило, что Зоя Петровна еще не уехала...

Генерал, улыбаясь, посмотрел на своего слушателя.

– Так вот, – продолжал он после паузы, – возвращается Озеров в свою часть и начинает рассматривать взятую тетрадь. И что же он видит? Как раз заметки об этом странном явлении, наблюдавшемся Зоей Петровной! Начинает понемногу соображать. Видит – дело не совсем ладное... И, представьте себе, догадался! Ну, ему, конечно, было куда проще, чем самой Зое Петровне, он ведь все-таки работал по наблюдению за полетами снарядов...

– И что же это оказалось? – с нетерпением спросил полковник.

– Вы послушайте дальше... – продолжал генерал. – Получилось интереснейшее

положение! Два человека, совершенно не сговариваясь, работают в одну и ту же ночь над одним и тем же делом. Озеров на звукометрическом пункте регистрирует и обрабатывает все данные о снарядах, пролетающих по направлению к Политехническому, а Зоя Петровна в это же самое время записывает показания своей установки, не обращая внимания на обстрел...

– Ну, а снаряды-то действительно оказались электрическими? – опять переспросил полковник.

– В том-то и дело... Да вы слушайте по порядку... Все это чуть было не кончилось весьма печально. Снаряд угодил в стену помещения, в котором работала Леонтьева. Девушка едва не поплатилась жизнью. Полтора месяца пролежала в госпитале... Попадание снаряда произошло как раз в тот момент, когда в Политехнический приехали люди из звукометрического пункта вместе с красноармейцем Озеровым. Ну вот... Сверили записи... Видят – прекрасно совпадают. Даже направление полета можно определить по показанию осциллографической установки. Привезли с собой все данные и карты. Тут им легко было сравнивать: направления по звукометрическим данным известны. Смотрят сигналы, показанные осциллографом. Намечают точки на карте. Сразу можно составить новую таблицу. – Генерал поднялся со своего места. – Пойдемте-ка на минутку со мной, – проговорил он. – Я вам кое-что покажу.

Они спустились этажом ниже и очутились в просторной комнате. На столах, поставленных вдоль стен, виднелся целый ряд непонятных приборов. Возле работали люди, по-видимому занятые их сборкой и регулировкой.

– Вот полюбуйтесь! – заявил генерал, указывая на приборы. – Новая, недавно разработанная аппаратура для определения траектории неприятельских снарядов системы Зои Леонтьевой и Николая Озерова.

– Позвольте, товарищ генерал, – забеспокоился полковник, – я ничего не понимаю. Снаряды-то действительно были электрические?

– Какие там электрические! – ответил генерал. – Никаких электрических снарядов у фашистов не было, а теперь уже и не будет. Все оказалось очень просто объяснимым. Осциллографическая установка, с которой раньше работала Зоя Петровна, прекрасно определяла направление самых обыкновенных снарядов. Видите ли, в чем дело: всякий снаряд благодаря трению о воздух всегда наэлектризовывается высоким потенциалом. Вот его и обнаруживала аппаратура, предназначенная для измерения электрических напряжений в воздухе. Теперь понимаете, в чем дело?.. Вот уже заканчивается первая серия, предназначенная для Ленинграда, – продолжал генерал. – Работают приборы необыкновенно точно, куда лучше звукометрической аппаратуры. Там, знаете, влияет на показания ветер. Приходится делать поправки. Потом скорость обработки полученных сведений при новой аппаратуре быстрее... Пойдемте, я вас познакомлю с авторами этого изобретения.

Генерал и его спутник вошли в маленькую комнату. У стола, заваленного грудой чертежей, стояли Зоя Леонтьева и Николай Озеров.

* * *

В этот же день Зое предстояло еще раз мысленно вернуться к пережитым ею памятным осенним дням.

– Зоя Петровна, вас кто-то спрашивает!

Выйдя за дверь, девушка отшатнулась от неожиданности: перед ней стоял низенького роста ефрейтор, которому она оказала когда-то первую помощь после ранения.

– Здравствуйте, товарищ Леонтьева! Насилу вас разыскал. Вы уж извините меня за беспокойство, – проговорил он смущенно. – Я пришел поблагодарить вас... Этого я не забуду никогда.

– Спасибо, товарищ ефрейтор, за внимание... – проговорила Зоя, стараясь что-то вспомнить. – Скажите... или мне это показалось, или вы говорили на самом деле... вы говорили, что мне угрожает какая-то опасность, что за мной кто-то следит...

Ефрейтор широко и простодушно улыбнулся:

– Говорил... действительно... Ну а как же! Зоя смотрела на него, ничего не понимая.

– Как же! – продолжал ефрейтор. – Я же за вами и следил. Мне тогда лейтенант Ковалев поручил. «Я, – говорит, – у дверей в лабораторию часового поставлю, чтобы, значит, туда какие-нибудь диверсанты не забрались, а ты, будь так добр, ежели она куда пойдет, так, значит, чтобы не одна». Лейтенант мне объяснил, что у вас вроде какого-то военного изобретения получилось, ну и надо быть внимательным на случай, ежели враги что-либо будут предпринимать. Одним словом, поручил мне вас охранять незаметно. «Ты временно, – говорит, – пока все наладится. А то, вот видишь, тетрадку с важными формулами уже украли».

Девушке все стало ясно. Она еще раз крепко пожала руку ефрейтору.

– Лейтенант Ковалев-то уехал сразу после вашего ранения, – продолжал он, – а мне без него больших трудов стоило вас разыскать. Да каждому объясняй – что и зачем...

Когда ефрейтор ушел, Зоя вернулась в свою комнату и принялась за работу.

На душе стало радостно и тепло. Маленькую комнату наполнял ласковый солнечный свет, рассеянный матовой пеленой замороженных стекол.

Угольный генератор

Как будто вот сейчас стоит передо мной друг моих ранних юношеских лет Семен Крапко, задумчивый украинский хлопец с ясными голубыми глазами, немного сутулый и очень серьезный.

Семен был не намного старше меня. Мы жили в маленьком уездном городишке, заброшенном за двадцать километров от ближайшей железной дороги и изрядно разрушенном во время недавно окончившейся гражданской войны. Я ученик реального училища, а он помощник машиниста в местной механической мастерской – оба мы были страстными любителями физики и электротехники. Неутомимые экспериментаторы и мечтатели, мы обладали умением видеть в обыкновенном заржавленном электрическом звонке вполне реальную основу для изготовления мощной искровой радиостанции.

Нас связывала крепкая юношеская дружба.

Странная история, которую я собираюсь рассказать, началась, собственно говоря, с того момента, когда мне сообщили о случае с кладбищенскими крестами.

Однажды поздно вечером подходит ко мне на улице старушка и говорит:

– Как тебе только не стыдно, Сереженька! Не пройдет тебе это так... Вот, погоди, вспомнишь мои слова. Разве можно глумиться над усопшими?

– Не понимаю, бабушка, к чему вы мне все это говорите? – отвечаю ей.

– Полно тебе! Не понимаешь! – продолжает она. – Ты же все-таки мальчик из интеллигентной семьи. Стыдно тебе. Пусть уж Крапко или, предположим, тот же Грицько Горобец, которого только что в милицию повели, так они из темного народа. А тебе непростительно.

Старушка погрозила пальцем и медленно побрела своей дорогой. Я долго смотрел ей вслед.

При упоминании имени Грицька Горобца страшное подозрение появилось у меня.

Дело в том, что совсем недавно он притащил нам цинковые пластинки, вырезанные из какого-то сосуда странной формы. Цинк нам был нужен для изготовления гальванических батарей, и мы просили Горобца достать еще.

«Так вот из какого цинка мы мастерили с Семеном нашу батарею! – мелькнула страшная догадка. – Неужели Горобец утащил с кладбищенского креста цинковую овальную коробку, в которой обычно висят венки, и выдал ее за бывший умывальник?»

Я тотчас отправился к Семену.

Путь мой пролегал как раз мимо нашего единственного городского кладбища. Иду я по узкой тропинке и стараюсь почему-то поменьше смотреть в ту сторону, где виднеются темные силуэты крестов. Не то чтоб я был в то время пугливым, а просто так. На душе как-то было нехорошо. Видно, от сознания, что я косвенным образом стал соучастником в

осквернении могил. А ночь чудная. В пряном весеннем воздухе необычайно тихо. Над самыми верхушками деревьев повисла луна, озарившая шпиль колокольни маленькой кладбищенской церкви. Откуда-то чуть слышно доносятся девичьи голоса, поющие песни.

Неожиданно меня поразила очень странная вещь. Мне показалось совершенно отчетливо, что на шпиле колокольни вспыхивают какие-то голубоватые огоньки. Я даже остановился. Что такое?.. Начинаю с некоторым страхом всматриваться. Как будто уже ничего нет... Но ведь было же, совершенно отчетливо!

Помню, что после этого я пошел как можно быстрее и вскоре стоял перед знакомой хатой Семена, запыхавшийся и немного взволнованный.

* * *

Комнату моего друга Семена описать очень трудно.

Для того чтобы по ней можно было свободно передвигаться, следовало бы прежде всего перерезать не менее полусотни проводов, протянувшихся в самых разнообразных направлениях. Единственный стол завален вещами, каких не увидишь ни в какой другой хате. Тут самодельные динамо-машины, электрическая машина, индукционная спираль, разные грубо сделанные электроизмерительные приборы, а больше всего – банок. Они служили нам для изготовления самых разнообразных гальванических элементов.

Над столом горела крохотная электрическая лампочка для карманного фонаря, получавшая электроэнергию от батареи, правда размера огромного, но зато весьма оригинальной конструкции. Электрического освещения, конечно, в то время в городе не было, и эта лампочка, озарявшая жиденьким светом белые стены хаты, вызывала восхищение у многих жителей города и необыкновенно поднимала среди них наш авторитет.

Одним словом, комната Семена была своеобразной лабораторией, где мы проводили свои непонятные многим опыты по электротехнике.

Конечно, какой-нибудь инженер-электрик подивился бы, как мы смастерили все эти приборы из таких неподходящих материалов. Стоило бы ему посмотреть хотя бы на динамо-машину, построенную из кровельного железа. Еще больше поразился бы инженер, если бы узнал, что мы не только строим свои электрические приборы, но и производим с ними опыты, стараясь найти новые, еще неведомые пути в электротехнике. Ко всему этому нужно добавить, что на изготовление самодельных приборов и опыты с ними Семен тратил значительную часть своего скудного заработка.

* * *

Мой друг встретил меня в каком-то сильно возбужденном состоянии, в котором я никогда его раньше не видел.

– Семен! Грицько Горобец воровал цинк... – начал было я.

Но он резко перебил меня:

– Тише!.. Погоди немного... Опять начинается...

Босиком, с засученными рукавами, он стоял посредине комнаты, протянув дрожащую руку к большому самодельному вольтметру, установленному на краю стола. Я с удивлением смотрел то на качающуюся стрелку вольтметра, то на Семена, то на его черную тень, резко обрисовывшуюся на белой стене. В низенькой комнате пахло чем-то паленым.

– Видишь? – зловеще прошептал он. – Ток больше одного вольта...

Я почему-то вспомнил, что в наших батареях поставлен цинк, украденный с могилы, и мне сделалось немного не по себе.

– Семен! – начал было я опять. – Цинк, который в батареях...

– Какой там цинк! – вдруг заорал на меня Семен. – Сейчас не цинк, а уголь... Ты понимаешь: уголь! Вот так уже целый вечер: то появляется, то исчезает. Ты понимаешь? А совсем недавно...

Он схватил меня за руку и потащил к столу.

Стрелка вольтметра качалась какими-то лихорадочными рывками. Иногда она показывала довольно высокое напряжение.

Вот тут-то я и заметил нечто такое, что заставило меня вздрогнуть от неожиданности... Прямо передо мной было маленькое окошко. Яркий лунный свет заливал находившуюся рядом кладбищенскую церковь, и она была хорошо видна из окна. Теперь, когда уже прошло много лет, я продолжаю помнить все это вполне отчетливо. Семен же в то время, будучи немного близоруким, кажется, больше поверил моим словам, чем увидел собственными глазами. Может быть, поэтому он так упорно, но совершенно бесплодно продолжал свои опыты даже тогда, когда уже стало ясно, что их нужно было бы отложить до лучших времен.

Я увидел совершенно ясно, как вблизи церковного шпиля вспыхивают голубоватые огоньки, смутно виденные мною уже раньше. Но самое замечательное было в том, что каждая вспышка обязательно сопровождалась резким увеличением напряжения в нашем вольтметре.

– Видишь, Семен? – бормотал я захлебывающимся от возбуждения голосом, показывая пальцем на окно.

– Да, да... Что?.. – забеспокоился он, крепко сжимая мою руку.

– Церковная колокольня... сверху... слева...

Но в это мгновение я уже тоже ничего не увидел. Темная человеческая фигура неожиданно выросла перед нашим окном и все заслонила собой. Раздался настойчивый стук, и через минуту в нашу комнату-лабораторию входили два рослых милиционера в серых солдатских шинелях.

– Будем делать обыск, – деловито проговорил один из них.

Только теперь я вспомнил, что не успел сообщить Семену о грозившей нам неприятности.

* * *

– Что за дьявольщиной вы там занимаетесь? – строго спросил нас круглолицый низкорослый начальник уездной милиции, когда мы пришли к нему.

Мы сидели на табуретках в просторной комнате, наполненной запахом махорки и сапог, обильно смазанных дегтем.

Мы явились в милицию с полным сознанием своей невиновности, так как действительно не знали, откуда Грицько Горобец доставал цинк. Начальник был известен в городе как добродушный и веселый человек. Бояться его у нас не было никаких оснований.

– Алхимики вы, что ли? – спросил он улыбаясь.

– Нет, мы не алхимики, – ответил я. – Мы электротехники-экспериментаторы.

– Электротехники? Так зачем же вы пользуетесь крадеными кладбищенскими принадлежностями?

– Мы не знали, что они краденые, а тем более кладбищенские, – отвечал я. – Нам просто были нужны цинковые пластинки.

– Цинковые вам нужны... Почему именно цинковые? А железные? Железные вам не нужны? Как насчет крыш – я могу быть спокоен?

Семен был задумчив. Видно, он продолжал размышлять о прерванном опыте и его необыкновенных результатах.

– Ну-ка, объясните, зачем вам нужен цинк? – настаивал начальник.

– Вы, конечно, знаете, как устроены гальванические элементы... – начал я неуверенно.

– Нет, не знаю, даже понятия никакого не имею, – ответил начальник, откидываясь на спинку стула. – Это которые для звонков, что ли?

Голос начальника показался мне настолько добродушным, что я решил объяснить ему все как можно лучше.

– А вы вот возьмите банку с водой, – начал я немного неуверенно, – и насыпьте туда

столовой соли, чтобы вода лучше проводила электричество...

– Ну...

– А дальше в эту же банку нужно сунуть медную пластинку и цинковую пластинку... Только смотрите, чтобы они не соприкасались друг с другом.

– Ну и что?

– А то, что вы сразу получите простейший гальванический элемент. На концах проводников, прикрепленных к пластинкам, образуется электрическое напряжение...

– До чего просто! – удивился начальник.

– Вы понимаете? – продолжал я. – Цинк-то, окисляясь в жидкости, то есть соединяясь с ее кислородом, ведь должен выделять энергию. Ну, так же, как, скажем, уголь, который выделяет энергию в виде тепла, когда окисляется на воздухе, иначе говоря – сгорает. Куда деваться энергии от окисления цинка, я вас спрашиваю?

Ну вот она и превращается в электрический ток. Сгорая незаметно в жидкости, цинк вырабатывает электроэнергию. Вам понятно?

– Да так как будто бы сравнительно ясно, – угрюмо проговорил начальник.

– Иногда медная пластинка, – продолжал я, – заменяется пластинкой из прессованного угля. Она, так же как и медная, не растворяется в жидкости, а служит только для того, чтобы выводить электрический ток из жидкости.

– Ну, а цинк разве нельзя ничем заменить? – осторожно спросил начальник.

– Цинк ни в коем случае, – твердо ответил я. – Без него пока что немислим ни один практически работающий элемент. Разве только вот что...

Я вопросительно посмотрел на Семена, не зная, можно ли открывать нашу тайну. Но начальник не заметил моего замешательства.

– Очень жалко, – проговорил он со вздохом, видно вспоминая про ограбленное кладбище. – Вот что, – продолжал начальник. – Все для меня ясно. Спасибо, конечно, за популярное объяснение. Мне непонятно только, зачем вам необходимо такое количество этих самых элементов. Ну сделали один, ну два. Я понимаю, что вы большие любители этого дела. Но почему, я вас спрашиваю, все кладбище обезображено? Так же нельзя, ребята! У нас тут, конечно, нигде цинка и не достанешь, но нельзя же допускать надругательство над мертвецами!

– Мы делаем опыты, – понурясь, проговорил Семен. – Мы хотим построить такую батарею, чтобы она могла освещать весь город...

– Что? – переспросил начальник. – Весь город? Да раз вы объясняете, что без цинка никакие батареи невозможны, то на какие такие кладбища вы надеетесь?

И вот тут-то Семен неожиданно для меня открыл перед начальником нашу тайну.

– Это мы делаем предварительные опыты, – начал он, – так сказать, практикуемся. А дальше нам цинк не нужен будет. Мы придумываем такой гальванический элемент, у которого растворялся бы не цинк, а уголь. Пусть уголь сгорает в элементах и за счет этого получается электроэнергия. Тогда незачем его будет сжигать в топке паровой машины, чтобы получать электричество от вращения динамо. Электростанции будут не нужны...

Начальник улыбнулся.

– А разве без вас не нашлось умников, чтобы так сделать? – весело спросил он.

– Нет, не нашлось! – горячо вставил я.

– Значит, электростанции, по-вашему, зря строят? – продолжал начальник.

– Не могут еще люди превращать химическую энергию угля непосредственно в электрическую, – торжественно заявил Семен приподнимаясь. – Вот потому и электростанции строят с паровыми машинами.

– Подождите! – заволновался начальник и тоже поднялся со стула. – Машина ведь дает огромную силу, а сколько же нужно будет элементов, чтобы осветить даже такой маленький город, как наш?

– А это и не важно! – кипятился Семен. – Нужно сначала разрешить проблему самого превращения, а уж потом думать о мощностях. Вы считаете, что электростанции с

динамо-машинами строят от хорошей жизни. Вы думаете, что это для удовольствия сжигают уголь в топках паровых машин, чтобы потом вращать динамо. Ничего подобного! Нигде в мире не умеют сжигать уголь так, чтобы сразу получилась от него электроэнергия непосредственно. Вот с цинком получается в гальванических элементах, а с углем нет... А ведь химической энергии, заключенной в угле, в несколько десятков раз больше, чем в цинке!

Видно, мы подняли в кабинете начальника такой шум, что в отворившиеся двери стали заглядывать милиционеры, впервые в жизни увидевшие милицейский допрос, превратившийся в научный диспут.

– Что значит – от хорошей жизни? – уже кричал начальник. – Раз строят паровые электростанции, так, значит, они нужны!

– Да, нужны, – язвительно продолжал Семен. – Паровая машина в среднем только пять-семь процентов тепловой энергии, заключенной в угле, превращает в энергию вращения вала. Да потери при передаче вращения на динамо. Да потери в самой динамо. Вот и превращается в электричество только часть того, что можно было бы превратить полностью.

– А вот в гальванических элементах, – вмешался я, – химическая энергия, заключенная в цинке, почти полностью превращается в электрическую. Процентом пятнадцать-двадцать всего потерь. Это научно доказано. Вот если бы так с углем можно было сделать...

Начальник засунул руки в карманы и стал смотреть на нас серьезно.

– И что же у вас... что-нибудь там получается? – опять спросил он, усаживаясь за стол.

– Видите ли... – проговорил Семен, немного смутившись. – Как раз вчера... Правда, ток то появлялся, то исчезал...

– Тут очень странная вещь, – перебил я Семена. – Мною замечено, что сильное напряжение появлялось, когда на кладбищенской колокольне... вспыхивал...

Я остановился и не знал, как мне дальше объяснить. И когда я наконец рассказал о своих наблюдениях, начальник долго и внимательно смотрел на меня с удивлением.

– Это мне нужно будет разузнать. Очень забавно!.. Очень забавно!.. – проговорил он. – Ну что ж, ребята, идите сейчас домой. Я к вам скоро приеду. Надо будет помочь вам, пожалуй, – закончил он, поднимаясь со стула, чтобы проститься с нами.

* * *

Мы сидели в комнате Семена и с тоской глядели на нашу батарею, у которой вместо цинка должен был расходоваться уголь. Она была совершенно безжизненна. Прямо не верилось, что еще вчера получалось от нее напряжение. Тут была какая-то очень большая загадка.

Пробовали построить такой гальванический элемент, конечно, и до нас. Если, например, в раствор серной кислоты насыпать бертолетову соль, то образуется такое сильно окисляющее соединение, что оно может при некоторых условиях окислять даже уголь. В элементе с такой жидкостью уголь уже растворяется вместо цинка. Но напряжение такого элемента ничтожно. Ток можно обнаружить только очень чувствительным прибором. А уж о том, чтобы он мог заменять электростанцию, и говорить не приходится. Но вот вчера...

Здесь происходило, по-видимому, нечто такое, что было нам совершенно неизвестно. Ясно, что происходило случайно. А что именно, мы не могли догадаться. Мои мысли все время возвращались к странному свечению на колокольне, так как я ясно видел, что напряжение в свое время появлялось именно в этот момент. Но Семен, который никакого свечения, кажется, так и не видел, не придавал этому большого значения и продолжал копаться в стеклянных банках, наполненных мутной жидкостью.

Время тянулось медленно. Какая-то воинская часть проходила через город, и повозки, груженные разным имуществом, бесконечно тянулись мимо нашего окна. Я было решил пойти к кладбищенской церкви, чтобы на месте обследовать возможную причину странного свечения, виденного мною, как вдруг на пороге неожиданно появился начальник милиции.

– Здорово, орлы! – весело закричал он, входя в нашу комнату. – Ну, как ваша гальваническая электростанция? Можно уже устанавливать столбы?

– Плохо дело, – ответил я. – Нет сегодня никакого напряжения. А вчера было... Серьезно, было.

– Так чего же вы приуныли? – продолжал начальник, усаживаясь на стул. – Раз вчера было, так, значит, когда-нибудь опять будет... Ну и алхимию вы тут развели!

Начальник с восторгом осматривал нашу лабораторию.

– Так где тут у вас батарея, у которой вместо цинка работает уголь?

– Вот она, – мрачно протянул Семен, указывая на банки, из которых торчали грубые, необтесанные куски кокса.

– Да, кстати, – проговорил начальник. – Я постарался узнать насчет свечения на колокольне, которое вы вчера видели. Это воинская часть, что проходит через наш город, вчера устанавливала свой радиопередатчик, ну и антенну протянули на колокольню. Антенна, говорят, иногда светится в темноте при сухом воздухе – от напряжения, что ли. Одним словом, электричество вроде как бы утекает в воздух. Сегодня антенну уже сняли.

Я замер от неожиданности. Семен уронил большой кусок кокса прямо в банку с подкисленной водой; в лицо ему брызнул фонтан, но он не обратил на это никакого внимания.

Так вот где могла быть причина того, что вчера наш угольный электрогенератор вдруг неожиданно начал работать! Как же теперь повторить этот опыт?

Однако сколько ни бились мы, сколько ни ставили самых разнообразных опытов, наша угольная батарея оставалась мертва.

* * *

Прошло много лет.

Время разделило меня с другом моего детства Семеном Крапко. Я совершенно потерял его из виду.

Но вот недавно, проходя по улице, я неожиданно остановился возле афиши, наклеенной на стене. Буря далеких воспоминаний нахлынула на меня... Не может быть! Неужели это «он»?

Вот что значилось в афише, напечатанной крупными буквами на глянцевой красной бумаге:

«Профессор доктор технических наук С. М. Крапко прочтет публичную лекцию на тему «Достижения советской науки в области прямого преобразования химической энергии в электрическую».

В зале, где должна была состояться лекция, я появился одним из первых.

Какое-то необычайно радостное состояние не покидало меня ни на минуту. И шум собирающейся публики и яркое освещение зала казались мне праздничными, необычными. Мне хотелось обратиться к своим соседям и сказать им:

«Ведь это мой Семен сейчас будет выступать перед вами! Друг моего детства, тот самый Семен, вечно измазанный маслом, помощник машиниста, который раньше ходил босиком... Подумайте только, кем стал он теперь!»

Я с трудом сдерживался, чтобы не выполнить свое желание.

Я сидел в первом ряду и улыбался своему другу детства – солидному, очень внушительного вида профессору. Может быть, только мне удавалось улавливать в его спокойно лившейся речи слабый украинский акцент. Профессор не видел меня и не знал, что я здесь...

* * *

Несмотря на позднее время, сразу же после лекции мы, по настоянию Семена, отправились в его институт. Профессору не терпелось показать мне свою лабораторию.

– А помнишь, Семен... – говорил я, глядя в лицо моего друга, слабо освещенное сквозь стекла машины вечерними огнями столичного города, – помнишь историю с нашими опытами у тебя в хате, когда на колокольне появлялся свет?

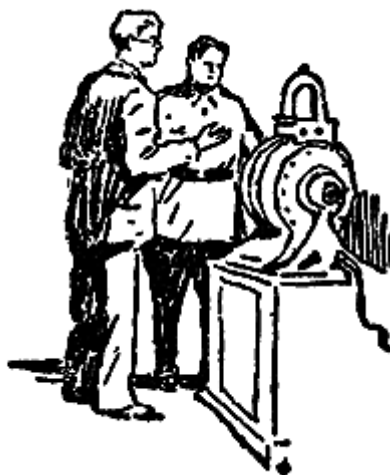
– Ну а как же! – весело отвечал профессор.

– И что ж это было тогда? Неужели действительно получилось превращение химической энергии угля в электрическую?

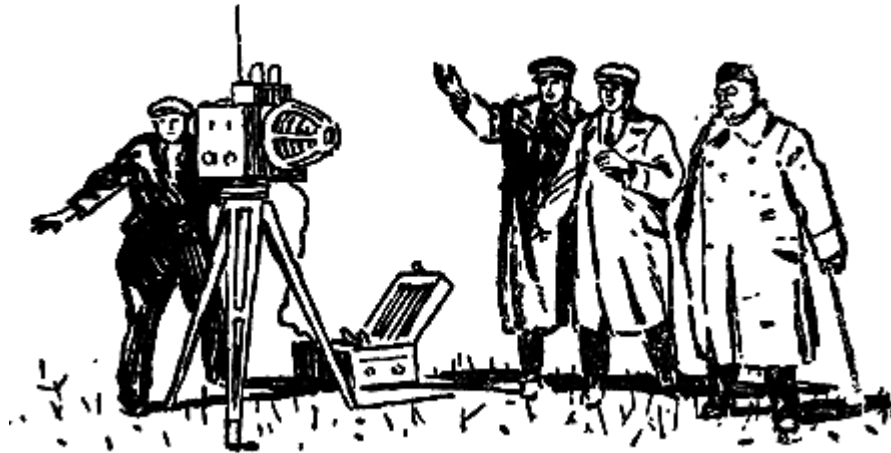
– К сожалению, нет, – отвечал профессор. – Все объяснялось иначе... Провода, развешенные по хате, послужили антенной, принимавшей мощные сигналы радиостанции, временно установленной вблизи колокольни. А у одного из наших элементов, вероятно, был плохой контакт между углем и стальной проволокой. Вот и получился случайно «детектор» – устройство, теперь хорошо известное каждому радиолюбителю... Значит, мы ловили энергию радиостанции и обнаруживали ее своим вольтметром. Увезли радиостанцию – и явление прекратилось. Понимаешь теперь? А ведь этот случай мне долго не давал покоя! Можно сказать, что именно эта загадка привела меня к выбору направления в моей научной работе...

* * *

Осматривая прекрасно оборудованную лабораторию моего друга, где успешно разрешается одна из интереснейших проблем современной техники, я невольно вспоминал первые годы после окончания гражданской войны, глухой уездный город, низенькую хату с глиняным полом – нашу кустарную лабораторию – и думал о великой силе страстного, безудержного стремления к открытиям и изобретениям, которая бурлит всегда в нашем народе, и о широком праве, завоеванном теперь народом, осуществлять это стремление.

Напуганная молния

Работа у нас серьезная. Здесь не что-нибудь, а научно-испытательный полигон, где проверяются новейшие изобретения и открытия. Сами должны понимать: дело нешуточное...

Вот возьмите хотя бы меня. Какая, собственно говоря, должность? Комендант полигона. Хозяйственный, так сказать, работник. А вы думаете, я плохо разбираюсь в научных вопросах? У нас тут без этого никак нельзя. Правда, у меня нет соответствующего образования, но народ здесь подбирается исключительно строго. Я так думаю, что и меня тут держат не просто так себе, а учитывая мою склонность к различным вопросам науки.

Вот, например, профессор Семенов Петр Сидорович, как только приедет к нам, так сразу спрашивает: «А где товарищ Воронов? Разыщите его, пожалуйста». В особенности профессор стал относиться ко мне с исключительным уважением с того времени, как я запугал молнию.

Вот запугал молнию, да и все! Пожалуйста, свидетелей сколько хотите было... Ну что же делать, раз вы все еще улыбаетесь, то извольте: расскажу вам этот пустяковый случай со всеми подробностями. Только вот не знаю, как у вас насчет научных знаний, достаточно ли, чтобы понять меня.

Вызывает меня заведующий полигоном и говорит:

– Обеспечьте приехавших для испытания изобретателей материальной частью и всем прочим.

– Есть обеспечить! – отвечаю. – Пойдемте, товарищи. Какие у вас будут требования? – обращаюсь к прибывшим.

– Надо будет, товарищ комендант, вырыть ров, чтобы мы все туда могли спрятаться и оттуда уже наблюдать за научным явлением, – говорит мне профессор. – Прибор у нас проверяется впервые. Возможно, он будет представлять некоторую опасность в силу своей незаконченности.

– Это можно, – говорю я. – Ров у нас есть. Это нам не впервые.

Вот смотрю: возле вырытой траншеи начинают научные сотрудники, прибывшие с профессором, устанавливать какой-то замысловатый прибор. Ручек на нем, всяких блестящих загогулин – великое множество! Провода протянули к укрытию. Производят различные проверки и измерения.

– Направляйте излучение, – говорит Петр Сидорович, – в сторону леса. Залезайте, товарищи, в щель, сейчас приступим...

Притаились мы в укрытии и ждем. Вдруг, представьте себе, выглядываю, и что же я вижу? Огненный шарик величиной с куриное яйцо. Вылезает из аппарата и медленно

начинает ползти по воздуху. Запах пошел – как будто сера.

– Ага! – кричит Петр Сидорович. – Появился! Увеличивайте, товарищи, мощность. Давайте, давайте, не жалейте! Уже удаляется...

Видя, что этот шипящий шарик действительно, покачиваясь, несется в сторону, мы все понемногу более или менее успокоились и стали вылезать из щели.

– Замечательно! – кричат научные сотрудники. – Поздравляем вас, Петр Сидорович!

Потом смотрю: что таксе? Появилось некоторое смятение.

– Осторожно, товарищи, – говорит профессор, – рано еще радоваться – видите, кажется ползет обратно. Давайте лучше спрячемся. Всякие случайности возможны. Это открытие еще недостаточно проверено. Прячьтесь!..

Гляжу, а огненный шар движется, представьте себе, обратно. Прямо на нас! «Э-э-э, – думаю, – дело скверное». Тут все сотрудники торопливо прячутся в щель... А шарик все приближается да приближается. Уже, слышу, шипит совсем близко...

– Увеличивайте мощность излучения! – кричит Петр Сидорович.

– Уже вся! – отвечает кто-то. – До-отказа. Что же теперь будет?

Вот тут-то это самое и произошло. Но, прежде чем рассказать об этом, я должен объяснить сущность самого опыта, чтобы вам стало ясно, насколько мое вмешательство помогло в правильном решении этой задачи.

Представьте себе, что существует в природе такое очень странное явление. Называется оно – шаровидная молния. Очень забавная вещь! Вот обыкновенная молния – так это очень просто. Самая что ни на есть настоящая электрическая искра, только значительных размеров. Прыгает себе между облаками, а иногда между облаком и землей. Вообще как придется. А вот шаровидная – так та вытворяет фокусы. Сворачивается для чего-то в шар и носится по воздуху в неопределенном направлении. Да хорошо, если бы просто так! А то, например, заберется в комнату через открытое окно и начнет там колобродить как ей захочется. Или возьмет да разорвется со страшным треском. Вообще с ней шутки плохи. Разрушительная сила у нее огромная.

Явление это, вообще говоря, само по себе загадочное. Видите ли, в чем дело: до сих пор еще ни одному ученому не удавалось, предположим, ухватить такую молнию и изучить ее как следует. Явление это очень редкое, да и попробуйте ухватить эту молнию сами...

Уже давно многие ученые старались приготовить шаровую молнию у себя в лаборатории искусственным путем. А с другой стороны, как ты ее сделаешь, когда внутренняя сущность у нее неясна! Вот Петр Сидорович мне рассказывал, какие только опыты не производили! Один, например, заграничный ученый, так тот, представьте себе, обливал керосином электрические провода, между которыми прыгала обыкновенная искра. Затем сделал научное сообщение, что будто бы ему через увеличительную лупу были видны маленькие шарики, точь-в-точь похожие на крохотные шаровые молнии. А наш Петр Сидорович повторил этот опыт и заявил, что, мол, все это ерунда, просто какой-то нагар от керосина, а не молния. Ну, оно и понятно. Тут керосином не поможешь, дело тонкое...

...Вот сидим мы в траншее. А шипение все увеличивается и увеличивается. Выглядываю – шарик совсем близко!

– Товарищ профессор! – кричу. – Сюда движется! Рядом!

– Наклоняйтесь пониже! – командует профессор. – Возможно, произойдет взрыв. Не волнуйтесь, товарищи! Соблюдайте порядок!

Очутились мы один на другом. Я, значит, сверху...

Теперь вы спросите меня: для чего же необходимо такое открытие, раз оно ведет себя безобразно? А я вам объясню очень просто.

Нашим изобретателям удалось построить такой прибор, чтобы получать шаровую молнию. Вот только некоторые мелочи в этом приборе Петр Сидорович мне еще не объяснил. Поэтому я пока затрудняюсь рассказать вам, как он устроен. Да это и не важно. А вот зачем нужна такая молния – это другое дело.

Тут, знаете, разрешается очень много физических проблем. Почему электричество

сворачивается в шар? В чем дело? Можно ли это явление приспособить, например, для хозяйственных или оборонных целей? А что вы думаете! Представьте себе, что в маленьком шарике образуется огромное скопление электричества. А он легкий, по воздуху плавает. Вот бы его посадить в какую-нибудь банку и – пожалуйста! Можно от нее электрическое освещение устроить или, предположим, молотилку приводить в действие через электромотор. Конечно, существуют аккумуляторы, да только они, проклятые, очень тяжелые. Я, например, чуть не надорвался недавно, когда помогал переносить их в поле. И электричества-то в них заключается самая малость. Несовершенные, одним словом...

...Сидим мы в нашем окопе и прислушиваемся к нудному шипению.

– Где она? Кто там ближе, посмотрите! – просит профессор.

– Рядом шипит! – кричу. – Совсем близко!

– Это, кажется, я, товарищи, – говорит кто-то. – Ногу мне придавили... Ногу бы мне освободить, тогда, может быть, я перестану шипеть.

Выглядываю я – а шарик действительно недалеко. Ну что, думаю, если в самом деле разорвется? Вот вы решили, наверное, что такая молния не может иметь какого-либо оборонного значения. А все потому, что, мол, она летит, куда хочет, и взрывается, когда хочет. Ничего подобного! Нужно только научиться как следует ею управлять. Этот опыт, про который я сейчас вам рассказываю, был, так сказать, первый. Всегда в этом случае какие-либо неполадки возможны. Оно естественно. Того не предусмотрели, другое забыли, там какая-нибудь формула оказалась слишком запутанной. Вот на первой проверке все это и выясняется. Вообще, конечно, бывает это дело иногда исключительно опасным. Ну, а что подделаешь! И ученые рискуют, и нам, работникам полигона, иногда достается. Я же вам говорил, что работа у нас очень серьезная...

Выглядываю я опять из укрытия. Вижу – как будто немного удаляется.

– Товарищ профессор! – кричу я. – Обратно летит!

– А шипит почему? – спрашивает Петр Сидорович.

– Ой, ногу! Ногу освободите! – жалобно говорит придавленный товарищ.

Прислушиваюсь: шипение в самом деле увеличивается. Смотрю – опять приближается!

– Товарищ профессор! – говорю я. – Сюда передвигается... Долго ли она так шутить с нами будет?

– Не знаю, дорогой... Все зависит теперь от влажности воздуха и степени электрического насыщения в самой молнии, – отвечает профессор.

Вы не думайте, что в этом самом приборе не было предусмотрено такое устройство, чтобы, значит, управлять молнией, после того как она вылезет. Ничего подобного! Специальный радиопередатчик был сделан для этого. У него, значит, такая волна, что захватывает электрический шарик и гонит его в соответствующем направлении. Ну, вроде как ветер – мыльный пузырь! Только вот в тот самый момент, про который я вам рассказываю, работало это устройство еще ненадежно, так сказать требовало некоторого усовершенствования. Потому это так и получилось...

Сейчас мне даже трудно сообразить, сколько времени продолжалась вся эта история. То, понимаете, молния к нам приближается, то удаляется. То появляется, представьте себе, над самой головой. «До каких же пор, – думаю, – это безобразие будет продолжаться? Тут наши ученые находятся. Не могу же я допустить, чтобы они рисковали жизнью! Надо принимать меры...»

Выбрал я момент, когда молния находилась сравнительно далеко, но явно, так сказать, намеревалась вернуться обратно, и... решил. «Пусть, – думаю, – я погибну. А жизнь ученых все-таки дороже. Почему, – думаю, – и мне не пострадать за науку, раз такое дело...»

Хватаю я, представьте себе, лежавшую рядом саперную лопату, выскакиваю и бегом... прямо к огненному шарiku.

– Товарищ комендант! Что вы делаете? – слышу, кричат сзади. – Вернитесь!

Подбегаю к молнии. Этак шагах в трех от нее замахиваюсь лопатой... И что же вы думаете? Отлетает... в сторону!

Отлетела значит, остановилась. Смотрю – опять направляется к укрытию! Ох, и зло же меня взяло!

«Да что же это ты, – думаю, – снова лезешь? Хоть ты и высоконаучное явление, а все же обыкновенной лопаты боишься!»

И опять, значит, к ней.

Что тут было, товарищи! Все присутствующие выставили головы, чтобы лучше видеть это зрелище. Петр Сидорович мне потом объяснял, что такого ни одному ученому, ранее изучавшему шаровую молнию, не могло даже присниться.

Долго я за ней гонялся с лопатой! Как замахнусь, она, значит, от меня... Я за ней. Опять лопатой... Она опять от меня...

Все кричат:

– Оставьте, товарищ Воронов! Бросьте! Вы с ума сошли!

А я и не слышу. В азарт вошел.

И вот, представьте себе, погнал ее таким манером к лесу. Вижу, поплыла, милая, полным ходом. И даже высоту набирает.

Погрозил я ей вслед еще несколько раз, для порядка, лопатой, постоял немножко и совершенно спокойно возвращаюсь к своим.

Ну, тут, конечно, полный триумф!

– Товарищ Воронов! Это поразительно! – говорит Петр Сидорович. – Ваш поступок, не вдаваясь в его героизм, имеет огромное теоретическое значение. Вы даже не представляете, что вы сделали!

– Ну, а что же такое, – говорю я, помахивая лопатой. – Подумаешь, молния... А чего она к нам лезет!

– Да нет, – продолжает профессор, – все это неспроста. Тут заложено глубокое физическое явление... Вот спасибо! Вы помогли мне найти путь к усовершенствованию моего прибора.

Все пожимают мне руку и разными другими способами выражают свое восхищение.

– Разрешите-ка вашу лопаточку, – говорит мне один научный сотрудник. – Необходимо ее, по возможности, точно измерить.

– Пожалуйста! – отвечаю я. – Самая обыкновенная лопата.

Все обступили меня, внимательно рассматривают лопату, измеряют ее длину.

– Поразительно, но факт! – кричит через некоторое время Петр Сидорович. – Размеры лопаты очень близко соответствуют половине длины волны нашего радиопередатчика. Она, товарищи, действительно работала как отражательный экран. Теперь все окончательно ясно. Помните, я еще давно говорил, что нам, возможно, не обойтись без направляющих экранов. Вот на опыте мы теперь в этом убедились окончательно... Еще раз спасибо, товарищ Воронов!

– Не стоит, – говорю я. – Подумаешь, какая мелочь! Да это просто была моя прямая обязанность.

– Ну-ка, товарищ Воронов, – обращается ко мне Петр Сидорович, – подставьте-ка вашу лопаточку к нашему прибору вот в этом месте. Держите ее так, чтобы плоскость была направлена к лесу.

Я, значит, приставляю лопату к аппарату, а Петр Сидорович нажимает какую-то кнопку... и – пожалуйста! В лесу раздается взрыв! Это, значит, разорвалась наша молния...

– Вот видите! – радостно говорит профессор. – Все верно! Железного экрана действительно нехватало на этом месте. Теперь волна излучается в нужном направлении.

И что ж вы думаете? Приезжают в следующий раз, а уж по бокам их машины укреплены новые приспособления.

С тех пор, с каждым приездом, шаровая молния управляется у них все лучше и лучше. А вот последний раз – так совсем здорово получилось!

Теперь у них скоро вся проблема будет окончательно решена.

...Так вот, я вам и говорю, как только приедет на полигон профессор Семенов Петр

Сидорович, так сразу спрашивает: «А где же товарищ Воронов?»
Одним словом, любит меня ученый народ.

Изобретатель красного дерева

...Трудно иногда бывает судить о людях по первому впечатлению...

С чего, собственно говоря, началась вся эта история?

Приходит ко мне прораб Василий Васильевич Терехов. Мужчина солидный. Лет двадцать работает по лесозаготовительной части. Все, что касается породы деревьев, их качества и все такое прочее, знает прекрасно. Приходит и заявляет:

– Ну, товарищ председатель колхоза, чертовщина какая-то у нас в лесу появилась! Просто смешно даже сказать!

– Какая такая чертовщина? – спрашиваю.

– Да вот, срубили только что дерево. По всем признакам обыкновенный дуб, а древесина внутри красная... Вот, пожалуйста, принес тебе щепку.

Рассматриваю я эту щепку и, действительно, вижу – совершенно непонятная вещь! Точно, красное дерево...

– Красное дерево, – говорю я Василию Васильевичу, – не может произрастать в наших климатических условиях. Родина у него не то Индия, не то Африка. Ты что-то путаешь.

Обиделся.

– Известное дело, – говорит он, – тут не Африка, а факт налицо. Ты, можно сказать, в руках его держишь!

Пришли мы с ним в лес. Вижу, лежит срубленный дуб. Ничего особенного, дерево как дерево. Вокруг него десятки таких же. Листья, кора, расположение веток – все сходится. А древесина у срубленного дуба красного цвета. Ветку надломил – тоже красная.

– Это, Василий Васильевич, противоестественное поведение растения, – говорю я прорабу. – Придется сообщить в научный растениеводческий центр. Может быть, – говорю, – обнаруженный нами факт будет иметь не только сугубо научное значение, но и практический интерес. Ты представляешь! Предположим, подобную породу удастся разводить в наших лесах. Красное дерево – материал замечательный. Из него всевозможные ценные вещи делают...

Постояли мы еще немного, так сказать теряясь в различных мучительных догадках, и отправились обратно в колхоз.

А вечером этого же дня уже пролился некоторый свет на это таинственное дело...

Сажусь я за стол и начинаю строчить письмо. Так, мол, и так, высылайте немедленно научные силы... Дело это у меня подвигается медленно. Не хочу написать как попало! Неудобно ударить в грязь лицом перед ученым народом. Ну, естественно, злюсь.

Вдруг, слышу, раздается слабенький стук в дверь.

– Войдите! – говорю.

Молчание. Через некоторое время опять повторяется стук.

– Ну, кто там? Заходите!

Вижу, медленно открывается дверь и на пороге появляется Ваня Чирюлин. Остановился. Стоит.

Вот я и говорю, что иногда очень трудно судить о человеке, пока его не узнаешь как следует. Что собою представляет этот самый Ваня Чирюлин? Парнишка лет двадцати. Работает столяром в нашей колхозной мастерской. Если, предположим, посмотреть на него – что можно увидеть? Ничего особенного! Немного курносый. Глаза голубые. Ну, волосы выются... А вот застенчивый – так это уж просто необычайно. Робкий! Тихий! Совершенно исключительный в этом отношении.

Вот и теперь. Гляжу, стоит на пороге в нерешительной позе и мнется.

– Тебе чего, Ваня? – спрашиваю его. Молчит.

– Ну что ж, ты так и будешь стоять? Молчит.

– Дело-то у тебя срочное? А то я сейчас занят составлением важной бумаги. Может быть, завтра зайдешь?

Вижу, пытается что-то сказать и никак решиться не может. Что ты с ним будешь делать! Кладу на стол автоматическую ручку, с тем чтобы подойти к моему гостю, а она, проклятая – эта ручка, – возьми да и покатысь по написанному. Получилась длинная клякса.

Досада меня разобрала ужасная.

– Вот полюбуйся, – говорю я Чирюлину, – что из-за тебя вышло!

И начинаю его отчитывать.

– Как тебе не стыдно! – говорю я ему. – Что ты за человек! Словно прибитый какой, слова из тебя невозможно вытащить. Всюду ты робеешь, стесняешься. В чем дело?

Подходит ко мне этакой неуверенной походкой и садится на краешек стула. Сидит и мнет кепку в руках.

– Простите, – говорит наконец. – Очень неудобно было мешать вам. А теперь вижу, что совсем помешал...

– «Помешал, помешал!»! – передразниваю я его. – Говори, чего тебе нужно в данный момент?

– Просьба есть небольшая...

– Какая?

– Да вот сегодня днем на участке в лесу... дерево срубили, которое оказалось... красным.

– Действительно срубили! – говорю я. – А чего же ты хочешь?

– Недалеко еще два дерева есть, таких же... Так вот, я прошу, чтобы их не рубили. Они у меня крестиками на коре отмечены.

– Да не ты ли их посадил? – спрашиваю я ехидным голосом.

– Нет, я их не сажал, – отвечает Ваня серьезно. – Они выросли обычным, естественным образом.

– Так какое тебе до них дело?

– Красными-то я их сделал.

У меня даже рот от удивления открылся:

– Шутишь ты, что ли! Как мог ты окрасить внутри живое, растущее дерево? Соображаешь, что говоришь?

Молчит.

– Тайна у тебя, что ли?

– Зачем тайна! – говорит. – Секретов у нас никаких быть не может. А просто неудобно как-то, не все еще проверено. Может быть, случайно вышло. Проверить все нужно как следует. А то неудобно...

Смотрю я на него и думаю: «Вот поди угадай, кто ты такой! По всем признакам – необыкновенная мямля. А выходит, что изобретатель!»

Бился я над ним, бился, каждое слово будто клещами вытаскиваю. Все робеет, стесняется. «Рано, – говорит, – считать это дело за изобретение!» Роемся в кармане и

вытаскивает засохшие веточки. Тут же надрезает древесину перочинным ножом, показывает.

– Не вполне равномерно ложится краска, – говорит.

– Ты что ж, – заявляю ему, – на собственные силы надеешься? Первые результаты есть, и достаточно. Теперь надо поскорее привлечь ученых, агрономов, ботаников, химиков, предположим. Они тебе сразу помогут. Ты представляешь, какое огромное народнохозяйственное значение имеет окраска деревьев на корню, в живом виде! А?.. Вот сейчас так и напишу...

Проходит несколько дней. Получаю уведомление: выезжает к нам профессор. На следующий день отправляю на железнодорожную станцию Василия Васильевича Терехова с машиной для встречи.

Вот я и опять говорю: пойдя определи человека по внешнему виду! Входит в это же самое помещение, где мы сейчас с вами находимся, высокий, очень такой представительный человек. Выражение лица строгое, я бы сказал – даже немного надменное и очень самоуверенное. «Ну, – думаю, – сразу заметно, что профессор!..»

– Здравствуйте, – говорю. – Вы, наверное, по поводу красного дерева?

– Совершенно верно, – отвечает. – Разрешите познакомиться. Моя фамилия Павлинский...

Ну, я, конечно, начинаю волноваться. Усаживаю гостя. Спрашиваю, не устал ли он с дороги и все такое прочее, и вскоре начинаю ему рассказывать про открытие, сделанное в нашем колхозе. Одним словом, вступаю в деловой разговор.

Профессор говорит таким зычным голосом, немного вразяжку, вроде как бы лекцию читает. При этом словами сыплет преимущественно иностранными. Вот, например:

«Пигментационный процесс, сочетающийся с диссоциацией или циркуляцией при условии конвенционных токов, не является новым в науке...»

Вы, конечно, спросите, как я мог запомнить все эти слова. Да очень просто!

– Простите, – говорю профессору, – ваши указания, имеющие огромное научное значение, мне необходимо записать, а то я забуду.

А он пожимает плечами (мол, неуч какой!) и отвечает:

– Ну что ж, пишите!

Быстренько строчу и думаю: «Потом, мол, разберусь...»

– Ваш изобретатель... – продолжает профессор (при этом слово «изобретатель» произносит как-то особенно сухо), – ваш изобретатель, по моему мнению, чисто субъективному конечно, ничего не изобрел и ничего не открыл, если судить в широком масштабе мировой науки.

– Неужели, – спрашиваю, – окраска древесины растущих деревьев уже где-нибудь применялась?

– Этот факт, – отвечает он, – еще не апробирован абсолютно. Но думаю, что скрупулезное штудирование фундаментальных источников даст констатацию аналогичного или вполне идентичного случая...

Я вздохнул и опять записал.

Посылаю за Ваней Чирюлиным, находившимся в это время в лесу. «Ну, – думаю, – конец для нашего изобретателя наступил! Как он будет спорить с подобным профессором? Да он, наверное, умрет тут же, как только его увидит!..»

Вынул профессор какую-то толстую книжку из своего портфеля и уткнулся в нее носом.

Через некоторое время, слышу, в сенях возня какая-то. Топтание на месте. Ну, естественно, думаю – это наш Ваня упирается. Входить боится. Стесняется.

Так оно и есть! Насилу втолкнули! Остановился он посреди комнаты, весь красный, глаза потупил, дышит, как лошадь.

– Вот наш изобретатель, – говорю я профессору. – Познакомьтесь: Иван Чирюлин, колхозный столяр.

Поднялся Павлинский со своего места и сухо пожал Ване руку.

– Образцы древесины с тобой? – спрашиваю я Чирюлина.

Молча роется в кармане. Сопит. Видно, как руки дрожат. Вынимает веточки и осторожно кладет их на стол.

Начинает профессор внимательно осматривать эти кусочки. Щурит глаза и бормочет себе что-то под нос.

– Вот это, – поясняю я, – дуб, что недавно срубили... Это береза, это ольха. Их мы пока не трогали.

– Ну что ж! – говорит профессор, закончив осмотр. – По моему субъективному мнению, дерево заметно окрашено. А вот что покажут аналитические исследования, так это еще неизвестно... Как вы получили такую пигментацию? – обращается он к Чирюлину.

Зная робость нашего изобретателя, стараюсь отвечать за него.

– Да... – говорит профессор, выслушав мое объяснение. – Примитивный процесс... Но все равно, для его научного изучения потребуется несколько лет, прежде чем он приобретет какое-либо утилитарное значение.

– Почему несколько лет? – вдруг послышался строгий голос.

Я даже испугался: Ванька Чирюлин заговорил! При этом, заметьте, этак уверенно, напористо. Куда девалась его робость!

Посмотрел на него профессор и говорит:

– А как вы думали, молодой человек? Ведь даже за границей подобного опыта нет!

И начинает сыпать снова мудреные слова: пигментация, диссоциация, циркуляция, конвентация, неустойчивый режим и так далее.

Смотрю я на Ваню и не верю своим глазам. Совершенно преобразился! Куда девалась прежняя робость! Держит себя вызывающе. Глаза горят.

– Почему вы считаете, что процесс пигментации может быть неустойчивым? – спрашивает он профессора.

И пошел!.. Откуда у него эти знания! Тоже иногда произносит слова вроде: стабилизация, циркуляция и даже диссоциация. Но большей частью говорит попросту и очень понятно.

Спор разгорается. Начинает профессор перечислять штук двадцать имен иностранных ученых.

– Тимирязева забыли. Он один всех их стоит, – говорит Чирюлин.

– Это уже вопрос аквантости, – важно возражает профессор.

– Не «аквантости», а «адекватности», то есть равнозначности, – поправляет Ваня. – Неужели... простите, конечно... по-русски говорить трудно?

Так вот, я и говорю... Кто бы мог подумать! Посмотришь – тихий и застенчивый, а как подошло к тому, чтобы защитить свое предложение, направленное, так сказать, на благо нашего народного хозяйства, так сразу преобразился. Огонь! Можно ли было сказать по внешнему виду, что он ботанику и химию самообразованием постиг в таком совершенстве? Нельзя... Так и с «профессором» этим...

Проходит этак минут двадцать. Вваливается в избу в сопровождении Василия Васильевича Терехова какой-то старичок среднего роста. Выражение лица добродушное, вроде как бы улыбается все время. Одежда скромная.

– Здравствуйте, товарищи! – говорит. – Простите, что задержался! Тут соблазн по пути подвернулся. Не утерпел. Осматривал, при любезном сопровождении дорогого Василия Васильевича, ваше лесное хозяйство. Может быть, оно и неудобно, так сказать, без хозяина, председателя колхоза... Не вы ли им будете? – обращается он ко мне.

– Я председатель... А вы кто будете?

– Разрешите представиться: профессор Сокольников. Командирован к вам из научно-исследовательского института... Ну как, Аркадий Агафонович? – обращается он к товарищу, которого мы раньше приняли за профессора. – Уже договорились насчет помещения и прочего?

«Вот так штука! – думаю я. – Кто бы мог подумать, что это профессор! Уж очень

незаметный на вид...»

Начинает расспрашивать Ваню Чирюлина. Говорит просто, никаких тебе «циркуляций». Все понятно. А Павлинский, оказалось, всего-навсего, так сказать, технический помощник, не имеющий никакой ученой степени. Он сопровождал престарелого профессора.

Прожили они у нас две недели. За это время Ваня Чирюлин окрасил в их присутствии три десятка растений всевозможной породы. Пробовали в разные цвета: красный, синий, зеленый, фиолетовый...

– Замечательное это предложение! – как-то говорит мне профессор. – Какую красивую мебель можно делать из такого дерева! Какие дорогостоящие приспособления потребовалось бы сделать, чтобы пропитывать краской древесину насквозь, и все равно материала, подобного красному дереву, не получилось бы. Товарища Чирюлина вашего я заберу с собой в Москву. Пусть сделает научный доклад о своем оригинальном способе. По всей вероятности, мы совсем его там оставим. Знающие и талантливые люди нам нужны. Только уж робкий он слишком. Но это ничего, бывает...

Вас, конечно, заинтересует, в чем, собственно, заключается изобретение Чирюлина, как он ухитрился окрасить древесину растущего дерева.

Да очень просто!

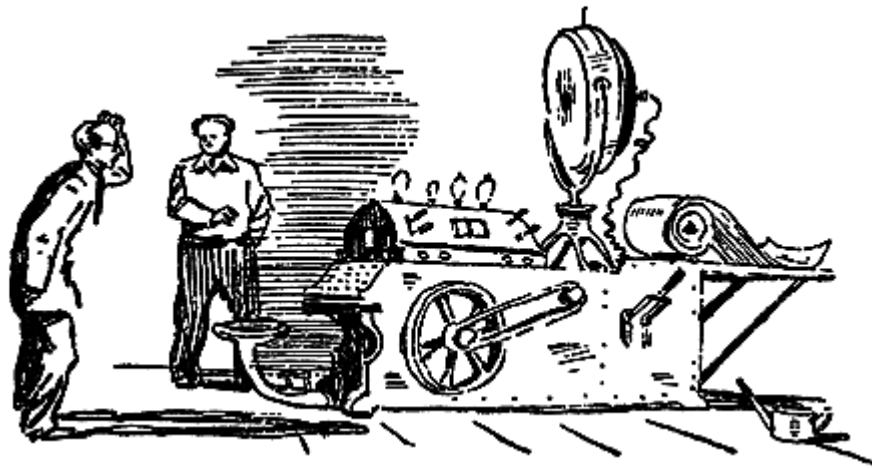
В дереве, возле самого корня, сверлится дырочка. Ну, вроде как это делают ребята весной, когда хотят добыть сладкий липовый сок. В эту дырочку вставляется резиновая трубка. Один конец трубки в дырочку, а другой, значит, к горлышку бутылки, наполненной каким-то красящим раствором. Бутылка подвешивается к этому же дереву, повыше. Понимаете? Вот краска, значит, поступает по трубке в дерево и смешивается там с соками, которые дерево пьет через корни из земли. Соки идут по всему дереву и уносят с собой краску. Даже веточки у самых листьев – и те окрашиваются! Проходит некоторое время – дерево засыхает вследствие ядовитости краски. А краска-то впитывается в древесину так прочно, что ее оттуда уже ничем не вытравить. В каждую клеточку попадает! Получается настоящее красное дерево.

Ну, конечно, при первых опытах, которые производил Чирюлин, все это получалось несовершенно. Краска ложилась неравномерно – химический состав красителя не был подобран правильно. А когда под это предложение были подведены твердые научные основания, все стало на свое место. Вот сейчас тут у нас крупные делянки леса находятся под опытным участком.

Вас интересует, какова судьба Вани Чирюлина? Теперь он в большом почете. А застенчивым и скромным так и остался.

Вот поди угадай, что за человек, если судить о нем по внешним признакам!

Автоматы писателя

Призвание стать писателем я почувствовал давно. Друзья из среды литераторов отнеслись ко мне недоверчиво:

– Ну что ж, попробуйте! Вы думаете, это легко? Это вам не машины изобретать. Там все поддается математическим вычислениям и сразу видно, что нужно. А вот в литературной деятельности столько неясностей...

– Вы представляете, – говорил мне один известный писатель, – я переписываю свои произведения по двадцать пять раз! Вы понимаете: двадцать пять раз!

– Все это ерунда! – гордо отвечал я. – У меня, например, имеется много интереснейших воспоминаний. Только садись и пиши.

Очутившись перед листом чистой бумаги, я очень быстро пришел в уныние.

«Действительно, трудное дело, – подумал я. – С чего же начать?»

Меня почему-то все время тянуло изображать на бумаге математические формулы. Или, в крайнем случае, еще раз написать отчет о своей последней работе под названием «К вопросу о псевдопараметрическом резонансе в четырехполосниках при неустановившемся режиме контуров».

Где-то в глубине сознания вертелось малопонятное слово «сюжет».

«О чем, собственно, я буду писать? – проносилось у меня в голове. – Вот говорят, что существуют в литературе художественные образы. Что это за образы такие? Надо просто начать с чего-нибудь, а там будет видно. Подумаешь, образы!»

Наконец я решился обмакнуть перо и приступить к делу:

«Мои воспоминания, дорогие товарищи, касающиеся...»

Что написать дальше, я просто не знал. А тут еще с моего пера, беспомощно повисшего в воздухе, сползла капля чернил, и на рукописи образовалась клякса.

«Это черт знает что такое! – решил я. – Разве можно писать таким отвратительным пером! Писательскую деятельность нужно обставить с максимальным удобством. Зачем, например, поминутно макать перо в чернильницу? Это ведь отвлекает от творческого процесса! Потом, эта клякса... Нет, нужна автоматическая ручка. Очень совершенная, специальная ручка. Странно, что я сразу не подумал об этом».

Несколько дней я затратил на подыскание хорошей автоматической ручки, над которой затем я еще долго изощрялся, переделывая и совершенствуя ее до пределов возможного. Мне

удалось добиться, чтобы ручка содержала в себе такое количество чернил, которого хватило бы по крайней Мере для написания «Войны и мира».

Довольный результатами своей работы, я снова уселся за письменный стол.

«Мои воспоминания, дорогие товарищи, касающиеся...»

написал я бойко.

Но дальше этого дело опять не пошло. Вначале, когда я прикоснулся пером к бумаге, мне показалось, что мысли потекут плавно и свободно. Но пока я писал эту маленькую фразу, мысли обогнали перо, как-то запутались и превратились в невероятную кашу.

«Рука не успевает за мыслями. Нет навыка, – решил я. – Хорошо этим писателям: они только и знают, что пишут...»

Неожиданно меня осенила блестящая идея. Я даже подскочил от радости. Ну да! Это же так просто! Все писатели лопнут от зависти. Необходимо построить специальную машину!

Я живо представил себе эту машину. Очень усовершенствованный звукозаписывающий аппарат. Вот я расхаживаю по комнате и излагаю свои воспоминания вслух. Чувствительный микрофон улавливает мою непринужденную речь, а аппарат записывает ее на пленку. В комнате тишина. Ничто не отвлекает моего внимания. Какое может быть сравнение с машинисткой или стенографисткой! Машина не будет ошибаться или переспрашивать. Наконец, присутствие постороннего человека сковывает свободный полет мысли.

* * *

Около месяца у меня ушло на проектирование и изготовление этого усовершенствованного писательского диктографа. Правда, он получился громоздким и занимал весь письменный стол, но зато был необыкновенно удобен в работе.

Запись звука производится на магнитную пленку. Легкое нажатие кнопки переключает прибор, и из репродуктора слышится мой собственный голос, повторяющий только что сказанное. Если мне не нравится, например, оборот речи или высказанная мысль получается недостаточно ясной, тотчас нажимается другая кнопка. Неудачное место стирается.

Теперь снова можно повторить фразу, изменив ее в лучшую сторону. Ко всему этому нужно добавить, что для создания у автора соответствующего настроения из другого рупора раздается, если я этого хочу, легкая, бодрящая музыка.

Ясно, что машинистка уже без меня, внимательно прислушиваясь к репродуктору, свободно перепечатает записанную речь, и у меня в руках окажется совершенно готовая рукопись.

Первое практическое применение прибора оказалось необыкновенно успешным.

Говорил я, как мне казалось, чрезвычайно красиво. Расхаживая по комнате, я ударял себя в грудь кулаком, а в конце своей речи даже слегка прослезился. Мне показалось, что я, неожиданно для себя, создал гениальное произведение.

Зато какое было разочарование, когда я увидел все продиктованное перепечатанным на машинке!

Просмотрев рукопись, я пришел в ужас.

– Вы что-то не то напечатали! – проговорил я печально, обращаясь к машинистке. – Прежде всего, не так расставлены знаки. Вот посмотрите: «Мои воспоминания дорогие. Товарищи, касающиеся...» Получается абсурд...

Машинистка ушла обиженная и расстроенная. Я же целый день не находил себе места. Нужно было бы взять обыкновенное перо, исправить ошибки. Но не таков был мой гордый дух изобретателя. Мое воображение уже рисовало другую, более совершенную машину. В ней, безусловно, должна отсутствовать такая деталь, как нежная и капризная машинистка.

Вечером меня посетил писатель С, известный своими горячими выступлениями на всех

диспутах на тему, как надо писать, но сам еще почти ничего не написавший.

– Ну как? Пишете? – спросил он строго.

– Конечно! Благодарю вас, – ответил я непринужденно. – Получается сравнительно ничего.

Писатель говорил весь вечер о новой теории прозы и критиковал подход к развитию сюжета, придуманный писателем Ш. Я же доказывал, что у современных литераторов нет правильного научного подхода к технике самого процесса писания. Мы очень мало понимали друг друга, но в общем остались довольны.

– Я хочу подарить вам эту звукозаписывающую машину, – предложил я на прощанье. – Она вам здорово поможет.

Писатель подозрительно посмотрел на сложные приборы, расставленные на письменном столе, но мое предложение принял.

– Хорошо. Спасибо, я постараюсь воспользоваться вашим аппаратом, – проговорил он неуверенно.

* * *

На изготовление нового прибора у меня ушло три месяца. Собственно, его уже нельзя было назвать прибором. Это была сложная установка, занимавшая половину комнаты.

В огромных металлических шкафах были расположены громоздкие звуковые анализаторы. Каждой букве соответствовал свой звуковой фильтр. Стоило только произнести перед микрофоном какую-либо букву, как аппаратура немедленно приводила в действие соответствующую клавишу пишущей машинки. Можно было говорить с любой скоростью и тут же любоваться, как из-под машинки выползает напечатанный текст.

Это был весьма совершенный прибор с точки зрения современной науки и техники. Но... Опять появилось «но».

Помню, как лихо я принялся диктовать, подбадриваемый резвым стуком автоматической клавиатуры. Все шло отлично, но, к сожалению, лишь до того момента, пока я не взял в руки первый напечатанный лист.

Вот что на нем оказалось написанным:

«Мои воспоминания дорогие товарищи касающиеся...»

Вначале я замер от огорчения. Моя машина писала совершенно безграмотно! Как это могло получиться? И вот только тут я вспомнил, что виновата не машина, а люди, пишущие обычно совсем не так, как они выговаривают слова. Действительно, букву «о» мы часто произносим как «а». Машине нет никакого дела до этой несуразности. Она честно печатает все так, как слышит, не делая никаких поправок.

На усовершенствование машины потребовалось еще два месяца. Теперь она уже занимала почти всю комнату, но зато печатала вполне правильно.

Не буду останавливаться подробно на том, как я разочаровался и в этой машине. Произведение, созданное с ее помощью, показалось мне чрезвычайно запутанным и бездарным.

«Видно, я не умею ярко и красочно излагать свои мысли словами. Нет у меня такой способности», пришел я к неутешительному выводу.

Что же касается самих мыслей, то на этот счет у меня не появилось никаких сомнений. Мысли могли быть только блестящие. Я чувствовал, как они кипят в моей голове, рвутся наружу, а изложенные с помощью тяжело ворочающегося языка, становятся бледными и чахлыми.

* * *

Решение построить еще один сверхсовершенный прибор появилось у меня именно в тот момент, когда ко мне пришел в гости писатель Г., создавший огромное количество произведений, которые почему-то никто не хотел читать.

– Ну как? Работаете? – ласково спросил он. – Я слышал, что у вас уже много написано.

– Да, есть кое-что, – мрачно ответил я.

– О, это очень интересно! – продолжал писатель Г. – Жалко, что не располагаю временем, а то бы прочел... Я, собственно говоря, к вам по делу. Вы подарили писателю С. усовершенствованный диктограф. Представьте себе, все издательства завалил своими рукописями! Это же черт знает что такое! Нельзя ли и мне получить такой приборчик? Очень прошу вас: устройте! А?

Вместо ответа я взял писателя под руку и повел в комнату, где была расположена моя последняя буквопечатающая модель.

– Дарю вам более совершенный прибор, чем у писателя С, – бормотал я по дороге. – Сам будет печатать от звука вашего голоса. Только заберите. Он мне мешает.

При виде страшного нагромождения, царившего в комнате, писатель Г. чуточку побледнел.

– А это все можно будет... установить в дачном сарае? – робко спросил он, видимо напуганный размерами шкафов.

– Можно, – проговорил я решительно. – Грузовик для перевозки дам. Людей пришлю... Только возьмите!

* * *

Прошло полгода напряженной работы. Вот наконец готова новая, самая совершенная писательская машина, какую только можно представить. Это подлинное чудо. Здесь соединены воедино новейшие достижения радиотехники, телемеханики, автоматики и электрофизиологии. Вся установка занимает три комнаты.

В специальном, удобном кресле располагается писатель – автор. Вид у него, правда, немного странный. Он до некоторой степени напоминает приговоренного к электрическому стулу. На голове у писателя находится металлический колпак, от которого тянутся завитушки проводников. Такие же провода прикреплены к рукам и ногам творящего автора.

В сущности, идея работы новой машины необыкновенно проста.

Все хорошо знают, что в нашем организме зарождаются слабые электрические токи, блуждающие по телу. Характер этих токов соответствует работе различных органов человека. В медицине уже давно применяются приборы, с помощью которых электрические сигналы, порождаемые, например, деятельностью сердца, записываются на бумажную ленту и внимательно изучаются врачами.

Исследование нервной системы на основе электрофизиологических токов также известно давно. В заслугу себе я ставлю только то, что мне удалось расшифровать ничтожные сигналы, сопутствующие нашему мышлению. Правда, трудно было превратить их в систему сильных электрических импульсов. Но теперь это все позади. Четырнадцать шкафов, наполненных ста двадцатью пятью электронными лампами, прекрасно справляются с этой задачей. Мои мысли легко превращаются в четко напечатанный на машинке текст.

Возможностью необыкновенно свободного творчества я долго не решался воспользоваться. Ждал вдохновения и хорошего расположения духа. Но вот наконец этот момент наступил... Прочно укрепляются браслеты-наручники. На тщательно выбритую голову надевается электрический колпак. Теперь, кажется, все готово. Сигнальные приборы указывают, что одиннадцать лаборантов находятся на своих местах. Можно приступать.

Дрожащей рукой я нажимаю пусковую кнопку...

...Более внимательным изучением текста, полученного с помощью мыслепечатающей машины, я занимался уже лежа в постели, свалившись под влиянием переутомления и новой неудачи.

Вот что прыгало перед моими воспаленными глазами:

«Мои воспоминания... мои воспоминания... Не село бы напряжение в сети!.. О каких таких воспоминаниях я, собственно, собираюсь написать? Нет, лучше начну так: «Взирая на тихое Черное море...» Нехорошо: «тихое Черное море...» Существует «Тихий океан»... Хотя... помню прекрасно, что море тогда было действительно тихое... Странно... Как же написать в этом случае?.. «Взирая на Черное море, которое в данный момент было тихое... и которое...» Жмет этот дурацкий колпак на голове!.. Надо будет усовершенствовать... Так что же, черт возьми, мне делать с этим тихим морем?»

И так далее.

* * *

Мыслепечатающий аппарат я подарил драматургу Н. В последнее время общественность неоднократно упрекала этого автора в творческом застое. Он же, со своей стороны, оправдывался тем, что будто бы во сне ему часто видятся различные сценические образы, но какие именно, он, просыпаясь, вспомнить не может.

Моя машина значительно помогла этому автору.

Врачи нашли у меня страшное переутомление. – Вам необходимо отдохнуть этот месяц три в глухой деревне, – говорили они. – Ведь вы проделали такую колоссальную работу! Какие огромные достижения! Весь медицинский мир потрясен... Ваш прибор, регистрирующий мозговую деятельность... Они меня явно не понимали.

Не напряженная работа в течение двух лет расстроила мои нервы, нет! Подкосила мое здоровье жестокая неудача.

Ведь я хотел стать писателем!

Исключительно для этой цели я построил столько сложных машин! Все они оказались замечательными и полезными. Диктографами и буквопечатающими машинами воспользовались другие литераторы. Писатель Г., автор бесчисленных, никем не читаемых книг, увеличил свою производительность настолько, что ему самому стало противно и он неожиданно бросил писать. Мыслепечатающая машина нашла широкое применение в медицине и для общения с глухонемыми. На сцене появилась замечательная пьеса, задуманная во сне драматургом Н.

Но я не стал писателем.

«Почему это так? – мучительно думал я. – Ведь как будто вся моя деятельность была направлена именно к этому...»

Долго я предавался своим горестным размышлениям, пока со мной не произошел один, казалось бы, совсем пустяковый случай.

Однажды в деревне, прогуливаясь по берегу маленького озера, я увидел валяющееся на земле красивое гусиное перо.

«Этим примитивным приспособлением люди писали еще совсем недавно, – мелькнуло у меня в голове. – Жалким был тогда уровень техники. Просто интересно, как это делалось?»

Захватив с собою перо, я отправился в беседку, где с помощью перочинного ножа придал ему форму, необходимую для писания. Бумагу и чернила, по моей просьбе, принесли немедленно.

Сначала я нарисовал несколько уродливых чертей. Затем попробовал писать.

«Да... – думал я. – Писать можно. В сущности, вот таким пером работали Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Шекспир, Данте. И получалось у них неплохо. А у меня почему-то не вышло. С такими совершенными средствами!.. Не в механизмах все-таки, видно, здесь дело, а в способностях и в упорном труде. А что, если попробовать этим пером?»

С ожесточением принялся я писать, перечеркивая целые страницы.

Так появилось это краткое повествование, написанное и переписанное во время моего отдыха тридцать шесть раз. Может быть, вы подумаете, что гусиным пером? Нет, самым обыкновенным.

Данная электронная сборка не является копией
какого-либо полиграфического издания.
Это компьютерная компиляция текста и элементов оформления книги.

Настоящая публикация преследует исключительно
культурно-образовательные цели и не предназначена
для любого коммерческого воспроизведения
и распространения, извлечения прибыли и т.п.

4p.50к.